

18+

Михаил Каюрин

Чёрная стезя. Часть 3

Бедняцкое счастье

Михаил Александрович Каюрин

Чёрная стезя. Часть 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67030724

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92383-6

Аннотация

История семьи Ярошенко, выходцев из украинского села. Три поколения проходят через тяжёлые испытания. Глава семейства Марк, георгиевский кавалер, за отказ вступления в колхоз сослан с семьёй на Урал. В 1937 году по ложному доносу приговорён к 10 годам лагерей НКВД, где его постигает смерть. Сын Иван прошёл через жернова Сталинградской битвы, уцелел на Курской дуге и сложил голову на Украине. Не миновала чёрная стезя и внука Михаила, однако, судьба сложилась более благосклонно, отводя его от смертельного исхода. Подводная лодка К-8, на которой ему предстояло служить, погибла в Бискайском заливе за неделю до его прибытия в экипаж. Он чудом уцелел в Аравийской пустыне во время бомбёжки израильского самолёта. Годом позже едва не сгорел при пожаре в отсеке подводной лодки. А потом удары судьбы последовали один за другим. Его предал офицер, которого он спас, отвергла девушка, которую любил, изменила жена, от него отреклась дочь...

Михаил Каюрин

Чёрная стезя. Часть 3

Бедняцкое счастье

Глава 1

Минули октябрьские праздники, вновь начались трудовые будни. Мишка Кацапов третий день трудился в первую смену. С утра, как обычно, произошла короткая встреча с Костей Балуевым, которого он сменял после ночной смены. Они поприветствовали друг друга крепким рукопожатием. Мишка бросил мимолётный взгляд на поверхность станка, оценивая её чистоту перед сдачей ему рабочего места.

– Подшипник шпинделя что-то застучал, – сообщил Балуев, закрывая на замок свой инструментальный ящик. – Сделай сегодня заявку слесарям, пусть посмотрят.

– Сделаю, – коротко ответил Кацапов, – остальное в норме?

– Всё чики-чики, – одобрительно отозвался Балуев. – Норму выгнал с большим хвостиком и вздремнуть успел.

Мишка улыбнулся. Он знал все хитрости выполнения месячного плана. Все токари-сдельщики за дневные смены ста-

рались перевыполнять план по максимуму, чтобы иметь задел на будущее. Потом, когда трудились по ночам, этот задел предъявляли контролёру, как продукт ночной смены, успевая вздремнуть пару часов на лавке в душевой.

Сменные мастера знали про этот трюк, но закрывали глаза. Для них главным критерием было выполнение месячного плана, и лишь после него – трудовая дисциплина.

– Есть ко мне претензии? – спросил Балуюев.

– Вроде нет. Станок сверкает, как у коты яйца, – оценил качество протирки станины и салазок Мишка. – Можешь отчаливать.

– Тогда до завтра?

– До завтра.

Балуюев развернулся и направился в душевую.

Мишка поднял кран-балкой тяжёлую кованую заготовку, вставил её в патрон, подпёр центром задней бабки, принялся центровать.

Вскоре его ДИП-300 загудел, набирая обороты. Мишка подвёл резец, отложил на шкале нониуса нужную глубину среза, запустил продольный ход.

Блеснул свежесрезанный металл, из-под резца, скручиваясь, проворно побежала серебристая змейка стружки. Она удлинялась на глазах, Мишка поймал её металлическим крючком и направил вдоль станины.

– Привет рабочему классу! – услышал Мишка у себя за спиной.

– Привет, – ответил он, не оборачиваясь, и узнал по голосу Анатолия Хохрякова.

Хохряков был его учителем-наставником, обучал токарному ремеслу, пока Мишка не сдал экзамен и не получил право самостоятельной работы.

– Как дела с выработкой? – спросил Анатолий, зайдя сбоку, чтобы видеть лицо собеседника.

– Нормально. В прошлом месяце сто двадцать семь дал.

– На четвёртый разряд сдавать не собираешься?

– Никто не предлагал, а сам не напрашиваюсь.

– Да-а, скромности у тебя, хоть отбавляй, – проговорил Хохряков. По голосу было непонятно: одобряет он такое качество, или же осуждает.

– Давай, с мастером переговорю?

– Не надо.

– Почему?

– Не успею. Со дня на день повестки жду.

– Призывную комиссию прошёл?

– Прошёл.

– И куда?

– На флот, 64-я команда.

– На флот – это хорошо. Там тебя всему научат.

– А в других войсках учат не всему? – рассмеялся Мишка.

– Нет, – твёрдо заверил Хохряков. – Только на флоте можно освоить порядка десяти мирных профессий. В пехоте такой возможности нет.

Мишкин наставник знал, что говорил. Он отслужил на подводной лодке четыре с половиной года и демобилизовался в звании главного старшины. Незадолго до приказа об увольнении в запас его лодка ушла в длительный поход, и старшине команды торпедистов пришлось переслужить положенный срок ещё на полгода.

Головным убором Хохрякова вместо положенного чепчика до сих пор служила чёрная пилотка подводника с тоненькими белыми полосками по верху.

– Получишь повестку – дай знать, – сказал Хохряков. – Проводим, как положено. Я эту неделю в ночь работаю.

– Не сомневайся, Анатолий Петрович.

– Ну, бывай, Мишаня. Смотри, не запори деталь – под резцом у тебя высокий класс точности. Работа, как я вижу, пятого разряда, да?

– Угадал. Мастер мне доверяет, и я не могу его подвести. Хохряков ушёл.

Резец достиг конца обрабатываемой поверхности, Мишка отвёл его, отогнал суппорт в исходное положение, выключил сцепление. Затем взял в руки штангенциркуль, снял размер.

«Ещё прогнать пару раз, а потом можно запустить на чистовую обработку, – отметил он про себя. – Сегодня я должен закончить вал и сдать контролёру».

Резец вновь двинулся вдоль вала, снимая с поверхности черновую стружку. Мишка стал размышлять о предстоящих проводах на службу.

«Сдержал своё слово военком, не забыл», – подумал он, вспомнив рассерженное лицо подполковника, который стыдил его год назад. Мишка стоял тогда перед ним, низко опустив голову, и готов был провалиться сквозь землю...

... Ещё в десятом классе он, минуя военкомат, отправил по почте своё заявление о приёме в военно-морское училище. Конкурс там был велик. Ему казалось, что обращение к начальнику училища напрямую увеличит его шансы на поступление. Он внимательно изучил правила приёма и убедился, что такой порядок приёмки документов не возбраняется.

Заявление было принято, из училища пришёл вызов на домашний адрес, Мишка направился в военкомат. И тут начались все его неприятности.

Офицер, оформлявший ему воинское требование на бесплатный проезд в поезде до Симферополя, высказал Мишке всё, что думал о нём.

– Ты знаешь, как это называется?! – спросил он гневно, едва взглянул на персональный вызов из училища. – Самоуправство и самоволие! Вот что это! За такие вещи в армии по шёрстке не гладят, а сразу бьют по кумполу! Отправить документы без ведома военкомата! Мыслимое ли дело? Ты что о себе возомнил? Кто тебя надоумил так поступить?

– Никто, я сам, – ответил Мишка, не понимая, почему офицер закипел, как чайник. – Прочитал правила приёма, собрал необходимые документы и отправил. Вот и всё.

– Вот и всё! Ты обязан был обратиться за разрешением в военкомат, ясно? И справка медицинская должна исходить от нас, по установленной форме, а не по визуальному заключению, чёрт тебя возьми!

– Откуда мне было знать?

– Телком-то не прикидывайся тут! Ты призывник, а училище, в которое пошли твои документы – военное!

Офицер выплёскивал свои эмоции довольно долго. Закончив монолог о воинской дисциплине, он пригрозил:

– Ну, ничего, вольёшься в ряды вооружённых сил – командиры быстро вправят твои мозги на место.

Оформив проездные документы, Мишка отправился в Севастополь.

Абитуриентов прибыло на вступительные экзамены очень много, мест в курсантском общежитии на всех не хватило, пришлось разбить палаточный городок. В одну из палаток заселили и Мишку. Кроме него здесь обосновались ещё трое ребят. Камал приехал из Казахстана, Игорь из Владимира, Олег прибыл из-под Краснодара.

Ребята быстро подружились. Неделя пролетела незаметно. Утром проходила физзарядка под руководством старшекурсника, после неё завтрак, потом весь день была самоподготовка в читальном зале с перерывом на обед. После ужина абитуриенты расходились по местам расселения. Отдыхали, затем вновь садились за учебники.

Первый экзамен Мишка сдал на отлично, второй на чет-

верку. Накануне третьего произошло событие, которое никто из абитуриентов не ожидал.

Вечером памятного дня, устав от зубрёжки, они спустились к морю. Плавали, загорали, дурачились, пока на горизонте не показалась чёрная туча. Схватив одежду, побежали к своей палатке.

К удивлению Мишки, на его кровати в грязных ботинках, вытянувшись во весь рост, лежал незнакомый здоровенный курсант. Судя по трём нашивкам на рукаве, этот парень закончил третий курс. На погончиках робы, скукожившись, виднелись две лычки старшины второй статьи. Он лежал на спине, лицо было накрыто бескозыркой. Парень спал или прикидывался, что спит.

– Опаньки! – воскликнул Мишка, пытаясь своим возгласом разбудить непрошенного гостя. – Кто посмел лечь без спросу на мою постель? Кто ел из моей чашки?

Курсант не пошевелился. Друзья Мишки переглянулись, казах сказал с сочувствием:

– Может, товарищ устал и решил отдохнуть? Зачем беспокоить человека. Пусть отдохнёт, затем сам уйдёт. Присядь пока на мою кровать, пережди.

– Он же не бездомный, – заметил Мишка и, подойдя к кровати, тронул курсанта за плечо.

– Эй, уважаемый, просыпайся, – весело произнёс он. – Погостил, пока нас здесь не было, пора и честь и знать. У нас завтра экзамен, нужно ещё подготовиться.

Парень ленивым движением руки сдвинул бескозырку с лица и сквозь зубы произнёс:

– Ты это мне, салага? Убери свою ниточку с моего плеча и не мешай крабу отдыхать.

Бескозырка вновь легла на лицо нахала.

Мишка от неожиданности раскрыл рот, поразившись беспредельному хамству. Уже через секунду, придя в себя, он молниеносно сдёрнул с лица курсанта бескозырку и положил её ему на грудь.

– Э-э, парень! В гостях так себя не ведут! Хамить – это дурной тон.

Курсант не ожидал такого поворота, во все глаза уставился на смельчака. В его голове, возможно, вовсе не укладывалось, чтобы какой-то зелёный абитуриент посмел дерзить ему, старшекурснику, морскому волку, без пяти минут офицеру.

Он медленно приподнялся, передвинулся на край кровати и сел, сбросив ноги на пол. Продолжая пялиться на Мишку удивлёнными глазами, сказал:

– Я, шо-то, не понял: кто-то тут пискнул, или мне показалось?

– Шёл бы ты, паря, отсюда по-хорошему, – спокойно проговорил Мишка.

– А то шо?

– А то придётся мокнуть под дождём, – Мишка отошёл от кровати на пару шагов, остановился в ожидании. Трое его

новых друзей застыли в тревоге, сидя на своих кроватях.

В это время, словно в подтверждение его слов, в проёме палатки сверкнула молния и тут же раздался оглушительный гром.

Курсант был выше Мишки почти на голову, и комплекция его была внушительной. Он встал и двинулся на него, как бык на красную тряпку.

– А ну повтори!

– Дождь хлестанёт с минуты на минуту, говорю. Пора поторопиться восвояси.

Изо рта курсанта исходил запах водки. Он был пьян и настроен воинственно, его ручищи угрожающе сжались в кулаки. Еще секунда-две и его кувалды пройдутся по голове Мишки.

Мгновенно вспомнилось наставление отца в детстве:

«Никогда, сынок, не бойся противника, даже если он выше тебя ростом и мощнее. Твоя трусость только усугубит ситуацию, а страх ослабит силы. Когда видишь, что драки не избежать – бей первым, не раздумывая. Это главный ключ к победе».

– Миша, не связывайся с ним, – испуганно вымолвил паренёк из Владимира. – Он изуродует тебя. Как ты пойдёшь на экзамен? Беги!

Но Мишку было уже не остановить. Он терпеть не мог борзых наглецов, как бы грозно они не выглядели, и готов был наказывать их тумаками за каждую дурную выходку.

Мишка умел драться и настроил себя на поединок.

– Ну, салага, ты сам напросился, – процедил сквозь зубы курсант и цинично сплюнул на пол. – Сейчас Сёма покажет тебе, как у нас в Одессе утирают сопли строптивым юнгам.

Мишка сразу сообразил, что перед ним борец, который попытается сделать захват рук и затем провести какой-нибудь удушающий приём.

– Попробуй, – спокойно ответил он и в следующий момент, когда громила сделал резкий выпад вперёд, его кулак мелькнул в воздухе.

Курсант громко хрюкнул на выдохе и рухнул на пол.

– Вот так-то будет по справедливости, – сказал Мишка. – За каждую гадость, дружище, нужно платить.

Его друзья со страхом смотрели на копошащегося на полу курсанта.

Тот постоял некоторое время на коленях, потрянул головой, приходя в себя, и медленно поднялся на ноги.

– Не будет тебе здесь жизни, – злобно сказал он, сплюнув кровавую слюну. – Забирай свои документы и вали на все четыре.

– А если нет?

«Морской волк» криво ухмыльнулся:

– У тебя есть ровно час, чтобы упаковать вещи. Приду, проверю.

В этот момент разразился ливень. Плотная пелена дождя с шумом обрушилась на брезент. Курсант выглянул из па-

латки и, будто не замечая дождя, вразвалку зашагал прочь.

Через час, когда закончилась гроза, в палатку заглянул знакомый одессит и поманил рукой Мишку на выход.

– Выходи, разговор есть, – сказал он и скрылся из вида.

– Миша, мы тебе нужны? – робко спросил Камал.

– Сам разберусь, – ответил Мишка. – Учите уроки, заступников из вас всё равно не получится.

«Разговор» состоялся по формуле «двое на одного». Пьяный Сёма привёл с собой кореша со своего курса, который был тоже изрядно выпивши.

Драка была бессловесной и жестокой. Друг, которого привёл с собой одессит, оказался подвижным парнем и обладал некоторыми элементами бокса. Если бы он был один – Мишка, возможно, отправил бы попрыгуна в нокаут в течении пары минут. Мешал верзила, который отвлекал всё внимание и ловил момент, чтобы ухватить Мишку за руку и броском повалить на землю.

Лица парней были в ссадинах и кровоподтёках, они тяжело сопели, жадно хватали воздух ртом, задыхаясь, но не отступались. Мишка успел хорошо пройтись по их физиономиям, но понимал, что шансы на победу у него тают с каждой минутой. Он тоже изрядно подустал. Драться в честном бою с двумя бугаями было сложно, рано или поздно они улучшат момент и расправятся с ним.

Мишка попятился назад, оглядываясь по сторонам. Взгляд его упал на старое весло рядом с облезлой шлюпкой.

Не раздумывая, Мишка ухватил его и занёс над собой.

– Хотите, чтобы я раскроил ваши бошки?! – дико оскандившись, будто загнанный в угол волк, прокричал он. – Подходите, сволочи! Живее! Пришибу обоих!

Двое распалившихся курсантов остановились.

– Ладно, парень, сегодня твоя взяла, – скривившись, проговорил Сёма. – Но завтра всё повторится, если ты не свалишь из училища. Только завтра нас будет больше.

Они развернулись и скрылись за сложенными друг на друга шестивесельными ялами.

Мишка направился на берег, чтобы умыться и почистить одежду.

Когда он возвращался назад, на него трусливо напали сзади. Он не успел обернуться, чтобы защититься. На голову обрушилось что-то тяжёлое, и он потерял сознание.

В палатку он вернулся с окровавленной головой и синяком под глазом, перепугав своим видом парней. Всё это время они находились в ней, не удосужившись даже любопытствовать, почему «разговор» затянулся надолго.

– Миша, что с тобой? – с тревогой спросил Камал. – Они тебя били?

– Ты реально наивный или только прикидываешься? – со злостью сказал Мишка, сверкнув белками глаз. – Нет, чёрт возьми! Сам ударился головой. Причём, несколько раз подряд.

– Тебе надо обратиться в санчасть, – посоветовал щуплый

Олег с сочувствием. – Рану надо обработать, не то может загноиться.

– Он дело говорит, – поддержал друга Игорь. – Давай я тебя отведу?

– Да пошёл ты... – отмахнулся Мишка и улёгся на кровать.

Друзья его больше не интересовали, они разом утерjali его доверие к себе. Да и какие из них друзья, если в трудной ситуации заняли нейтральную позицию? Разве настоящие друзья так поступают? Что из того, что никогда в жизни им не приходилось драться? Он и не требовал от них вступить в потасовку. Отвратительно то, что все они МОЛЧАЛИ, отвернув головы, словно их вовсе не касалось, когда хамил этот пьяный негодяй. А когда его били – они в этот момент сидели, вцепившись в учебники. Нет, после всего случившегося ему с ними не по пути.

На следующий день Мишка для проформы явился на экзамен, вытянул билет, а уже через минуту встал и заявил, что не знает ответа ни на один из вопросов. Хотя в действительности, мог бы получить железную четвёрку.

Ему было предложено не отчаиваться, обратиться в мандатную комиссию, которая разрешит провести пересдачу. Но Мишка был категоричен. Он решил возвратиться домой.

Капитан третьего ранга, седовласый офицер, который рассматривал его дело, поначалу очень удивился несогласию Мишки на пересдачу. Потом, внимательно взглянув на сияк под глазом, сказал:

– Если сомневаешься в выборе профессии – поезжай домой. Так будет лучше. На флот идут люди с твёрдым характером и бескрайней любовью к морю. У тебя пока нет ни того, ни другого.

Получив документы, Мишка вернулся домой. В военкомате ему учинили разнос, несопоставимый ни с одной из взбучек, которые он частенько получал от матери.

«Лучше бы побили, чем так унижать, – думал он, стоя перед офицером, сжавшись в комок от стыда.

– Нет, вы посмотрите на него! Обвёл военкомат вокруг пальца, съездил на море за счёт государства и вернулся без единой стыдинки в глазах! Сколько же наглости надо иметь при себе, чтобы сотворить такое! Ты, Кацапов, знай: я отправлю тебя служить в ад! Пойдёшь у меня на флот, на самую зачуханную дизельную лодку трюмным машинистом, чтобы три года не видел белого света! Ясно?!

Мишка молчал, как партизан.

– Ясно тебе?

– Ясно, – выдавил из себя Мишка.

...И вот теперь ему предстояло отправиться на флот на три года. «Хорошо, хоть новый закон вышел, – подумалось Мишке. – На целый год скостили срок службы. Чёрт его знает, что за жизнь в этом адском трюме?»

Мишка остановил станок, сделал очередной замер. В этот момент к нему подошла контролёр смены. Звали её Галя. Смазливое лицо, тугие бедра, походка с подиума и разбит-

ной характер сводили с ума многих мужиков, но она игнорировала всех ухажёров, и с неиссякаемым постоянством загадочно поглядывала на Мишку. Друзья подкалывали его за эти взгляды, провоцировали, отпускали сальные шутки, но всё было напрасно. Мишка не поддавался на уловки и провокации. Галя была старше его на целых шесть лет, у неё имелся четырёхлетний сын и этим всё было сказано.

– Привет, Кацапов, – игривым голосом произнесла она, поставила одну ногу на край деревянной решётки, выставив напоказ смуглую красивую коленку. – Зайди в конторку, как освободишься.

– Что стряслось? – спросил он, стараясь не встречаться взглядом со жгучими зелёными глазами Гали. Эти глаза будто воспаляли его, лицо сразу заливалось густой краской и перехватывало в горле.

– Зайди, узнаешь.

– А сейчас сказать нельзя?

– Меня попросили передать тебе, я и передаю, – томным голосом отозвалась Галя.

– Считай, что передала. Прогоню чистовую стружку и зайду, – недовольно пробурчал Мишка и включил сцепление. Вал завращался, набирая обороты. Мишка стал подводить к нему кончик резца, давая понять всем своим видом, что разговор окончен.

Галя обиженно поджала губу, отошла от станка и двинулась дальше по пролёту, в конце которого работали фрезе-

ровщики.

«Чего я им вдруг понадобился? – подумал Мишка. – Вроде журить меня не за что».

Через десять минут, убедившись, что поверхность вала готова по всем параметрам, он выключил станок и направился в конторку.

– А-а, Миша, – обрадовалась табельщица тётя Валя, когда он появился в дверях тесной конторки. – Присаживайся, подпись твоя требуется.

– Чего случилось-то, тётя Валь? – насторожённо спросил Мишка. – Ничего особенного, повестку я должна тебе вручить под роспись. – В армию? – радостно сорвалось у Мишки.

– В её родимую, – пожилая табельщица нацепила очки, взяла тоненькую стопочку повесток из военкомата, стала перебирать их, отыскивая взглядом его фамилию.

– Вот, твоя. Кацапов. Распишись.

Мишка взял ручку, расписался. Сердце забило учащённо.

– А кого ещё призывают, тётя Валь? – поинтересовался он.

– Игоря Ледина, Владика Дубровского, Володю Котова, Сашу Атёсова...и, кажись, больше нет никого из механического. Остальные ребята из метизного отделения.

– Спасибо, тётя Валь! – поблагодарил Мишка табельщицу и выпорхнул из конторки.

День тянулся очень медленно. Мишка закончил изготов-

ление вала, ещё раз выполнил контрольные замеры, и только после этого снял его со станка кран-балкой, погрузил на тележку.

Едва он успел отогнать кран-балку по монорельсу в сторону, как тут же, словно из-под земли, появилась Галка.

– Сдаёшь? – спросила она.

– Сдаю, принимай.

Галка извлекла из кармана штангенциркуль, присела у тележки на корточки, принялась делать контрольные измерения. Её юбка натянулась на бёдрах и поднялась на четверть выше колен, обнажив красивые ноги.

Мишка смотрел на них и чувствовал, как кровь приливает к лицу. Он тут же отвернулся, чтобы не выдать своего смущения.

– Молодец, не запорол ни одного размера, – одобрила работу Галка, выпрямляясь. – Можешь отвозить на склад.

– Угу, – буркнул Мишка.

– Ты со всеми так разговариваешь? – неожиданно спросила Галка.

– Как? – вырвалось у Мишки. Он повернулся к женщине и тут же встретился с её призывно горящими зелёными глазами.

– Недоброжелательно.

– Тебе показалось.

– Вообще нет. Уже год мы вместе работаем, но я ни разу не слышала от тебя добрых слов. Всё только бур-бур, да бур-

бур, будто я баба-яга какая-то.

– Ты сейчас к чему это клонишь? – Мишка в упор посмотрел на Галку. – Чего добиваешься?

– Ничего не добиваюсь, – спокойно ответила Галка. – Просто ты хороший парень и нравишься мне, мы могли бы дружить, а не собачиться.

– У тебя, кроме меня, дружилыщиков пруд пруди, я уже лишний, – дерзко высказался Мишка.

– Наслушался небылиц обо мне и поверил? – улыбнулась Галка. – Теперь понятно, почему ты избегаешь меня и грубишь.

Мишке вдруг стало стыдно за свои слова, и он смягчился:

– Поздно уже дружбу заводить, в армию меня забирают.

– Дружить никогда не поздно. Когда твоя отправка?

– Двадцать седьмого.

– Ещё целых две недели, – с растяжкой произнесла Галка. – За это время можно горы свернуть.

Мишка начал смутно понимать, на что намекает эта красивая женщина и почувствовал, как в голову ударила горячая кровь. Он верил и не верил своей догадке. На его лице явно отразилось замешательство, и Галка не могла его не заметить.

– Ты уже взрослый мужчина и всё понимаешь, – продолжила она с ласковой улыбкой на лице. – Приглашаю тебя в гости. Этот визит можно назвать проводами.

Кровь ещё сильнее застучала в висках. Мишка, растеряв-

шись вконец, молчал. Мысли с лихорадочной быстротой носились в голове.

«Что, если она действительно говорит правду и у неё после мужа никого не было? Может, она влюбилась в меня, а я как последний идиот грублю ей, презираю».

– Я подумаю, – с трудом выдавил он. В горле пересохло, голос стал неузнаваем: был хриплый и предательски дрожал.

– Подумай, Мишечка, – улыбнулась Галка и направилась к конторке, соблазнительно покачивая бёдрами.

Мишка с опаской огляделся по сторонам. Вдруг кто-нибудь оказался поблизости и стал нечаянным свидетелем их с Галкой разговором? К счастью, никого рядом не было, разговор останется в тайне.

С гулко стучащим сердцем Мишка направился в душевую и через полчаса уже стоял на автобусной остановке.

Автобус в посёлок ходил два раза в час, очень часто случались срывы графика. В часы «пик», когда заканчивалась рабочая смена на заводе, на остановке скапливалось большое количество людей. Не всем было суждено попасть в автобус. После ожесточённого штурма часть поселковых жителей оставалась на остановке. Кто-то, кляня всех чертей, отходил в сторону и ждал следующего рейса, кто-то, смачно сплюнув, матерясь, отправлялся пешком в шестикилометровое путешествие по убитой дороге без тротуаров, а кто-то выходил на проезжую часть и ловил попутный транспорт.

Мишка был тёртым калачом. Не было ещё ни одного слу-

чая, чтобы он не попал в салон. У него была отработана своя система штурма. Он отходил от остановки на пятьдесят метров в ту сторону, откуда приходил автобус и стоял на стрёме. В этом месте дорога имела крутой изгиб, автобус затормаживал, приближаясь к остановке. Мишка улавливал этот момент, приближался к дверям вплотную и шагал так до самой остановки. Когда автобус останавливался и раскрывалась задняя дверь, он оказывался в числе первых, кто поднимался на подножку.

Система не подвела его и на этот раз. Мишке удалось даже устроиться на заднем сиденье. Обогнув металлическую стойку у дверей, он плюхнулся в углу рядом с другом детства. Димка Арефьев был старше Мишки на один год и учился уже на втором курсе института.

– Какими судьбами? – спросил Мишка, протягивая руку для приветствия.

– Решил родителей навестить, – ответил Димка. – На праздники не смог приехать, сейчас вот вырвался на денёк.

– А меня на флот забирают, сообщил Мишка. – Двадцать седьмого. Приезжай на проводы, буду рад.

Димка что-то прокручивал в уме, затем уверенно сказал: – Обязательно буду.

Они давно не виделись и проболтали до конечной остановки. Димка рассказал, как работал летом в стройотряде, сколько чего и где построили и сколько денег заработал. Потом похвалился, что получил второй разряд по гимнастике

и у него скоро состоятся соревнования области, на которых он рассчитывает стать призёром.

Конечная остановка автобуса была рядом с Мишкиным домом. Друзья вышли из автобуса и некоторое время постояли у ворот.

– Подружку-то завёл? – спросил Димка, ткнув друга кулаком в бок. – Придёт на провода?

– Нет, Димарь.

– Что так?

– Да шалавы какие-то попадаются всё, – сплюнул Мишка. – Ни одной путёвой девчонки.

– Так уж и ни одной?

– Ну, есть некоторые, да они давно с другими гуляют.

Мишка имел в виду двух девчонок, которые нравились ему в разное время. Одноклассница Таня Сидорова предпочла Пашку Чайку, с которым Мишка отсидел на одной парте несколько лет. Их он видел совсем недавно, шедших под ручку. А в Риту Шишкину вцепился, как клещ, Валька Баранов. У этой парочки теперь дело идёт к свадьбе. Другие девчонки ему просто не нравились.

– Значит, в армии согреть душу письмецом будет некому, – с некоторым сочувствием сделал заключение Димка.

– Это лучше, чем оставить девчонку на гражданке.

– Почему?

– Я на флот иду, там три года служат, – сказал Мишка. – Не каждая способна столько ждать.

– И это правда, – согласился Димка. – Вернёшься со службы – подрастут сегодняшние пигалицы, выберешь любую.

Друзья пожали на прощание руки, разошлись. Мишка отворил калитку, шагнул во двор.

Глава 2

– Мама! – крикнул Мишка с порога. – Мне сегодня на работе повестку вручили!

Мать стояла в это время у печи спиной к сыну. Плечи у неё дрогнули, она повернулась, отставила ухват, в глазах застыла тревога.

– Когда? – выдохнула она всего лишь одно слово.

– Двадцать седьмого отправка. Как всегда, вечерней электричкой в Пермь, – Мишка снял телогрейку и шапку, сбросил кирзовые сапоги, прошёл через кухню в свою комнату. Комнатка была маленькой, в неё уместилась только железная кровать и письменный стол с этажеркой для книг в углу.

– Это что же... две недели побудешь ещё дома? – прикинула в уме мать.

– Ага... Отец с работы не вернулся?

– Нет ещё, но скоро должен быть. Он ведь пешком со Стрелки ходит, всегда после тебя появляется, когда ты в день работаешь.

– Мам! Я завтра пойду в отдел кадров, буду увольняться, – сообщил Мишка. – Получу расчёт, надо будет прикупить водки.

– Сколько человек собрался приглашать?

– Сейчас сяду с бумажкой, прикину. Но человек двадцать с гаком получится, никак не меньше.

– Что-то много ты насчитал, – расстроилась мать. – Где мы их всех усадим? Если бы летом – можно было накрыть во дворе, а сейчас мороз на улице.

– Ты, мам, не переживай. У отца на чердаке я доски видел. Разберём и вынесем кровати из комнаты, расставим по углам табуретки, положим на них доски по всему периметру, – успокоил Мишка. – И столешницу соорудим из досок. Лишь бы было, что на стол выставить.

– Так то, оно так, и всё же лишние люди тоже ни к чему, – заметила мать.

– Лишних не будет, – пообещал Мишка и принялся составлять список.

В доме наступила тишина, лишь в топке печи приглушённо потрескивали смолистые еловые дрова.

«Как быстро летит время, – подумала Василиса. – Мишке уже восемнадцать лет, не мальчик уже. Как он сейчас похож на Ивана. Тот же овал лица, те же большие любознательные глаза и озорная улыбка. Только вот нос и губы отцовские, да голос разве что более басовитый, чем был у Ивана. Ивану в 42-ом было тоже восемнадцать...»

– Мам, как ты думаешь, Верка сможет приехать? – нарушил тишину голос Мишки.

– Миша, о чём ты говоришь? Твоя сестра только-только устроилась на работу, кто же её отпустит? – Василиса тяжело вздохнула. – Потом представь, в какую даль она укатила.

– Подумаешь – Владивосток! Самолётом можно добрать-

ся за полдня.

– А денег на поездку сколько уйдёт? Ты подумал? – озабоченно проговорила мать. – И всё это ради одного дня? Двух месяцев не прошло, как вы расстались, соскучиться ещё не успели.

– Ладно, убедила. Не буду ей отправлять телеграмму. А Люба? Люба приедет?

– Обязательно, – убеждённо заверила Василиса. – Она сейчас свободна от учёбы, работает над дипломом.

– Тогда двадцать три человека получается, – подвёл итог Мишка. – Придётся ящик водки закупать.

– Ты не торопись с водкой-то, – одёрнула сына Василиса. – С отцом лучше посоветуйся.

– Ха! А вон и батя шкрякает! – воскликнул Мишка, высмотрев в окно отца. – Лёгко на помине!

– Миша, что за слово нехорошее ты говоришь? Разве можно так про отца?

– Почему же нехорошее? Слово, как слово. Ласковое, с юмором. Как раз характеризует походку бати. Идёт уставший, еле тащится.

– По снегу, наверно, брёл, по целине. Начальство наше не особо торопится трактор пускать, чтобы дорогу пробить.

Прошло некоторое время, хлопнула дверь в сенях, затем открылась входная дверь в избу, на пороге появился отец.

– Миша дома? – спросил он первым делом, потирая ладонью пробившуюся за день щетину на лице.

– Дома, – ответила Василиса. – Сидит вон, список друзей на проводы составляет.

– Какие ещё проводы?

– Повестку получил наш сын, в армию его забирают, – сообщила Василиса и посмотрела на мужа.

Кацапов старший отреагировал на новость спокойно. Вешая свою телогрейку на крючок, он изрёк будничным голосом, будто речь шла о чём-то обыденном и незначительном:

– Ну, что ж? Настал, значит, и его черёд отдать долг Родине. Все мужики проходят через это, и он должен отслужить.

Из комнаты выглянул Мишка, в руках у него был исчёрканный листок бумаги.

– Вот, пап, прикинул я тут, кого пригласить. Получилось двадцать три человека, – торжественно произнёс он.

– Никого не забыл?

– Вроде, нет.

– Когда тебя отправляют? – спросил отец, ставя мокрые валенки на приступок печи.

– Через две недели.

– Есть ещё время обо всех вспомнить. Торопиться не надо. Проводы – дело серьёзное, никого из близких нельзя забыть, чтобы не было потом обид. Но и случайных людей в этот вечер не должно быть.

– Пап, мама сказала, чтобы я с тобой посоветовался, – Мишка вопросительно взглянул на отца.

– О чём?

– Сколько водки закупать, сколько вина.

– А чего со мной советоваться? – поднял брови отец, направляясь к умывальнику. – Твои проводы, сын, тебе и решать. Я ведь не знаю, кто из твоих друзей пьющий, а кто и капли в рот не берёт.

Уже брякая носиком ручкомойника, добавил:

– Когда меня призывали в армию, мать поставила на печь бочонок браги – вот и вся недолга. Да и провожающих у меня было в три раза меньше.

– Ха! Когда это было? – усмехнулся Мишка. – Достоинственный период в деревне. Сейчас всё по-другому. Я ведь и девчонок хочу пригласить. Будем пластинки крутить, танцевать, петь. Одной брагой тут не обойтись. Некультурно и несовременно.

– Я своё слово сказал, а тебе решать, – сказал отец, присаживаясь к столу. – Молодёжь нынче больно грамотная пошла, мне её не понять.

Лучше посижу на печи, погрызу калачи, понаблюдаю со стороны.

Василиса выставила сковородку с жареными макаронами, залитыми яйцом, поставила крынку с молоком, придвинула тарелку с хлебом, сама пристроилась сбоку.

Мишка справился с ужином быстрее всех. Выпив залпом стакан молока, он сорвался с места, ушёл в комнату.

Через пару минут уже одетый он стоял в дверях.

– Ты куда это собрался? – поинтересовалась мать.

– Гулять, мама. Надо оповестить ребят. Буду поздно, не теряйте. Всё, родители. Пока-пока.

– К кому хоть понёсся, сломя голову? – спросил отец.

– Сначала к Стасику Чернову, потом вместе с ним к Игорю Ледину пойдём, – сообщил Мишка скороговоркой и закрыл за собой дверь.

– И остались старик со старухой у разбитого корыта, – сказал невесело Александр Кацапов, обращаясь к жене. – Так, что ли?

– Не такие уж мы с тобой старики, чтобы печалиться, – возразила Василиса. – И корыто у нас, слава богу, не расколотое. Не бедствуем.

– Это я так, взгрустнулось что-то, – Александр вытер усы, поднялся из-за стола, прошёл в большую комнату. Через минуту вернулся, сел на лавку под вешалкой, раздумчиво заговорил:

– Это ты у меня молодая, а я ведь уже старик. Седьмой десяток по второму году покатился. Вот проводим Мишку в армию – уйду я, пожалуй, на пенсию. Хватит мантулить. Да и ходить пешком стало далековато. Раньше, бывало, не замечал, как до дома добежал. А сейчас иду, иду, а дорога всё не кончается. Будто на несколько вёрст длиннее она стала. Двоим-то нам много ли надо? Как считаешь?

– Ты прав, Саша, – ответила Василиса, наливая в чашку воду для мытья посуды. – Сплавной сезон закончился, а быть зиму на побегушках за копейки – негоже в твои годы. –

Увольняйся, конечно.

Александр Кацапов уже несколько сезонов трудился в сплавной конторе на сплаве древесины. Заработки были хорошие, это нужно было для начисления пенсии. На зиму его переводили на пилораму пилить лес. После начисления пенсии отношение к нему резко изменилось. Сменился мастер, новая метла стала мести по-новому. На пилораму его уже не определили, использовали, как разнорабочего. Оплата труда значительно опустилась. Александр переждал до весеннего паводка и вновь отправился на лесосплав.

С началом этой зимы всё повторилось. Остаться на затычках Александр больше не желал.

– Не хочу я больше быть холопом у начальства, – сказал Александр в своё оправдание. – Лучше уж шабашки где-нибудь посибаю, если вдруг копейки не хватит.

– Саша, ты думаешь, я против? – Василиса заглянула в лицо мужа. – Не надо передо мной оправдываться. Я сама собиралась предложить тебе, чтобы ты уходил из сплавной конторы.

– Значит, одобряешь моё решение?

– Конечно. Я ведь продолжаю работать. Мне до пенсии долго ещё, проживём. И Мишу ещё успеем поднять после армии.

Василиса закончила на кухне дела, они перешли в большую комнату. Большой она только называлась, поскольку в доме было всего две комнаты, одна из которых была крохот-

ной. Сели рядышком на объёмистый деревянный сундук у печи. Это было их излюбленное место, где они коротали долгие зимние вечера, слушая радиопередачи.

– Так, что ты сказала насчёт Мишки после армии? – спросил Александр, как только они прислонились спинами к печи.

– Выучить надо Мишу, – глядя перед собой сказала Василиса. – Дочерей выучили, и сын должен институт закончить. Чем он хуже своих сестёр? Будем ему помогать.

Александр засопел недовольно, затем проговорил:

– Зачем ему институт? И без института можно в люди выйти. Вернётся из армии, пойдёт обратно на завод. Он у нас парень толковый, его заметят, мастером поставят, на курсы какие-нибудь отправят.

– Нет, Саша, – возразила Василиса. – Мастера без образования могут в любое время турнуть с должности, поставить на его место того, у кого есть корочки. Сын обязательно должен получить образование.

Они поспорили ещё некоторое время и Александр, в конце концов, нехотя сдался. В душе он был согласен с женой, но ему очень хотелось, чтобы Мишка оставался дома. Если же сын окончит институт, то станет для них оторванным ломтем, уедет по распределению куда-нибудь к чёрту на кулички, как дочь Вера, и останется там навсегда. Вот почему из его уст вырвались слова про старика и старуху, оставшихся у расколотого корыта. После того, как за Мишкой захлоп-

нулась дверь, Кацапов спинным мозгом вдруг почувствовал, что сын, уходя в армию, уходит из дома навсегда. Появляться у них он будет лишь наездами. Этот ещё не свершившийся факт уже угнетал Александра почему-то больше всего. Он умолк, на него нахлынули воспоминания...

... Свой срок Александр Кацапов отмотал от звонка до звонка. Дорога на завод была закрыта, начались мытарства с трудоустройством. Кадровики предприятий, в которые он обращался, взглянув на запись в трудовой книжке, молча возвращали ему серенькую книжицу.

Через месяц Александру удалось-таки устроиться жестянщиком в ЖКО лесосплавной конторы. Выручили умелые руки. Пришлось наглядно продемонстрировать начальнику свои способности.

– Убедил, – сказал тот хмуро, внимательно разглядывая изготовленную из жести воронку. – Оформляйся, а там посмотрим.

Мастерская, в которой предстояло работать, очень напоминала ту, которую он оставил в лагере. Стоял верстак, в углу располагалась небольшая кузница. Правда, помещение не использовалось по назначению много лет и было сильно захламлено.

Александр вынес на свалку ненужные вещи, а со свалки притащил металлическую кровать и установил в угол. Мастерская стала для него рабочим местом и жилищем одновременно. Так он и жил, пока не повстречал Василису.

Знакомство с ней произошло случайно и неожиданно.

На работе Александр сблизился с плотником Михаилом Бутко. Тот был женат на полуслепой женщине Насте, которая была старше мужа на десять лет. Семейная пара жила в бараке неподалёку от мастерской Кацапова. Жили тихо и замкнуто. Сказывалась житейская насторожённость, с которой пришлось им жить многие годы после высылки с Украины.

Однажды Михаил пригласил Александра к себе.

– Я вижу, Сано, скучно тебе вечерами, – сказал он. – Приходи к нам на огонёк. Моя бабка будет рада побалакать с новым человеком.

Александр с радостью принял предложение. Вечером, прихватив с собой бутылку портвейна, он направился по указанному адресу.

Шестидесятилетняя Анастасия оказалась доброй и гостеприимной женщиной. Она собрала на стол, они вместе поужинали, затем сели играть в карты – в «дурачка».

Когда Александр, проиграв хозяевам, месил колоду, в дверь комнаты кто-то робко постучал три раза.

– Это Василиса, – сказал Михаил. – Только она так скребётся.

Он встал, открыл дверь. В комнату вошла молодая женщина.

– Здравствуйте, дядя Миша, тётя Настя, – произнесла она звонким весёлым голосом. – Я на минутку к вам, за ключом. Картошка у меня закончилась, в яму слазать надо.

Кацапов тарасился на женщину, не в силах оторвать от неё своего взгляда.

«Мать честная, – подумал он тогда. – Да ведь это та хохлушка, о какой всё время мечтал мой друг Гриша. И глаза, и волосы, и брови... Осталось узнать: поёт ли она украинские песни?»

Женщина встретила пристальный взгляд незнакомца, смутилась, залившись румянцем.

– Да ты садись с нами, Василиса, – взяв женщину под локоть, Михаил попытался подвести её к столу. – Попьём чайку, о жизни побалакаем.

– Нет-нет, дядя Миша, – отстранилась женщина. – Спасибо за приглашение, но я не могу. У меня дел по горло. Дайте мне ключ от овощной ямы, пожалуйста, и я не буду вам мешать.

Бутко посмотрел сначала на Василису, потом перевёл взгляд на Александра, что-то прикидывая в уме, и произнёс с улыбкой:

– Ты, касатка, вовремя заглянула, у тебя сегодня хороший помощник имеется. Он поможет тебе поднять картошку из ямы. Верно, Сано?

– Конечно помогу, – вышел из оцепенения Кацапов, продолжая рассматривать гостью.

– Да я уж как-нибудь сама справлюсь, не впервой, – попыталась возразить Василиса

– Вдвоём-то оно сподручнее, – настойчивым голосом про-

изнёс Михаил, снимая ключ с гвоздя на стене. – Ты фонарём посветишь, Сано спустится вниз, ведро подымет. Бери помощника и не возражай.

Овощная яма принадлежала Василисе. Её выкопал и оборудовал до войны её брат Иван. После того, как мать с Раисой уехали на Украину, Василиса отдала её в пользование супругам Бутко. Михаил Аркадьевич был другом отца, они когда-то работали вместе в угольных печах. Василиса помогала паре с посадкой картошки, получая взамен за свои труды несколько вёдер урожая.

– Ты, Саша, откуда знаешь дядю Мишу с тётей Настей? – спросила Василиса, когда они вышли из барака. – Раньше я тебя не видела.

– Работаю я вместе с Михаилом Аркадьевичем, – ответил Кацапов.

– Давно?

– Что – давно? Работаю или знаком?

– И то и другое.

– С конца сорок пятого.

– Когда демобилизовался после войны? – машинально спросила Василиса, будучи уверена, что её новый знакомый был на фронте.

– Нет. В колонии я был, освободился в конце сорок пятого, – ответил тихо Кацапов.

Василиса больше не проронила ни слова до самого возвращения в комнату Бутко. Александр молча следовал за ней.

Зайдя в комнату, он поставил ведро у порога, и присел рядом на табурет.

– Вот, дядя Миша, гляди: беру одно ведро, – доложила Василиса. – Поставь себе где-нибудь галочку для учёта.

– А как же! Поставлю, обязательно поставлю, чтобы не за-
памятовать! – подхватывая шутку Василисы, отозвался хо-
зяин. – Вдруг лишнее ведро унесёшь?

– Ну, ладно, дядя Миша, тётя Настя. Идти мне надо. У
меня Люба одна осталась, – засобиралась Василиса. – Саша,
помоги, пожалуйста, пересыпать картошку в мешок.

Кацапов поднял ведро, опрокинул в мешок. Взглянув на
Михаила Бутко, неожиданно сказал:

– Я её провожу. Спасибо за компанию.

– До свидания, Саша, – произнесла жена Бутко, вглядыва-
ясь в него прищуренными глазами. – Заходи ещё, мы с Ми-
шей будем рады.

Кацапов решительно ухватился за мешок и понёс его в ко-
ридор. Василиса поспешила следом.

– Вообще-то, я не просила провожатого, – сказала она, по-
разившись бесцеремонным действиям Кацапова. – Большое
спасибо за помощь. Дальше я сама справлюсь.

– Зачем тебе надрываться, когда рядом имеется мужик?
Я ведь не требую от тебя ничего взамен.

– Ну, хорошо, – отступилась Василиса.

Кацапов погрузил мешок с картошкой на санки, потянул
за собой.

Некоторое время они шли молча. Александр впереди, Василиса вслед за санками. На первом перекрёстке Кацапов остановился, спросил хмуро:

– Где живёшь?

– На станции.

На этом их общение опять прекратилось. Кацапов тащил санки, не оборачиваясь. Василиса не выдержала, забежала вперёд. Поравнявшись с ним, пошла рядом.

– Вы всегда такой неразговорчивый? – спросила она через минуту.

– Нет, не всегда, – ответил Александр и покосился на Василису. – Разговариваю со всеми, кто желает меня слушать.

– По-вашему, у меня нет желания с вами разговаривать?

– Мне так показалось.

– Вы ошиблись.

– Тогда спрашивайте, отвечу на все ваши вопросы.

– А вы лучше расскажите о себе без вопросов, – попросила Василиса. – Всё, что посчитаете нужным при первой встрече.

«...Рассказал бы ты, Сано, лучше о своём прошлом. Уж больно любопытно мне стало, чем ты жил до того, пока не угодил на зону...» – почему-то вспомнились слова начальника лагеря Карачуна.

Тогда он рассказал «куму» всё без утайки. А сейчас? Стоит ли обнажаться перед незнакомой женщиной, даже если она очень понравилась?

– Что вас интересует: моё детство, юность, или зрелый возраст, пока не угодил на зону? – спросил Кацапов. – Всю жизнь ведь не рассказать, не хватит времени.

– А вы кратко, о главных событиях в своей биографии, – без тени любопытства, равнодушным голосом проговорила Василиса.

– Фамилия моя Кацапов, зовут Александром. Родился и вырос в деревне неподалёку отсюда. Служил в армии, воевал с японцами. Перед войной был осужден за драку, отбывал наказание в Коми. Мне тридцать восемь лет, не женат. Детей не имею, – изложил Кацапов. Слова были отрывистыми и выскакивали из уст, словно сучки из-под топора.

– Имею большое желание подружиться с вами, – добавил он чуть погодя и уставился на Василису.

– Не смотрите так на меня, а то споткнётесь и упадёте, – рассмеялась Василиса. – А если я буду против такой дружбы?

– Почему? Лицом не вышел? Или вас пугает моё уголовное прошлое?

– Нет. И не то, и не другое. Просто я вас совершенно не знаю.

– Это не повод, чтобы отказать. Будем встречаться – узнаете.

– А для чего мне с вами встречаться? – удивлённо спросила Василиса. – Меня всё устраивает в этой жизни и без вас: есть дочь, муж.

– Нет у вас мужа, – заявил Александр. – Иначе бы вы не оставили дочь одну, отправляясь со станции на Стрелку. Это ведь не через дорогу перейти.

Василиса предпочла не отвечать и молчала весь остаток пути.

– Вот мой дом, – сказала она, останавливаясь у калитки. – Спасибо, что помогли. Дальше я без вас.

– Давайте занесу мешок в дом, – предложил Александр.
– Справлюсь без вас, – отрезала Василиса и выхватила из рук Александра веревку от санок.

Понурый и обескураженный возвращался Кацапов в тот памятный вечер назад.

«Конечно я ей не пара, – рассуждал он. – Она молода, красива. И ухажёр у неё, наверно, есть. А если нет – то непременно будет. Такие женщины долго не томятся в одиночестве. На кой ей старик и уголовник без будущего? Ни кола, ни двора, ни образования?»

Однако, уже на следующий день он подошёл к Михаилу Бутко, спросил:

– Эта женщина... Василиса... она замужняя? Как её фамилия?

– Запал, значит, на девицу- красавицу, – с печальной улыбкой промолвил пожилой плотник. – Видел я твои глаза, какими таращился ты на неё.

Помолчав несколько секунд, Бутко вздохнул, и была в этом вздохе какая-то скрытая жалость.

– На моих глазах росла Василиса. Много горя пришлось ей перенести. Совсем маленькой её вместе с родителями выслали с Украины. В голодный год семья нищенствовала, Васса с братом скитались по округе, собирали подаяния, рылись в помойках. Чудом выжили. Потом, в тридцать седьмом, арестовали её отца. Десять лет впаяли. Потом погиб на фронте её брат.

– А муж... муж у неё есть? – с нетерпением спросил Александр.

– И да, и нет, – неопределённо сказал Будто.

– Как это?

– Жила она с одним машинистом поезда, но замуж не выходила. У неё паспорта нет, чтобы зарегистрироваться. Ушла от него, как только дочка родилась. Сейчас угол снимает у каких-то стариков на станции, одна дочь растит. Правда, муж-то, заглядывает к ней периодически, уговаривает сойтись снова.

– А она?

– Не хочет. Сказывала, изменил он ей и прощения ему не будет, – глаза плотника помрачнели, взгляд ушёл куда-то в пространство.

«А вдруг простит? – подумал про себя Александр. – Покочевряжится для порядка, да и простит. Отец ведь, как-никак, дочери-то её, законный.»

Бутко словно прочитал мысли Кацапова. Отбросив свои раздумья, он повернул к нему лицо, сказал:

– Не сойдутся они больше никогда.

– Почему?

– Потому что не любила она Пашку, когда входила в его дом, а после измены ещё и возненавидела вдобавок. До Пашки-то была у неё настоящая любовь, да погибла та любовь на поле брани. Офицер, которого Василиса любила, тоже её сильно любил. После его гибели Пашка воспользовался моментом и покорила страдальцу измором. Волочился за ней года два, золотые горы обещал, и сумел-таки, паршивец, оболванить девку. А когда Василиса брюхатой ходила – по бабам вдруг принялся шастать. Домой под утро являлся.

– Фамилия её как? – спросил Александр.

– Для чего тебе?

– Так, для общего кругозора. Она, как я понял, хохлушка?

– Да, откуда-то из-под Луганска родом, – сообщил Бутко. – Ярошенко её фамилия.

– Ярошенко, говоришь? – переспросил Кацапов, мучительно напрягая память и наморщив при этом лоб. – Где-то я уже встречал такую фамилию. А отчество какое?

– Марковна, – ответил Бутко, наблюдая за выражением лица Александра.

– Быть того не может! – неожиданно воскликнул Кацапов, осенённый догадкой.

– Ты что-то знаешь о Василисе? – спросил Бутко.

– О ней я не знаю ничего, а вот о её отце, пожалуй, располагаю кое-какими сведениями.

– Вот даже как! – теперь удивлялся уже Бутко.

– Марк Сидорович Ярошенко, осужденный по ст. 58-10 УК РСФСР, отбывал наказание на строительстве железной дороги Улан-Удэ – Наушки, – быстро отрапортовал Кацапов, словно зачитал по бумажке выписку из личного дела. – Довелось пообщаться.

И он рассказал при каких обстоятельствах встречался с отцом Василисы.

– Как считаешь, Михаил Аркадьевич, есть у меня шанс взять в жёны Василису? – с надеждой спросил Александр.

– В жёны? – опешил Бутко. – Так сразу? Ты в своём уме?

– Чего мне ждать, если я всю жизнь мечтал о хохлушке? – простодушно ответил Кацапов. – Завтра же разыщу её и предложу выйти за меня замуж. Согласен быть сватом?

– А если она даст тебе отворот-поворот?

– Не даст, – уверенно заявил Кацапов. – Так будешь сватом или нет?

– Сделаю милость, – легко согласился Бутко, надеясь, что Александр не получит согласия.

Но Михаил Бутко ошибся. Уже через месяц Василиса и Александр жили совместно, а его пожилая супруга Анастасия периодически выручала молодых, выступая в роли няньки для маленькой дочери.

... – Уснул, что ли? – легонько толкнула плечом Василиса мужа. – Рано ещё на боковую.

– Нет, не сплю, – отозвался Александр. – Вспоминал, как

уговаривал тебя выйти замуж за меня.

– С чего вдруг?

– Сам не знаю, – раздумчиво произнёс Александр. – Представил, как мы останемся с тобой вдвоём, и тоска какая-то меня охватила. Стариком себя ощутил, поэтому, видать, и молодость всплыла в памяти.

– Чего ты рано в старики себя записываешь.

– Говорю, как есть на самом деле, – Кацапов встал, щёлкнул выключателем.

Пятнадцати ватт лампочка лениво окатила комнату желтоватым светом.

– Включил бы радио, что ли? – попросила Василиса. – Может, новости какие передадут, послушаем.

Александр воткнул вилку в розетку, из динамика тотчас полилась тихая спокойная музыка.

– Ты слушай, а я, пожалуй, пойду потружусь чуток, – сказал он.

– Саша, поздно уже, что ты в темноте наработаешь? – попыталась отговорить мужа Василиса. – Будет выходной, будет день, вот и трудись себе на здоровье.

– До сна есть ещё время, а у меня много дел.

Какие у мужа имелись дела во дворе, Василиса не стала спрашивать. Да и отговаривать его было бесполезно.

Через несколько минут хлопнула входная дверь – Александр вышел во двор. Василиса осталась одна.

Глава 3

Она по сей день не могла объяснить, что побудило её двадцать три года назад согласиться на сожитительство с совершенно незнакомым ей человеком. Услышав про воспоминания мужа о том давнем событии, она сама незаметно для себя погрузилась в прошлое...

... Александр Кацапов подкараулил её после работы уже на следующий день. Он вышел ей навстречу, и без обиняков сказал:

– Здравствуй, Василиса. Теперь я буду каждый день встречать тебя с работы.

От неожиданности Василиса вначале потеряла дар речи, а придя в себя, залилась смехом.

– Это ты сам решил, или кто подсказал?

– Сам. Я больше десяти лет ждал встречи с тобой и не оступлюсь, пока ты не станешь моей женой.

– Во как! – весело воскликнула Василиса. – Прямо средневековье какое-то!

– Ты не спеши давать мне отказ, – не обращая внимания на насмешку, спокойно проговорил Александр. – Наберись терпения и выслушай меня.

И он рассказал ей всё, что знал об её отце, когда трудился с ним на строительстве железной дороги в Бурятии. Потом для пущей убедительности упомянул о друге Григории,

который с упоением описывал красоту украинских девушек, мечтая построить большой дом и привести туда голосистую красавицу-хохлушку.

– С той поры я сам стал мечтать о жене-украинке, как мой друг Гриша Надеждин. Его убили, а я жив, значит, у меня остался шанс осуществить свою мечту. В колонии эта мечта согревала мою душу, помогала выживать. И вот, наконец-то, я повстречал тебя. Думаю, это судьба, в которую так верил твой отец.

Они подошли к калитке дома, где Василиса снимала комнату у пожилой пары. Кацапов посмотрел ей в лицо, сказал:

– Не умею я ухаживать за женщинами и красиво говорить не умею. Но и врать не научился. Сейчас я говорил с тобой искренне.

– Саша, но ты старше меня на четырнадцать лет, – тихо проговорила Василиса поникшим голосом. – И мы пока совсем чужие друг другу люди. Можно ли сойтись вот так, с бухты-барахты?

– Почему нет? Так мы быстрее узнаем друг друга, – рассудительно сказал Кацапов. – Я не принуждаю тебя ложиться со мной в постель в первую же ночь. Поживём, притрёмся друг к дружке. Я буду хорошим отцом для твоей девочки. Она станет моей дочерью.

Кацапов действительно оказался хорошим и добрым мужчиной. Он оказался прав, когда говорил о быстром сближении одиноких людей. Василиса за очень короткое время при-

выкла к немногословному Александру, изучила все его житейские привычки и слабости. Через месяц они стали жить, как семейная пара.

Вспомнилась первая встреча Кацапова с её дочуркой Любой.

Он подошёл тогда к детской кроватке и с улыбкой произнёс:

– Люба, я твой папа, иди ко мне, моя малышка.

Произошло неожиданное. Маленькая пугливая дочь, которая никогда не подпускала к себе никого из гостей, вдруг сама протянула ручки к Александру и радостно улыбнулась беззубым ртом.

Кацапов взял Любу на руки и ходил с ней по комнате, пока девочка не заснула у него на руках.

– Вот и познакомились, дочка, – сказал он, укладывая малышку обратно в кровать.

Василиса стояла в стороне, у неё на глазах навернулись слёзы.

Потом жизнь закружилась, завертелась, словно нескончаемый вихрь, из объятий которого невозможно было вырваться.

Они с Кацаповым зарегистрировали брак, он удочерил Любу.

Два года пришлось жить в деревне со свекровью, которая сразу невзлюбила невестку.

– Привёл голодранку в дом, да ещё с чужим дитём в по-

доле, – услышала однажды Василиса совсем случайно упрек в адрес Александра.

– Не твоё дело, мамаша, кого я привёл в свой дом! – взорвался тот от гнева. – Это моя жена, мне с ней жить, а не тебе, бездельница! Ты бы хоть раз помогла снохе, чем ворочать языком всякие гадости! Взвалила на неё все домашние работы, так хоть бы с дитём водилась, когда Васса уходит на работу.

– Ещё чего! – недовольно выплеснула из себя свекровь. – Это дитё чужой крови, не родное мне, и я никогда не возьму его на руки!

Василиса не стала слушать дальнейшую перепалку сына с матерью и ушла в сарай. Там она долго плакала от обиды.

Два года пришлось ей терпеть все выходки и козни свекрови, выслушивать её оскорбления, нанимать няньку, но ни разу Василиса не пожаловалась мужу. Все обиды носила в себе.

Наконец, им выдели старенький деревянный дом в посёлке Лисьи Гнёзда. Это было далеко от места работы, но всё-таки в черте города и путь до станции был короче в два раза, чем из деревни. Но главное – отдельный дом ни шёл ни в какое сравнение с теми условиями, в которых приходилось мучиться прежде. Василиса летала на крыльях по дому, навоя порядок и создавая уют.

Ровно через девять месяцев родилась вторая дочь, которую они с Александром называли Верой. Василисе пришлось

уволился с работы. Затем через полтора года на свет появился сын.

Александр нёс его на руках из роддома до самого посёлка. На вопросы знакомых, которые интересовались, кого им подарил бог, он радостно восклицал:

– Мужик родился! Наследник!

... Василису вывел из воспоминаний громкий голос диктора в динамике. Убаюкивающая тихая музыка закончилась, начинался концерт по заявкам радиослушателей.

– Для вас поёт Анна Герман! – объявил диктор.

Василисе нравилась эта певица. Слушая песни в её исполнении, она выучила слова некоторых из них и сейчас принялась подпевать в полголоса. Внезапно радио умолкло. Василиса подошла к репродуктору, покрутила колёсико громкости, подёргала вилку в розетке, но динамик молчал.

«Опять ветром провода перехлестнуло, – подумалось ей. – Надо не забыть сказать об этом Мише».

Она взяла картонную коробку, где у неё хранилось начатое вязанье кружев, вернулась на сундук, откинулась на тёплую стену печи, заработала металлическим крючком.

«Вот и вырос наследник, – подумала она в продолжение прерванных воспоминаний. – Восемнадцать лет пролетели, как один день. Прав Саша: не вернётся Миша в посёлок никогда. Отслужит, потом поступит в институт. На это уйдёт восемь лет. Восемь лет! Да это же целая вечность, когда я буду жить без сына лишь ожиданием коротких встреч! А по-

том? А потом произойдёт то, что должно произойти: сын женится, пойдут дети, у него появится своё жильё и ему будет уже не до родителей. И опять придётся лишь мечтать о встречах и томительно ждать счастливых минут общения».

Что такое мечтать и ждать – Василиса знала не понаслышке. На её судьбу выпало немало дум и ожиданий, которые оставили на сердце глубокие раны.

Она ждала отца из мест заключения и не дождалась; ждала с войны брата и вместо его возвращения получила похоронку; мечтала о красивой любви с Василием Суворовым, но война убила эту любовь, не позволив ей разгореться по-настоящему; хотела получить душевный покой в сожительстве с Павлом Мусихиным, но столкнулась с предательством.

Её мысли опять ушли в прошлое, перед глазами всплыло лицо Павла...

...Преданной любви Павла хватило всего на полгода. Однажды он вернулся домой под утро. Василиса знала, что из поездки он должен был вернуться вечером. Бывали случаи, когда он задерживался на час-два, но она не интересовалась причиной задержки. Павел сам докладывал, почему задержался.

В тот раз, как обычно, она приготовила ужин, расставила на столе посуду, стала ждать. Прошел час, другой, третий. Павел не появлялся. Был январь, стояли лютые морозы. Она волновалась за него всю ночь, прислушиваясь к скрипам и шорохам за окном. Несколько раз, не выдержав, выходила во

двор, выглядывала на улицу.

Лишь на рассвете дважды тихонько проскрипела дверь. Пытаясь не шуметь, Павел уселся на лавку и в темноте принялся стаскивать с себя валенки, но переусердствовал по пьяни. Валенки вырвались и улетели в угол, уронив на железный лист перед печью массивную кочергу. Раздался звон на весь дом.

Василиса вышла из спальни, включила свет. Павел, пошатываясь, стоял перед ней в одной валенке. Он был пьян. На щеке и шее виднелись следы губной помады, от него несло духами.

– Ну и где нас носило? – спросила Василиса, пытаясь удержать себя в руках. Её охватила нервная дрожь.

– Ты не поверишь: отмечали день рождения у друга, я перебрал и уснул. Но как только проснулся – так сразу домой рванул, к тебе, моя родная, – Павел раскинул руки, шагнул вперёд, пытаясь обнять её.

– Стой, где стоишь! – грозно проговорила Василиса. – Расскажи ещё, что твой друг намазал губы помадой и долго целовал тебя на прощание. И ещё соври мне про то, как он из флакона облил тебя духами, которыми несёт за километр. И что у друга почему-то оказалось странное имя – Роза. Или я ошибаюсь?

Василиса назвала имя женщины наобум, не предполагая, что попала в точку. Ей просто вдруг вспомнилось лицо смазливой татарки Розы из паровозного депо, про которую на

станции ходило много слухов о её разгульной жизни.

Павел оторопел от неожиданности и уставился округлившимися глазами на жену.

– Ты что, следила за мной? – спросил он, тупо предполагая, что у Василисы имеются какие-то непроверяемые доказательства его похождения. – Где ты могла застукать меня с ней?

– В постели, где же ещё? – усмехнувшись язвительно, ответила Василиса. – Стояла и смотрела, как ты кувыркаешься с этой шалавой.

– Не может бы-ыть, – пьяно протянул Павел, поводя вытянутым указательным пальцем из стороны в сторону. – Дверь в избу Розы была заперта на крючок. Врёшь ты всё.

Василиса поняла, что с этого момента её уже больше ничего не связывает с этим человеком.

– Пошёл ты к чёрту, пьянь гулящая, – выругалась она и ушла в комнату.

В этот же день она собрала вещи и перебралась обратно в общежитие. Место в комнате оказалось свободным.

Павел потом неоднократно приходил в общежитие, пытался просить прощения, но Василиса каждый раз, едва Паша раскрывал рот, тут же прогоняла его. Ей не нужно было ни покаяния, ни слов прощения. Она просто не хотела видеть этого человека. Мусихин для неё больше не существовал. Чуть позже, уже перед родами, Василиса сняла комнату у престарелой супружеской пары и переехала жить в их дом.

...Раздался звук открываемой и затворяемой двери, в избу вернулся Александр.

– Ты не спишь ещё? – проговорил он громко из прихожей.

– Когда такое было, чтобы я ложилась спать без тебя? – отозвалась так же громко Василиса.

– Это правда, ты никогда не забиралась в постель раньше меня, – сказал Александр, появившись в комнате. – Ну-ка, сколько тут часики натикали, пока я трудился?

– На одиннадцатый час перевалило, пора под одеяло, – сказала Василиса, не отрывая взгляда от крючка.

– Так чего ж ты до сих пор сундук оккупируешь? Складывай свои нитки-крючки, да расправляй постели.

– Сейчас вот соберу последние петли, и будем укладываться. Вообще-то, мог бы и сам снять покрывало и сложить его.

– Нет, мать, не умею я складывать так аккуратно, как ты. У тебя лучше получается, ни одной складочки не видать.

– Ночью-то кто будет рассматривать твои складки?

– Как кто? Домовой! Он пока не примет от нас дежурство на ночь – ни за что не даст заснуть. Он порядок в доме любит. Так что, если хочешь сразу заснуть и спать крепко всю ночь – делай своё дело и не перекладывай на неумейку.

– Болтун ты, Сашка, – добродушно проговорила Василиса, складывая кружева в коробку. – До старости дожил, а умишко, что у нашего Мишки.

Это было у них что-то наподобие семейного ритуала пе-

ред сном, который совершался изо дня в день на протяжении уже многих лет. Слова и действия были разными, но суть не менялась. Василиса как-бы стыдила мужа за перекладывание пустячной работы на неё, а тот демонстративно отказывался её выполнять, хитро улыбаясь в усы.

Через четверть часа в комнате послышался негромкий храп Александра. Василиса заснула ближе к полуночи.

Глава 4

Мишка уволился с работы и гулял уже больше недели. Таких, как он, призывников набралось пять человек. Утром они подолгу отсыпались, а потом, спешно перекусив, неслись на встречу друг с другом, как будто не виделись целую вечность. До отправки оставались считанные дни и им хотелось объять необъятное.

Друзья веселились, как могли. По очереди сходились в доме одного из них, угощались бражкой и шли дальше в поисках приключений. Вечером дружно отправлялись в клуб на танцы. Там было многолюдно и шумно. Главное – туда на огонёк подтягивались стайки девчат. Это было превыше всего. Домой парни возвращались далеко за полночь.

Сашу Атёсова провожали первым. Ему предстояло служить в сухопутных войсках. Друг жил в Новом городе, Мишка отправился туда на автобусе. Выйдя на конечной остановке, он нос к носу столкнулся с Галей – контролёром цеха, в котором он трудился.

– Гуляешь? – спросила она, заглянув в глаза Мишке со свойственной ей загадочной таинственностью.

– Гуляю, – ответил он, и впервые не отвел взгляда. – Три дня ещё осталось быть на гражданке.

– Никак, к Саше Атёсову направляешься?

– Как догадалась? – удивился Мишка.

– Тут и догадываться не нужно, – улыбнулась Галка. – У Саньки сегодня проводы, он сам сказал мне, что ты значишься в списке приглашённых. Не прогуляться же ты приехал в этот район?

– Так ты... с Сашкой...значит? – растерявшись на миг, задал нелепый вопрос Мишка.

– Ага, мы с Сашкой, – рассмеялась Галка, внимательно наблюдая за реакцией Кацапова. Потом, выдержав интригующую паузу, добавила:

– Двоюродные брат и сестра. А ты о чём подумал?

– Так, ничего, – смущённо насупился Мишка и почувствовал, как где-то внутри у него прокатилась волна облегчения, а к лицу прилила кровь.

– Приревновал, что ли? – Галка торжествовала. Она вдруг поняла, что совсем не безразлична этому ершистому парню, как ей представлялось до этого. Мишка совсем неожиданно открылся перед ней. Она ему нравилась, это стало очевидным фактом, но юноша боялся признаться себе, поскольку, вероятно, страшился непреодолимых обстоятельств: шесть лет разницы в возрасте и плюс ребёнок в придачу. В порядочной семье такие вещи не приветствуются. А Мишку, надо полагать, воспитали с правильными понятиями о жизни.

– Ещё чего, – пробурчал Мишка и почему-то потупил взгляд.

– Ладно, проехали, – сказала Галка. – Идём со мной.

– Куда? – вырвалось у Мишки.

– Ко мне домой, – Галка схватила его за руку и потащила за собой.

Мишка, словно телок на верёвочке, покорно зашагал за ней. Правда, пройдя несколько метров, он всё же освободился от руки бесцеремонной женщины и уже самостоятельно поплёлся рядом. А ещё через десяток шагов спросил:

– Для чего я тебе понадобился?

– Ага! Страшно очутиться наедине с одинокой женщиной? – язвительно спросила Галка. – Вдруг покусаяю? Или зацелую до потери сознания?

– Ты говори, да не заговаривайся.

– А то что? – глаза Галки озорно блеснули.

– Просто не пойду с тобой, пока не скажешь, с какой целью ты меня тащишь?

– Ладно, не пугайся. У нашего Сашки посуды не хватает на всю компанию, кроме этого я ещё обещала ему кое-что. Одной-то пришлось бы несколько ходок делать, а с тобой мы за один раз управимся, – Галка взглянула с усмешкой в лицо Мишки. – Надеюсь, теперь не страшно?

Мишка промолчал, а Галка, не дождавшись ответа, принялась тараторить безостановочно и умолкла лишь у двери своего дома. За этот небольшой промежуток времени она успела рассказать столько интересного, о чём Мишка раньше не догадывался.

Галка жила в старом двухэтажном щитовом доме. Она открыла дверь и пропустила Мишку вперёд. Они очутились

в мрачном коридоре, в котором стояли неприятные запахи. Пахло чем-то кислым и горелым одновременно. На верёвках, натянутых вдоль стены, висело постиранное бельё и с полдюжины детских пелёнок.

– Угнетает? – усмехнулась Галка, перехватив насторожённый взгляд Кацапова.

Мишка промолчал в очередной раз, не найдя подходящего ответа. Он впервые оказался в многоквартирном доме и был крайне удивлён бытом городского жителя.

Комната Гали Красиковой находилась в конце коридора. Она покопалась в сумочке, извлекла ключ, вставила в прорезь замка, повернула его пару раз, потом толкнула дверь, сказала:

– Проходи, не стесняйся.

Мишка переступил порог и сделал шаг в сторону, пропуская Галку. К его удивлению, в комнате не чувствовалось никакого постороннего запаха. Было тепло и уютно, вокруг царил полный порядок.

– Вот здесь я и живу, – с гордостью произнесла Галка.

Мишка обвёл взглядом комнату. Никаких прибабасов, всё простенько и чисто. Двухспальная металлическая кровать у стены, рядом с ней детская деревянная кровать, в углу буфет, посередине небольшой круглый стол со стульями, на единственном окне красовались шторы из бархатистой ткани бордового цвета.

– А сын твой где? – спросил неожиданно Мишка, уткнув-

шись взглядом в детскую кроватку.

– В садике, – ответила Галка, – но сегодня его заберёт бабушка, и Максимка заночует у неё.

Галка принесла сумку, сложила туда недостающую посуду, поставила у ног Мишки. Потом откинула коврик на полу, в нём обозначился лаз в погреб.

– Преимущество первого этажа, – весело заметила Галка, приподняв крышку. – Маленький удобный погребок. В нём я храню все свои запасы.

Через минуту на полу появились несколько банок с соленьями. Все эти сокровища уместились ещё в одну сумку.

– Ну, вот, теперь полный порядок, – проговорила по-хозяйски Галя, возвращая на место коврик. – Пошли.

На проводы Саши Атёсова собралось много народу. Семья Атёсовых жила в трехкомнатной квартире, места было предостаточно. В большой комнате накрыли стол, в соседней, убрав всё лишнее, устроили танцплощадку.

Многие гости были незнакомы между собой, сидели тихо и скромно, но после первых рюмок водки царившая неловкость и скованность быстро исчезли. Люди будто очнулись и загомонили, задвигались, принялись выкрикивать наперебой напутствия и добрые пожелания призывнику.

Прошло ещё немного времени, и подвыпившие парни осмелели, начали перемещаться один за другим в соседнюю комнату, где зазывно играла музыка.

Взрослые туда не заглядывали, и молодёжь, выключив яр-

кую люстру, зажгла маленькую настольную лампочку. Тусклый свет такого источника позволял парням вести себя раскованно. Они отваживались прижимать к себе девчонок и украдкой, неумело, тыкались ртом в их губы. Девчонки противились для порядка, смущённо хихикали и увёртывались, но их сопротивление очень быстро заканчивалось. Им самим нравилось целоваться.

Галка заведовала музыкой, ставила и снимала пластинки в проигрывателе. Мишка исподтишка наблюдал за ней. Никто из парней почему-то не додумался пригласить её на танец.

«Вот возьму сейчас и подойду к ней, приглашу на танец, – осмелев от выпитой водки, подумал Мишка. – А что? Все чуваки веселятся, целуются, у каждого из них есть своя шмара. Чем я хуже этих парней? Интересно, как она отреагирует? Выпучит глаза от удивления или нет?»

...Мишке по жизни не везло с девчонками. А почему – он не мог понять долгое время. Вначале ему казалось, что природа обделила его красотой. В восьмом классе он стал заглядываться на одноклассницу Танечку Сидорову. Но девочка предпочла Пашу Чайку. Пашка жил через дорогу, был его другом, они сидели за одной партой. Только Пашка был выше ростом и имел чёрную кудрявую шевелюру. А Мишка запаздывал в росте и волосы его не кучерявились.

Болезнь от первой влюблённости вскоре прошла, ему приглянулась Рита Шишкина. Но здесь опять постигла неудача: девочку неожиданно перехватил Валька Баранов. Этот па-

рень был высокого роста, учился в старшем классе, ходил в секцию баскетбола вместе с Ритой. После секции он каждый раз провожал Шишкину до калитки её дома.

Мишка всё это видел и страдал. Он подходил к зеркалу и рассматривал себя со всех сторон. Лицо, как лицо, вполне приятное, если бы не периодически появляющиеся угри на нём. Мишка тут же выдавливал их и прижигал тройным одеколоном. Через пару дней лицо становилось чистым, однако никто из девчонок по-прежнему не обращал на него внимания. Даже те, за которыми никто из мальчишек не ухлёстывал, видели в Мишке обыкновенного одноклассника, пусть даже отличника, и не набивались на тесную дружбу.

Только в десятом классе он понял: главной причиной его неудач была бедность. Сближение подростков, как правило, происходило на совместных занятиях, где они постоянно и тесно общались, делились информацией о семейных делах, узнавали подробности о родителях.

У Мишки никогда не было столько свободного времени, сколько у других детей. Так уж случилось, но в классе он был единственным учеником, в семье которого имелась корова. Всё лето ему приходилось трудиться на заготовке сена, дров, работать в поле и на огороде, в то время как его сверстники собирались в группы и уезжали в пионерский лагерь, или же целыми днями пропадали на реке. Они были из обеспеченных семей – их родители работали на металлургическом заводе и прилично зарабатывали.

Зимой одноклассники частенько ездили в город, посещали универмаг или кинотеатр, где могли потратить скопившиеся карманные деньги. У Мишки карманных денег не было никогда. Даже школьную столовую он не посещал – не было денег. Обед там стоил десять копеек. Мишке вместо десяти копеек мать каждое утро совала в портфель два маленьких газетных свертка. В одном лежал кусочек чёрного хлеба, в другом кулёчек с квашеной капустой или варёной картошкой. Он стеснялся своего обеда и улавливал момент, чтобы незаметно проглотить содержимое маминых свертков. Обычно это происходило тогда, когда ребята неслись в столовую и класс пустел на некоторое время.

Мишка чувствовал, что в классе он был белой вороной. Он отказывался от приглашений на дни рождения, поскольку нужно было идти с подарком, а потом делать ответное приглашение на свой день рождения. Такие события были для него несбыточными. У него даже кроме школьной формы не существовало другой приличной одежды, в которой он мог бы появиться в свет. На выпускной вечер мать выпросила у соседки костюм её сына, который был призван в армию...

Мишка пригладил волосы на голове и решительно направился к Галке.

– Пойдём, потанцуем, – произнёс он непринуждённым голосом.

Глаза Галки не раскрылись широко, как предполагал

Мишка. Они, наоборот, сузились в прищуре, будто в них ударил яркий луч света.

– Подожди секунду, – сказала Галка и принялась срочно перебирать стопку пластинок. Быстро нашла нужную, оставила проигрыватель, заменила пластинку на новую, затем шагнула к Мишке и радостно улыбнулась:

– Ну, вот, теперь давай танцуй меня, ухажёр...

Мишка положил правую руку Галке на талию, левой сжал её ладонь, медленно повёл по кругу.

...а мы случайно повстречались... мой самый главный человек... благословляю ту случайность... и благодарен ей навек... – красивым голосом пела Анна Герман.

... представить страшно мне теперь... что я не ту открыл бы дверь... не той бы улицей прошёл... тебя не встретил, не нашёл, – подпевала ей Галка и пронзительно смотрела в глаза Мишке.

– Нравится тебе эта песня? – спросила она.

– Угу, – буркнул в ответ Мишка и отвёл взгляд.

– Слова в ней хорошие, правильные, – продолжила Галка. – Будто для нас с тобой написаны.

Танец закончился, в комнату заглянул Сашка Атёсов, потащил всех к столу, выговаривая:

– Скоро на переезд отправляться, а вы всё ещё трезвые. Закуски полный стол. Куда потом моя маман всё это денет? Непорядок. Надо всё выпить и съесть. Танцульки не убегут.

Веселье длилось ещё часа два. Громко играла музыка,

потом её выключали, раздавалась гармошка, изрядно выпившие гости принимались горланить частушки, потом они умолкали, вновь включался проигрыватель, молодёжь снова танцевала.

Мишка много раз танцевал с Галкой. Хмель притупил его сознание, он окончательно осмелел и уже, ничуть не стесняясь, подолгу целовался с ней враскоряку.

Наконец, поступила команда на выход, все быстро оделись, прихватили с собой спиртного «на посошок» и пешком отправились к железнодорожной платформе на 130-м километре.

Сашку посадили в электричку, выпили по стопке напоследок и стали расходиться по домам.

Мишка стоял рядом с Галкой Красиковой и держал её за руку. Было уже поздно, оставался последний рейс его автобуса в посёлок, но ехать домой ему вовсе не хотелось. Однако он понимал: если не уехать с последним рейсом – потом придётся шагать пешком около шести километров. Его мысли были нараспутье.

– Проводишь меня? – спросила Галка, хотя могла бы сесть вместе со всеми в подошедший автобус и уехать без провожатого.

– Конечно, – обрадовался Мишка тому, что может ещё некоторое время побыть с женщиной, с которой было приятно находиться вместе, и что не нужно принимать для себя трудное решение. Вопрос Красиковой в одну секунду рас-

ставил всё по своим местам.

– Галя, ты едешь? – крикнула мать Саши уже из салона.

– Нет, тётя Лиза, я на следующем, – ответила Галка и внимательно заглянула в глаза Мишке. – Я правильно сказала?

Захлопнулись двери автобуса, и он покатил дальше. На остановке они остались вдвоём.

– Ты сказала совершенно правильно, – почему-то шёпотом произнёс Мишка и с жадностью впился губами в губы Красиковой.

– Ты помнишь про моё приглашение? – спросила Галка через минуту, отстраняясь от Мишки.

– Помню.

– Оно остаётся в силе, Мишечка. Я имею большое желание проводить тебя сегодня по-настоящему, – заманчиво сказала Галка. В свете луны её лицо казалось белым, а зубы в улыбке сверкнули причудливыми серебристыми подковками. И только глаза почему-то не отражали свет луны, а призывно горели ярким зелёным цветом.

Мишке показалось, что она волнуется и это волнение произвольно передалось ему. По телу тут же прокатилась горячая волна незнакомой страсти, а сердце часто-часто забилось в груди. Точно такое же чувство он испытал в тот раз, когда Галка на корточках делала контрольные замеры вала, а он был не в силах оторвать своего взгляда от натянутой на бёдрах юбки и оголившихся красивых ног.

Очередной автобус пришёл практически следом за ушед-

шим. Салон был полупустой, Мишка с Галкой устроились на заднем сиденье и опять целовались до конечной остановки.

– Ты не передумал? – спросила Галка, когда они подошли к её дому.

– Нет, – с готовностью ответил Мишка, чувствуя, как тело его задрожало странной нетерпеливой дрожью. Впервые он дрожал не от холода, а от жара таинственного ожидания, охватившего его с ног до головы. Такого с ним ещё никогда не случалось. Было радостно и отчего-то тревожно.

Галка поспешно схватила его за руку и повела за собой. Дальше всё происходило, как во сне...

Мишка будто перестал принадлежать сам себе и превратился в беспомощного человека. За него всё делала Галка. Она его раздела, подвела к кровати, лёгким толчком положила на спину и прильнула горячими губами к его плотно сжатому рту. В тусклом свете маленького абажура ночной лампы Мишка увидел совсем близко обнажённые груди Галки с острыми коричневыми сосками. Глаза женщины были полуприкрыты, она постоянно вздрагивала, от неё исходил жар. Мишка вдруг почувствовал в себе прилив какой-то незнакомой силы, которая почти мгновенно заполнила всё его тело. В бурном порыве он прижал к себе Галку и принялся с неистовством целовать в шею, в лицо, в грудь.

– Мишечка, хороший мой... милый... долгожданный... – горячо шептала Галка. Её рука неожиданно скользнула по его животу вниз и вдруг Мишка почувствовал, что его на-

прыгнувшая до предела плоть проникла в неизвестность, которой не знал никогда... Он замер на секунду, будто хотел полнее осознать это мгновение, которого никогда не испытывал и боялся, а потом вдруг с силой стиснул податливое тело Галки, слившись с ней в одно целое...

Они долго лежали, не шевелясь, и молчали. Каждый думал о своём. В голове Мишки витали два противоречивых чувства. Одно бурлило и клокотало в нём, словно проснувшийся вулкан, переполняло его до предела и рвалось наружу от осознания того, что он стал настоящим мужчиной, постиг тайну, о которой до сегодняшнего дня мог лишь смутно догадываться. Другое же, наоборот, было тревожным и отвратительным, будто он совершил какой-то неприличный поступок, за который совсем скоро придётся отвечать или расплачиваться. Мишка лежал и мучился. Что он должен сейчас сказать Галке? Что любит её? Что не сможет дальше без неё жить? Но ведь это вовсе не так! Она нравится ему, нет слов. Даже очень нравится, но это не любовь, а ...

Что это – «а»? Мишка затруднялся ответить.

Ему вспомнилась Танечка Сидорова, о дружбе с которой он мечтал в восьмом классе. Вот тогда, наверно, была настоящая любовь. От одного только её взгляда у него тогда перехватывало в горле, бешено колотилось сердце, пропадал дар речи и немели конечности. Девочка снилась ему почти каждый день, он мучительно коротал часы до занятий в школе, а затем несся бегом, чтобы поскорее увидеть её.

По отношению к Галке с ним такого не происходило. Он даже не вспоминал о ней все эти дни, пока гулял с друзьями. И, возможно, не вспомнил бы, если бы не встретился с ней сегодня. Что же, всё-таки, произошло? Может, это тоже любовь, только уже взрослая, более осознанная? Как быть дальше?

Мишка почувствовал нежное прикосновение руки Галки. Она принялась гладить ему плечо, грудь, потом поцеловала в щёку.

– Я знаю, о чём ты сейчас думаешь, – прошептала она.

– О чём? – машинально спросил Мишка.

– О том, как вести себя со мной дальше. Я угадала?

Мишка хотел ответить, что это действительно так, но в последнюю секунду передумал и промолчал.

– Так, – убеждённо произнесла Галка. – Можешь и не отвечать, поскольку я без твоего ответа знаю, что это так.

После её слов наступила длительная пауза, затем Галка снова заговорила тем же тихим голосом:

– Ты, Мишечка, не переживай и не мучайся напрасно. Такое все равно должно было бы когда-то произойти с тобой. Все парни рано или поздно становятся мужчинами. Точно также, как девчонки лишаются девственности. Это закон природы, и от него никуда не уйти. Я просто ускорила это событие, сделала его чистым и приятным. А любишь ты меня или нет – это сейчас не важно. Главное, я подарила тебе себя, чего очень хотела и долго ждала. И ты хотел этого, я

видела по твоим глазам. Спасибо тебе, что не оттолкнул меня, не прогнал...

– А ты... как ты относишься ко мне? – спросил Мишка. Ему хотелось задать более конкретный вопрос: любит ли она его? И ещё он хотел бы знать, что заставило такую изящную женщину остановить свой выбор именно на нём, когда в цехе немало мужчин-красавцев? Почему целый год она неотступно ходила за ним по пятам и поедала взглядом? Хотел спросить, но не осмелился.

– Ты прекрасный парень, Мишечка, – Галка вновь поцеловала его. – И я... я... завидую той девушке, которая станет твоей женой. Мне не суждено быть с тобой, и умом я прекрасно понимаю, что существует непреодолимый барьер: я старше тебя на шесть лет, и у меня есть ребёнок. Но сердце моё противилось такому факту целый год, потому что в него проник ты, мой Мишечка. Я ничего не могла поделать с собой, как бы не пыталась. Ты приходил ко мне по ночам, и я тебя целовала во сне, а утром представляла нашу встречу. Когда ты сообщил, что увольняешься и уходишь на службу, во мне как будто что-то оборвалось. Не хотелось верить, что я вижу тебя в последний раз. Тогда я и попыталась использовать свой последний шанс: пригласила тебя в гости. Ты сказал, что подумаешь, и во мне опять появилась маленькая надежда. И вот сбылось то, о чём я мечтала целый год. Я могу трогать тебя, обнимать, целовать. И ты, пожалуйста, не вини меня за эти минуты. Пусть это будет для меня подар-

ком за все мои переживания. Через два дня ты отправишься служить. За три года всё в нашей жизни изменится. У тебя появятся другие взгляды на жизнь, другие критерии на женщин. К тому времени я стану старухой для тебя. И всё рассосётся само по себе, встанет на свои места. Потом мы оба будем лишь изредка вспоминать эти сладостные мгновения.

Галка выговорила и положила голову на грудь Мишке. Потом встрепенулась, приподнялась на локте и заговорщицки зашептала:

– А давай завтра вечером опять встретимся у меня? И послезавтра тоже? Чего тебе слоняться бесцельно оставшиеся два дня? А? Водки, я думаю, ты напился от души, а вот чашу любви успел только пригубить. Почему бы тебе не испить её до дна, не насладиться той страстью, которую я тебе подарю? Ведь впереди у тебя три года без женщин...

– Согласен, – не задумываясь, сказал Мишка. После откровений Галки у него быстро исчезло чувство тревоги и вины. Он понял, что женщина не собирается предъявлять к нему никаких претензий, а со своим чувством к ней он как-нибудь разберётся. И сказала она правильно: впереди целых три года, всё встанет на свои места. Сейчас ему было хорошо с ней, он опять почувствовал, как его тело с новой силой наполняется этой незнакомой энергией безудержной страсти. Отдавая всего себя этой страсти, он резко повернулся и неумело приподнялся над Галкой...

Домой он заявился перед обедом следующего дня.

– Ты где затерялся? – спросила мать. – Я не спала всю ночь.

– Мама, я же предупреждал тебя, что могу остаться ночевать в Новом городе. Когда посадили Сашку в электричку – ушёл наш последний автобус. Не чапать же мне по морозу домой шесть кэмэ? Не хватало ещё явиться на призывной пункт с отмороженной рожей!

– У кого ночевал? – допытывалась мать, уставившись на сына пронзительным взглядом. Её глаза, словно рентген, просвечивали Мишку насквозь. Он с трудом выдержал материнский взгляд и соврал:

– У Сашкиной тётки, мам. В соседнем доме.

– У тебя такой изнурённый вид, будто ты гектар травы выкосил, – с жалостью проговорила Василиса Марковна. – Тебе надо отдохнуть, сынок. Вечером, поди, опять к друзьям потащишься?

– Угу, – пробурчал Мишка, стараясь не глядеть в глаза матери. – Всего два вечера осталось на гражданке гулять.

Он умылся, затем съел две чашки борща и лёг спать.

Вечером он отправился к Галке. Непреодолимое желание очутиться вновь в жарких объятиях этой женщины взяло верх над разумом.

На следующий день последовало ещё одно свидание, последнее.

Двадцать седьмого ноября состоялись проводы на службу. Пришли все друзья. Пили, горланили песни, играл магнито-

фон, который принёс с собой Димка Арефьев, танцевали. К удивлению Мишки, без приглашения заглянули попрощаться Таня Сидорова и Рита Шишкина. Они пробыли совсем недолго, но обе оставили на щеках Мишки следы губной помады. А когда Мишка перед их уходом признался Тане, что был в неё влюблён в восьмом классе, та сильно удивилась и наградила его долгим поцелуем в губы. Все заплодировали, а бывший подводник Анатолий Хохряков даже прокричал «Горько!».

– Достанется тебе от Пашки, – шёпотом посочувствовал Мишка. – Донесут ведь ему, что со мной целовалась.

– А нет у меня больше Пашки, – наклонившись к уху Мишки, сообщила Таня. – Расстались мы с ним.

– Как расстались? – поразился Мишка. – Совсем недавно видел вас вместе.

– Позавчера он уехал в Ленинград. Навсегда. Будет жить у сестры. Заходил к тебе попрощаться, но не застал, ты был на проводах у какого-то парня. От Василисы Марковны мы с Ритой и узнали, что тебя в армию забирают.

«Надо же, – подумал про себя Мишка. – Такая любовь была, и вдруг – разрыв. Как это всё понимать?»

– А ты? – спросил он, подумав, что расставание Пашки с Таней временное.

– А что я? – Татьяна с недоумением посмотрела на Мишку.

– Оправишься вскоре вслед за Пашкой, как когда-то вер-

ные подруги за ссыльными декабристами.

– Нет, Миша, не отправлюсь.

– Что так?

– Не позвал он меня с собой. Навсегда расстались мы с ним.

Сидорова посмотрела внимательно на Мишку, затем добавила с улыбкой:

– Теперь я свободная, и у тебя есть шанс попытаться завладеть моим сердцем.

– К сожалению, Танечка, шанса у меня уже нет.

– Почему?

– Потому что я призван на флот, а это целых три года. За три года всё в нашей жизни изменится. У тебя появятся другие взгляды на жизнь, другие критерии для выбора мужчин, – ответил Мишка словами Галки, чуть изменив.

Ещё каких-то три дня назад он ответил бы совсем иначе. Возможно, попросил бы у Тани адрес, стал бы переписываться, надеяться на взаимность. Но прошедшие три дня стали в его жизни переломными, сделали его совсем другим человеком. Мишка неожиданно стал взрослым, превратился в мужчину. Он узнал, какой бывает настоящая любовь женщины, и как её легко отличить от притворства, от желания любить.

– Время покажет, – обронила Таня, загадочно улыбнувшись.

– Да, время покажет, – поддакнул девушке Мишка и тоже расплылся в улыбке. В этот момент он был уверен, что за-

ставить себя любить другого человека невозможно, и ни Таня Сидорова, ни он сам не могут быть исключением в этой простой истине.

Время прощальной вечеринки истекло быстро. Мишка ушёл в свою комнату и переоделся в дорогу. Он облачился в старую телогрейку, на голову нацепил облезлую шапку-ушанку, ноги обул в старые кирзовые сапоги.

– Я готов, – весело сказал он, появившись в дверях перед публикой. – Выходим все на улицу, идём на вокзал.

Через полтора часа, издав длинный пронзительный свисток, электричка увезла Мишку Кацапова вместе с другими призывниками на областной сборный пункт.

Глава 5

Декабрь весь простоял морозным, и только в первых числах января наступило небольшое потепление. Погода будто сжалилась над Александром Кацаповым, позволив ему встать на лыжи и отправиться в тайгу.

Сразу после ухода Мишки в армию он уволился с работы и ушёл на заслуженный отдых. Первое время не знал, как распорядиться свободой, свалившейся на него, и слонялся из угла в угол. Корову-кормилицу он ликвидировал, когда Мишка заканчивал десятый класс, и сейчас домашних дел было очень мало. На них уходило два-три часа в день, остальное время они с Василисой проводили на сундуке, привалившись к тёплой печи. Слушали радио, читали газеты. Иногда жена брала в руки какую-нибудь книгу и принималась читать вслух. Он слушал её монотонный голос и незаметно засыпал. Василиса вздыхала, откладывала книгу в сторону и уходила на кухню.

Потом Александр нашёл для себя работу. Спустившись однажды в подполье за картошкой, он обнаружил, что подгнили доски ограждения земляного вала. Неделю трудился с упоением. Заменял стойки, прибил к ним свежеструганные доски, пропитал олифой и опять остался без работы.

Виной всему был мороз. И вот он отступил.

Александр надумал сходить в лес и поставить петли на

зайца. Вчера он наломал пихтовых веток, сложил в кадушку, залил кипятком, затем опустил туда моток тонкой стальной проволоки, которую предварительно отжёг на огне. Всё это делалось для того, чтобы отбить посторонний запах, исходящий от проволоки. Заяц очень пуглив и осторожен. Учуяв незнакомый запах, обойдёт петлю стороной. Тогда вся работа уйдёт коту под хвост.

Снегу выпало много, и он ещё не успел уплотниться. Александр двигался по нему на широких самодельных лыжах, каждый его шаг сопровождался глухим уханьем от сдавливаемого снега.

Мороз стоял градусов около двадцати. Воздух вокруг был до предела пропитан хвоей. Александр глубоко вздыхал его, в носу приятно пощипывало.

Пройдя по лесу с километр, он остановился. Осмотревшись по сторонам, взглядом отыскал запорошённый снегом пенёк, двинулся к нему. Сбросив рукавицей снег, присел. От пройденного пути по глубокому снегу ноги слегка гудели – годы давали знать о себе.

Казалось, совсем недавно он вот также высматривал удобный пенёк, чтобы присесть. С той лишь разницей, что это происходило летом и он садился на пенёк не для отдыха, а дожидался маленького Мишку, который отставал от него и медленно тащился по тропинке, еле передвигая ногами от усталости.

Александр стал брать сына в тайгу с шести лет. С той де-

лянки, которую ему выделило лесничество под покос, удавалось заготавливать мало сена. Трава была низкорослой и редкой, приходилось после основного сенокоса отыскивать в лесу бесхозные поляны и полянки, чтобы добрать дополнительные объёмы сена, которого бы хватило на всю зиму.

Отпуск был уже использован полностью, Кацапов возвращался с работы и после ужина шёл в тайгу на поиски подходящих полянок. За вечер ему приходилось проходить порядка двадцати километров. Домой возвращался уже в полной темноте, а утром отправлялся на работу. Никакой усталости не чувствовал.

Наступала суббота, он будил Мишку с восходом солнца, и они отправлялись в лес. Василиса оставалась дома с дочерьми и коровой. Мишка не хныкал и с сознанием дела шёл за отцом. У него была даже своя собственная детская коса. Её изготовил ему сам Александр, обрезав половину лезвия от взрослой и подогнав по росту черенок.

Путь был не близкий. Как только они доходили до места, Александр в первую очередь принимался мастерить для сына ложе. Он нагибал к земле несколько молодых березок, надрубал стволы на четверть от земли, чтобы они не могли выпрямиться, набрасывал на них толстый слой свежескошенной травы, стелил брезентовый плащ и укладывал сына «досыпать». Сам приступал к косьбе.

Мишка спал до полудня, потом помогал кашеварить. Победав, он с большим желанием брал свою косу и начинал

тукать ею по непокорным стеблям травы.

Через пару часов Александр объявлял перерыв, они приступали к строительству шалаша. Потом снова косили до ужина. Уставший за день и разморённый горячим ужином Мишка заползал «немного отдохнуть» и «отдыхал» до рассвета.

В воскресенье вечером они отправлялись в обратный путь.

«А было это двенадцать лет назад, – подумалось Александру. – Много это или мало? Если бы эти годы считал Мишка – для него было бы, наверно, много. Две трети его жизни. А для меня? Скорее – миг, который пролетел, мелькнул, как падающая звезда на небе, и канул в вечность.

Вспомнился Кацапову тут же и более ранний период, когда Мишке было около двух лет от роду.

...Шёл 1953 год, Александр строил свой дом. Вопреки возражениям Василисы, он приступил к строительству собственного жилья ещё в конце лета минувшего года.

– Саша, ну зачем нам строить свой дом, когда есть казённый? – не соглашалась жена с намерениями Кацапова. – Это ж какие расходы будут? Я не работаю, мы живём на одну твою зарплату. И так перебиваемся с копейки на копейку.

– Надо смотреть дальше своего носа, Василиса, – сказал он тогда, шутливо надавив указательным пальцем на нос жены. – Казённый дом на ладан дышит, и ремонтировать его никто не собирается. А тратить личные деньги на ремонт ка-

зённого имущества – просто дурость.

– А зачем тратить? Поживём пока без ремонта – ветер ведь не свистит в стенах.

– Ха! Когда он засвистит – дров не напасёшься. Вся моя зарплата будет вылетать зимой в трубу, – попытался убедить Василису в своей правоте Кацапов. Однако, взглянув на жену, он понял, что его слова не проняли её. Тогда он привёл более убедительный аргумент.

– Мы с тобой заводили разговор о корове? – спросил он.

– Да, я и сейчас склоняюсь к тому, чтобы у нас были своё молоко и мясо, – глаза жены на мгновение загорелись и тут же погасли от осознания несбыточности мечты. – Только на какие шиши мы всё это приобретём: и стройматериалы для дома, и корову одновременно?

– Одновременно не получится, даже если бы у нас было много денег, – ответил Александр.

– Почему?

– Потому что на новой усадьбе для коровы нет конюшни, а на казённом участке все частные строения запрещены.

Этот весомый аргумент убедил Василису. Тяжело вздохнув, она произнесла обречённо:

– Поступай, как считаешь нужным. Только страшит меня твоя затея, Саша.

– Это почему же?

– Потому что надрывать придётся – у тебя всего две руки.

– Не так страшен чёрт, как его малюют, – весело произнёс Александр. – Глаза боятся, а руки делают.

Шестого марта он ставил стропила на срубке своего дома, который за осень и зиму выгнал уже под крышу. Накануне взял отгул, чтобы потрудиться три дня. Маленький Мишка был с ним, играл щепками на куче опила рядом с домом.

Внезапно раздался заводской гудок. Он гудел пронзительно и необычно долго, совсем не так, как перед началом рабочего дня на заводе. Через некоторое время к нему подсоединился паровозный гудок, за ним второй, третий...

Через несколько минут с завыванием голосила вся округа. Александр не понимал, что происходит. Не понимал и сынишка. В растерянности он развёл в стороны руки, в которых было зажато по щепке, и вертел головёнкой по сторонам.

Мимо проходил сосед. Он работал учителем и, по всей вероятности, направлялся в школу.

– Захар Дмитриевич! – прокричал сверху Кацапов. – Не знаешь, что стряслось?

– А ты разве не слышал?

– Нет.

– Сталин умер, – ответил щуплый учитель и стянул с головы шапку. – По радио объявили, ещё в восемь утра. Траур в стране.

У Кацаповых уже несколько дней не работало радио. Александр в первый же день сделал заявку на устранение неисправности, но монтёр-ремонтник так и не появился.

– И что теперь? – спросил Кацапов таким тоном, будто преподаватель математики Захар Арефьев исполнял сейчас обязанности умершего вождя народов.

– Не знаю, – с печалью в голосе ответил Захар. – В школу вот иду. Может там что разъяснят.

Учитель надел шапку и засеменил дальше. Кацапов вонзил топор в бревно сруба и стал спускаться вниз.

Спустившись на землю, он подошел к сыну, взял его на руки.

– Правитель наш умер, Мишка. Запомни этот день обязательно, – внушительно сказал Кацапов. В его голосе не было ни страха, ни печали, ни сожаления. Он никогда не восхищался Сталиным, не восхвалял его дел и не слушал речей «вождя народов», затаив дыхание. У Кацапова сложилось своё мнение об этом человеке.

За время пребывания в колонии (как в качестве вольнонаёмного, так и позднее, уже будучи осужденным) ему довелось выслушать множество отзывов о Сталине. Высказывались обычно те, кому лично довелось хлебнуть горя от приближённых к власти чинов. В основном это были политические. Обиженные властью и лишённые свободы они не подбирали выражений для характеристики Сталина. Говорили, что думали. Разумеется, в разговорах между собой, и никак не в присутствии лагерного начальства. У каждого заключённого была своя трагедия, которая так или иначе была связана с правящим режимом. Чаще всего уши Кацапова улавли-

вали слова «тирания», «коварство», «властолюбие», «мстительность» и подобные высказывания.

Много лет жизнь Александра протекала вне политических событий в стране, он не являлся их участником, поэтому никогда не задумывался, кто и как правит страной. Ему было совершенно безразлично. Сначала служба в армии, потом геологоразведка, затем работа в колонии и война с Японией, и, наконец, пять лет заключения.

Негативное мнение о власти начало складываться лишь в колонии, где ему пришлось выживать, и укрепилось потом, когда вышел на свободу и повстречал Василису. Но никогда и ни с кем он делился своими мыслями, держал в себе и молчал.

– Сейчас всё пойдёт по-другому, – сказал Александр сыну с неожиданным для себя облегчением. – Должно пойти по-другому. Ты не будешь изгоем, как твои родители. Верно?

– Угу, – кивнул Мишка и улыбнулся во весь рот.

... Очнувшись от воспоминаний, Кацапов поднялся и двинулся в глубь леса, с хрустом уплотняя лыжами снег. Теперь ему предстояло дойти до летних покосов, отыскать заячьи тропы и установить петли.

«Ничего, сынок, будет ещё у тебя счастливая жизнь, – мысленно заговорил он с Мишкой. – Сейчас перед тобой все двери открыты, все дороги в будущее выстелены гладким камнем – можно идти и не спотыкаться. Было бы желание и можно всего добиться. Бедняцкому счастью придёт конец.

Ты будешь жить наравне со всеми».

Мишке ещё предстояло выбирать свою дорогу, а у Александра она подходила к концу. Да и не выбирал он своей дороги – шёл по той единственной, которая предстала перед ним. Шагал, спотыкаясь на ухабах, и никогда не знал, какие неприятности таятся за поворотом.

Двадцать с лишним лет Кацапову приходилось гоняться за каждым рублём. Он числился жестянщиком, но фактически трудился разнорабочим. Зарплата жестянщика в сплавной конторе была маленькой, её едва хватало только на пропитание семьи. Дважды он пытался сменить место работы, но оба раза возвращался назад. Хрен оказывался ничуть не слаще редьки.

Четыре класса церковно-приходской школы и пять лет колонии строгого режима оценивались одинаково на всех предприятиях города. На металлургический завод дорога была закрыта. Возвращался вновь в сплавную контору по одной причине – в ней была аккордная система труда. Повременная, не сдельная. Мастер выдавал такое задание, которое нормировать было невозможно. Можно было выполнять его месяц, а можно было справиться и за пару недель. Главное, Александр в такие периоды был предоставлен сам себе и никем не контролировался. И работа в течение года была предсказуемой. Летом чинил кровлю жилых домов, потом уходил в тайгу на заготовку мха для строительства жилья. Осенью, когда берёзы сбрасывали листву, его отправляли на месяц

рубить прутья для мётел. И всё это он делал в одиночку.

Зимой работал в мастерской – изготавливал или чинил инвентарь, паял, лудил, ковал...

В свободное время шабашничал, где только удавалось. Его знали во всей ближайшей округе. К нему приезжали из деревень, просили перекрыть железную кровлю на коровниках, клубах и других зданиях колхозов. Обращались и частники – он никому не отказывал, трудился по вечерам и по выходным.

И всё равно денег не хватало. Василиса не работала – сидела с тремя детьми, поскольку в посёлке не было детского учреждения.

А тут ещё и собственная матушка поднесла сюрприз. Она подала в суд на выплату ей алиментов, заявив, что сыновья не помогают и ей не на что жить. По решению суда Александру пришлось отдавать матери с получки ежемесячно по десять рублей. Его негодование не было предела, однажды даже случился сердечный приступ.

Мать открыто издевалась над ним. Когда умер от туберкулёза Егор, она продала дом и уехала к дочери в Пермь. Жила там десять лет, потом зятя отправили служить в Германию, и она объявилась у Александра.

– Буду теперь жить у тебя, Сано, – сказала она, появившись с котомкой за спиной на пороге его дома. – Нет у меня другого жилья.

Александр не смог прогнать мать со двора и, стиснув зу-

бы, уступил маленькую комнатку. Сами же впятером они стали ютиться во второй комнате.

Мать прожила на его иждивении несколько месяцев, не внося в бюджет семьи ни одного рубля и не помышляя помогать Василисе по дому. Однажды вечером Александр не выдержал, заглянул в её комнатку и спросил:

– Мама, а почему бы тебе не пожить у Сергея? Он тебе такой же сын, как и я. И дом у него большой, в отличие от моего. Значит, всё должно быть поровну.

– Ты, Сано, выгоняешь меня? – удивилась старуха.

– Не выгоняю, а предлагаю жить у своих сыновей по очереди. Три месяца у меня, потом столько же у Сергея.

– Не ужиться мне там с его Клавдией, – призналась мать. – Она ведь колдунья, наведёт на меня какую-нибудь порчу или сглаз оставит.

– Мама, но ты же видишь, как у нас тесно. Ты спишь на кровати, а мои дети на полу.

– Может, ты скажешь ещё, что я объедаю вас?

– Вообще-то, могла бы иногда приносить в дом какие-нибудь продукты. Тебе ведь известно, что моя зарплата маленькая, а ты дом продала и не положила мне на ладонь ни одной копейки.

– У меня не осталось денег, – развела руками мать.

– Куда ж ты их дела? – с большим удивлением спросил Александр.

– Разошлись за десять лет незаметно. То да сё, вот и разо-

шлись по мелочам.

– Промотала, значит, своё состояние? Надо ведь умудриться профукать дом!

– Сама не пойму, как так вышло, что я без денег осталась.

– И как собираешься жить дальше? – спросил Александр. – Пенсию ты не заработала, не захотела трудиться. С моими детишками водиться не желаешь, по хозяйству не помогаешь. Молишься целыми днями, в церковь бегаешь, любишь вкусно поесть, а у самой за душой ни гроша. Это называется сесть сыну на шею и ножки свесить.

– Куска хлеба собственной матери пожалел? – проговорила со злостью старуха. – Тарелкой супа попрекаешь?

– А ты попроси у своего бога манны с небес, да и питайся ею. За свою жизнь всяко, поди, заслужила божьего дара, стоя часами на коленях перед иконой. А мои харчи даром не даются. Горбатиться приходится, чтобы тарелка супа на столе появилась.

Александр вышел из комнаты, а мать наглухо закрыла за ним створки дверей.

На ужин она не вышла к столу. На следующий день, не разговаривая ни с кем из домочадцев, она нацепила на себя котомку и с первым автобусом уехала к старшему сыну Сергею.

Шуршал под лыжами снег, Александр углублялся всё дальше и дальше в глубь леса. Мысли вновь и вновь возвращались к сыну. В памяти всплывали наиболее яркие собы-

тия в его жизни.

...Мишка рос, как и все поселковые мальчишки. Только, разве что, более пытливым к окружающему миру. Он постоянно о чём-нибудь выспрашивал, а выслушав ответы, на какое-то время уходил в себя, будто анализировал полученную информацию и делал какие-то выводы.

К десяти годам сын научился свободно обращаться со всем инструментом, доставшимся ему после смерти Егора, и всегда что-нибудь мастерил. Василиса с гордостью и подолгу разглядывала его первые изделия: скворечник, табуретку, книжную полку, навесной шкафчик для инструмента. Мебель получилась хорошего качества, и, казалось, будто была изготовлена руками профессионального столяра.

Учился Мишка на одни пятёрки, как, впрочем, и его сёстры. Был послушным и трудолюбивым. Однако по мере того, как он начинал взрослеть, его глаза всё чаще становились грустными. Александр знал, отчего это происходило, но в силу своей бедности был не в состоянии развеять эту грусть. Друзья Мишки имели в своём распоряжении велосипеды с мотором, мотоциклы или мотороллеры, лодочные моторы, ходили в модных спортивных костюмах. У Мишки был только велосипед, и ходил он на протяжении нескольких лет в одних и тех же пиджачке и брюках, сшитых Василисой из своей форменной одежды железнодорожника и прохуdivшегося костюма самого Кацапова.

«Всё у тебя будет, сынок, – подумалось Александру. – Те-

перь наступили другие времена. Ты у нас парень настырный, напористый, добьёшься своих высот самостоятельно. Будет у тебя и мотоцикл, и моторная лодка. Всё будет!»

Лес окончился, перед глазами открылась большая поляна. Летом здесь стояло несколько стогов сена, которые были вывезены по первому снегу. Зайцы наведывались сюда кормиться остатками сена, вмерзшего в землю и обронённого при складывании на сани. Кроме этого корма, по краям поляны рос мелкий кустарник, который тоже привлекал зверюшек.

Взгляд Кацапова уловил на пригорке первые заячьи следы.

«Ага, косой! Не сидится тебе под ёлкой, есть хочется, – с радостью пронеслось в голове Александра. – И мне дома не сидится, позабавиться захотелось с вашим братом!»

Кацапов двинулся по направлению к следам, потом зашагал рядом с ними.

Вскоре следов стало больше, они шли с разных сторон и привели к лежащим на земле осинам, стволы которых был сплошь изрезаны заячьими зубами. Снег вокруг деревьев был утоптан лапами зверюшек.

Он обошёл вокруг осин, внимательно рассмотрел все заячьи тропы. Отобрал мысленно те, которые проходили между двух стволов, снял с плеч рюкзак, извлёк из него проволоку.

Не прошло и получаса, как несколько петель зависли над

звериными тропками.

«Ну, вот, косые, я своё дело сделал. Теперь всё будет зависеть от того, кто окажется хитрее, – усмехнулся про себя Кацапов. – Или я вас из петли выну, или вы посмеётесь надо мной из кустов.

Александр повесил рюкзак на плечи и зашагал назад.

Глава 6

Пять месяцев службы в военно-морской школе связи Черноморского флота пролетели, как один миг. Близились выпускные экзамены, после которых всех курсантов распределят по флотам.

Михаил Кацапов мечтал попасть на Северный флот. Почему на северный – он и сам толком не мог объяснить. Возможно, манила суровая романтика службы в заполярье, возможно, взяло верх простое любопытство. На юге страны ему удалось побывать уже дважды, теперь захотелось увидеть северные широты. Хотя, если верить слухам, попасть на север не составляло никаких трудностей. Отличники и уроженцы южных регионов после окончания «учебки» предпочитали бороздить воды Чёрного и Средиземного морей. Затем отдавалось предпочтение Тихоокеанскому и Балтийскому флотам, а служба в заполярье стояла на последнем месте.

Мишка в число отличников не метил, хотя специальность радиотелефониста засекречивающей аппаратуры связи освоил прекрасно, и по практической отработке нормативов мог дать фору многим отличникам. Стать отличником не позволил ершистый характер.

С инструктором учебного взвода старшиной второй статьи Тарасенко отношения не сложились с первых дней. Тарасенко оказался хитрым, коварным и злопамятным челове-

ком. Всего полгода назад он сам был курсантом в этой школе. После окончания учёбы командование предложило ему остаться в качестве инструктора, и услужливый хлопец из Закарпатья согласился без раздумья. Он спал и видел себя командиром. Пришив две узких жёлтых ленточки на погончик робы, он враз преобразился и принялся показывать свою власть на безропотных курсантах.

Особое упоение Тарасенко испытывал на вечерней поверке, когда в помещении роты не оставалось никого из офицеров. Он свистел в дудку и объявлял построение. Курсанты, толкая друг друга в проходах между рядами трёхъярусных кроватей, пулей выскакивали на среднюю палубу и замирали в строю. Тарасенко, заложив руки за спину, медленно двигался вдоль строя. Ехидно ухмыляясь, он смотрел на подчинённых, которые стояли перед ним с опущенными глазами. Предстояло назначение на драйку средней палубы – центрального прохода через ротное помещение – и сушку ботинок. Никто из курсантов не имел желания встречаться взглядом с Тарасенко, дабы не привлечь к себе внимание узурпатора. После изнурительного дня всем хотелось поскорее забраться в постель и провалиться в сладкий сон.

В первые дни службы Мишка тоже стоял в строю, не смея поднимать на инструктора глаз. Драить палубу после отбоя или полночи сидеть в сушилке, контролируя сушку ботинок, ему не хотелось. Он, как и все остальные, наивно полагал, что Тарасенко пройдет мимо и остановит свой выбор на дру-

гом курсанте, благо во взводе было достаточно людского ресурса. Но это была всего лишь иллюзия, обман самого себя.

Всего через три дня после прибытия в школу Мишка Кацапов принялся осваивать корабельную швабру под названием «машка». На следующий день после исполнения наряда он уже не опускал глаза и с чувством собственного достоинства открыто смотрел в лицо Тарасенко. Его независимый взгляд чем-то не понравился инструктору. Возможно, тот рассудил это, как некий вызов, потому что через пару дней после отбоя курсант Кацапов уже собирал в проходах между кроватей «гады» всего взвода и относил их на просушку. Спать он лёг на три часа позднее остальных курсантов.

Потом пошли очередные наряды. Мишка заступал на камбуз, в караул по охране территории школы, конвойным на гауптвахту, в котельную и санчасть. Нёс службу ответственно и добросовестно, однако Тарасенко почему-то всегда находил повод придраться к нему.

В одном из нарядов Мишка не сдержался, высказал своё недовольство на несправедливое замечание и в один миг превратился в жертву.

Внеочередные наряды посыпались, как горох из худого мешка. Кацапов забыл о полноценном сне, похудел и осунулся, нередко засыпал на теоретических занятиях, за что получал дополнительный наряд уже от преподавателя. И пошло, поехало...

Однажды он заснул при сушке ботинок и передержал их на решётках. Печь была протоплена «от души», и «гады» скукожились от чрезмерного жара. Когда Мишка очнулся – было уже поздно, часть ботинок пришла в негодность. Разглядывая свою «работу», он ужаснулся, представив последствия. Сморщенной обуви оказалось больше десяти пар.

Утреннее построение было сорвано. Курсанты, одев робу за считанные секунды, не смогли обуться и вышли строиться в носках со скрюченными ботинками в руках.

Скандал разразился нешуточный. Больше всех почему-то злорадствовал Тарасенко. Изрыгнув в пространство трёхэтажную брань, он взял несколько пар испорченной обуви и отправился лично докладывать о происшествии командиру роты, хотя для таких целей существовал старшина.

– И что мне с тобой делать, товарищ курсант? – спросил капитан третьего ранга Семёнов, когда Мишка предстал перед ним. – Ущерб составил 72 рубля 50 копеек, и мы обязаны возместить эту сумму с виновника. Желательно в добровольном порядке. Сам напишешь родителям, или мне отправить письмо с печатью?

Мишка стоял, опустив голову. Мысли лихорадочным потоком проносились в голове. Он представил на миг, как мать получает письмо от командира, читает его и сильно хмурится. Ему стало не по себе.

– Товарищ капитан третьего ранга, а можно как-то иначе? – спросил Мишка хриплым голосом.

– Что значит – иначе? – в недоумении спросил Семёнов.

– Ну...отработать где-нибудь, чтобы только родителям не сообщать.

– Я бы отправил тебя на заработки, только не имею такой возможности. Дело в том, что флот – не производственное предприятие. На нём денег не зарабатывают, а отдают воинский долг перед Родиной.

От слов командира у Мишки ёкнуло внутри. Он собрался заявить, что готов полностью отказаться от своего денежного довольствия курсанта до окончания учёбы, а оставшуюся сумму обязательно возместит, только чуть позже. Напишет письмо сестре, и она вышлет деньги. Готов был сказать, но не успел.

Послышался стук в дверь, в кабинете ротного появился главный старшина Ольшанский.

– Разрешите, товарищ капитан третьего ранга, – произнёс он с порога. – Главный старшина Ольшанский из суточного увольнения прибыл без замечаний.

– Проходи, Борис, присаживайся. Ты как раз кстати, – командир роты указал жестом на стул. – Неприятный случай произошёл в первом взводе. Курсант Кацапов спалил полтора десятка пар ботинок своих сослуживцев.

– Я уже в курсе, тащкаптреранга, – пояснил Ольшанский. – По этому поводу и заглянул к вам.

Главстаршина Ольшанский дослуживал последний месяц до демобилизации. Был он высоченного роста, широк в пле-

чах, был медлителен в движениях и говорил громовым басом. Его срочная служба растянулась на четыре с половиной года. Он проходил службу по старому приказу, а полгода добавилось в связи с нахождением его в дальнем походе. Ему было доверено испытание нового образца аппаратуры, в разработке которой он принимал непосредственное участие.

Жизнь Бориса с малых лет была связана с морем. Он родился и вырос в городе морской славы, все его родственники по мужской линии были военными моряками. Отец в звании капитана первого ранга служил в штабе Черноморского флота. Бориса призвали на службу в возрасте двадцати лет и оставили служить в родном городе. Дядя Бориса, герой Советского Союза, погиб в битве за Севастополь, его фамилия была навечно занесена в списки личного состава школы, в которую попал служить Мишка Кацапов. Аккуратно заправленная кровать героя стояла сейчас неподалёку от поста дежурного по роте.

– У тебя есть какое-то предложение? – спросил Семёнов.

– Есть, тащкаптреранга, – пробасил Ольшанский.

– Говори.

– Прошу отпустить курсанта Кацапова, я с ним лично разберусь. Появились обстоятельства, о которых я предпочёл бы поговорить с вами наедине, – Ольшанский очень внимательно посмотрел на Мишку.

– Ну, что ж, давай отпустим разгильдяя, если за него пришёл замолвить слово сам старшина роты, – улыбнулся Семёнов.

нов. – Иди, Кацапов, подумай хорошенько о своём проступке.

Мишка повернулся через левое плечо и, недоумевая, молча вышел из кабинета командира роты.

Ему не пришлось писать письмо родителям или сестре. Старшина Ольшанский спас его от постыдного прошения. О чём он говорил с командиром роты за закрытыми дверями – осталось в тайне. Одно лишь стало понятно Мишке: Ольшанский досконально разобрался в случившемся и справедливость восторжествовала.

До конца учёбы Тарасенко больше не отправлял Мишку ни в какие наряды. Он, казалось, вообще перестал замечать курсанта Кацапова. И лишь на вечерней поверке, когда инструктор произносил Мишкину фамилию, их взгляды встретились. Пронзительный и негодующий Тарасенко и умиротворённый Кацапова.

Ботинки на замену испорченным старшина Ольшанский нашёл в течение часа. Это были не новые «гады», а б/у, но в приличном состоянии. Уже перед самым отъездом на север Мишка случайно узнал, что Ольшанский связался со старшинами других рот, и те, достав из потаённых уголков баталерок свои заначки, выручили друга. Так ли было на самом деле – у Кацапова не было полной достоверности, а вот в существование крепкой флотской дружбы и во взаимовыручку на флоте он поверил сразу.

Добродушный и немногословный великан Ольшанский

преподнёс Мишке поучительный урок, а разговор, который состоялся между ними в тот злополучный день, запомнился ему на всю оставшуюся жизнь.

После отбоя, когда курсанты улеглись спать и в кубрике наступила мёртвая тишина, Мишка услышал приглушённый голос дневального:

– Кацапов, вставай, иди за мной.

Мишка был уже в том состоянии, когда до полного погружения в сон оставались считанные секунды. Он разлепил отяжелевшие веки, взглянул на дежурного, плохо соображая, для чего он ему понадобился. В первый момент ему захотелось послать дежурного куда подальше, приняв его слова за прикол, и перевернуться на другой бок. Дневальный был из соседнего взвода, и Мишка не раз был свидетелем его дурацких шуточек. На сей раз лицо дневального было серьёзным.

– Чё за дела, дневальный? – недовольно пробурчал Мишка, приподнимаясь в постели. – Ты ни с кем меня не перепутал?

– Нет. Великан распорядился привести тебя к нему, – сообщил дневальный. – Напяливай робу и следуй за мной.

Мишка свесил ноги с кровати, тряхнул головой, сбрасывая сладкую дрёму, потом легко спрыгнул на пол с третьего яруса.

– Чё за хрень влетела в его башку среди ночи? – шипел Мишка, натягивая робу. – Неужели до утра нельзя было по-

дождать?

– А я почём знаю? – пробубнил в ответ дневальный. – Старший по званию приказал – моё дело исполнить.

Мишка остановился в нескольких шагах перед дверью баталерки, где находился старшина. Ему вдруг взбрело в голову, что Ольшанский собирается попросту отлупить его втихаря, поскольку никакого дисциплинарного взыскания за проступок на вечернем построении не было объявлено. И время, и место старшина выбрал самые подходящие для такой цели: офицеры отсутствуют, курсанты спят беспробудным сном, баталерка расположена в таком месте, где даже душераздирающий крик никто не услышит.

– Чё стоишь? – набросился Мишка на дневального, гневно сверкнув в полутьме вспыхнувшими глазами. – Исполнил приказ и греби обратно к тумбочке!

– Я обязан доложить старшине...

– Вали отсюда! Не будет тебе сюжета для трепотни, не жди! Дверь я и без тебя отворю. Исчезни, ну? Кому говорю?

Мишке не хотелось, чтобы дневальный, получивший прозвище «Трепач» за чрезмерную болтливость, стал свидетелем того, что может произойти с ним в следующую минуту. Ему вдруг представилось: стоит отворить дверь, как громила Ольшанский для начала выплеснет ему в лицо оскорбительную тираду солёных словечек, которые Трепач тут же зафиксирует. Потом подойдёт вплотную, возьмёт за шкуру, как щенка, потычет носом в изуродованные вонючие гады,

а затем по старой флотской традиции «отрубит банок». Ему довелось однажды видеть, как это делается. Правда, «банки отрубали» в шутливой форме. Табурет лишь слегка коснулся задницы провинившегося пару раз. А что будет, если «банка» окажется в могучих ручищах Ольшанского и приложится он ею к Мишкиной заднице не пару раз, а не меньше дюжины? После такой «работы» задница превратится в сплошной синяк! Что тогда? Лекции слушать стоя? Пищу принимать на камбузе тоже стоя? Это будет очень унижительно. Он станет посмешищем всей роты, на него будут показывать пальцем курсанты из других рот.

– Да пошёл ты! – обиделся дневальный. – Я хотел поддержать тебя, если что... Но, видать, не зря говорят, что в тебе волчья кровь бродит. По любому случаю щетинишься, никого близко к себе не подпускаешь. Зверь, одним словом.

– Ты прав, – проговорил Мишка, ухмыльнувшись. – Оборотень я с волчьим сердцем в груди. Вот брошусь сейчас на тебя и разорву на куски, если не уйдёшь отсюда.

Дневальный развернулся и зашагал прочь, бубня что-то неразборчиво себе под нос.

Мишка подождал, когда Трепач скрылся за углом и, постучав костяшками пальцев в дверь, потянул её на себя.

Старшина Ольшанский сидел за столом с папиросой в зубах и что-то чертил на куске ватмана.

– Товарищ главный старшина...

– А-а, Кацапов, – прервал он доклад Мишки, не прекра-

щая своего занятия. – Вольно, присядь пока, подожди. Мне тут осталось всего ничего, на пару минут...

Мишка осмотрелся. Он впервые видел помещение баталерки. Оно было узкое и длинное. До самого потолка с обеих сторон располагались рундуки – выдвижные ящики для хранения обмундирования курсантов. На каждом рундуке была наклеена табличка с фамилией его обладателя. В конце баталерки виднелась еще одна дверь. Куда она вела и что находилось за ней – Мишке было неизвестно. Возможно, там сейчас находились сожжённые им ботинки. Посторонним лицам находиться здесь не полагалось. На входе в баталерку имелась вторая дверь с небольшим окошком. Через него баталер из числа курсантов выдавал и принимал личные вещи сослуживцев. Заведовал всем этим хозяйством главный старшина Ольшанский. Вообще-то, должность старшины учебной роты была для военнослужащих сверхсрочной службы, но для Ольшанского руководство роты сделало исключение. Помещение было чистым и уютным.

– Ну, вот, закончил, – радостным голосом сообщил Ольшанский и отложил замысловатый чертёж в сторону. Карандаш остался у него в руке. Несколько секунд он смотрел пристально в лицо Мишки, словно соображая, как же ему поступить с проштрафившимся курсантом. Потом, расплывшись в улыбке, произнёс:

– Что братишка, погорел?

Слово «погорел» имело двойной смысл. Можно было

трактовать его как «влип в неприятную историю», а можно было понимать, что обуглился вместе с ботинками. Возможно, вопрос старшины подразумевал и то, и другое одновременно. Да и какая теперь разница? Он сжёг ботинки сослуживцев, и сердце его теперь горит синим пламенем от стыда и обиды, принимая такой же безобразный вид, как скрючившийся ботинок.

– Окунулся в дерьмо, товарищ главстаршина, по самую маковку, – тихо проговорил Мишка и опустил глаза.

– Похвально, что осознал.

– Я возьму, честное слово! всю стоимость ущерба возьму! – горячо заговорил Мишка, впившись взглядом в лицо Ольшанского. – Только дайте мне время. Не могу я писать письмо родителям, поверьте. Это будет не просто позор для меня, а клеймо отцовского презрения на всю оставшуюся жизнь. Он же у меня такой... такой... – Мишка хотел с исключительной точностью охарактеризовать своего отца, но споткнулся, не сумев подобрать подходящих слов.

– В общем, если он узнает о моём проколе – я не смогу смотреть ему в глаза, – продолжил он обречённо после некоторой заминки. – Муки совести не позволят мне этого. Когда батя давал напутствие в день отправки на службу, я поклялся себе: жилы порву, если потребует, лбом буду стучаться в переборки корабля, но не посрамлю фамилию отца. Домой вернусь со всеми знаками воинской доблести, которые только могут быть у военного моряка. Батя будет гордиться мною

также, как он гордится своими предками.

– А кто твои предки? – поинтересовался Ольшанский.

– Они были сплавщиками, известными на всю округу лоцманами. Перевозили по реке железную руду для металлургического завода.

– Ишь ты, – одобрительно отозвался старшина. – Читал я про уральские заводы, про Демидова, про графов Голицына и Строганова.

– Вот-вот, – оживился Мишка. – Отец сказывал, что приказчики графа Голицына лично приезжали за моим прадедом перед началом весенней кампании.

– Для чего?

– Торговались по сумме подряда. Прадед знал себе цену и не ставил себя в один ряд с теми горе-лоцманами, которые запросто могли разбить барку о скалы. Он лучше всех знал русло реки и её нравы, виртуозно вёл судно строго по фарватеру, поэтому его барка ни разу не села на мель, не разбилась о скалы. По его вине не случилось убытков. Приказчики ценили мастерство моего прадеда.

Мишка чуть было не ударился дальше в повествование о сплаве по сноровистой реке и готов был рассказать всё, что слышал от отца. Ольшанский слушал его с неподдельным интересом и не перебивал. У Мишки в какой-то момент сложилось ложное впечатление, будто старшина и пригласил-то его к себе лишь для того, чтобы узнать подробности мастерства сплавщиков. Старшина уже не казался ему

грозным великаном, жаждущим жестоко покарать салагу за провинность. Они сидели друг против друга и вели разговор на равных, словно оба были курсантами и делились воспоминаниями о покинутых родных местах, о семье и друзьях.

Неожиданно карандаш, который Ольшанский вертел в руке, выскользнул из пальцев и упал на пол. Старшина наклонился, чтобы его поднять, и тут перед глазами Мишки предстала форменка, которая висела на спинке стула, заслоняемая до этого момента широкой спиной хозяина. В глаза бросились две широких полоски нового золотистого галуна на погончиках. Мишка будто протрезвел, в один миг вернувшись в реальность положения. Желание рассказывать о правде, барках и шитиках пропало напрочь.

– Ты чего замолчал? – спросил Ольшанский, выпрямившись на стуле и вновь заслонив спиной сверкавшие полоски галуна.

– Вы ведь, товарищ главстаршина, не для того вызвали меня к себе после отбоя, чтобы послушать байки о сплавщиках, – Мишка снова потупил свой взор.

– Верно, не для того. Но будет совсем не лишним узнать в какой семье ты воспитывался, и что от тебя можно ожидать в будущем.

Мишка насупился и молчал, словно воды в рот набрал.

– Ты не задумывался, почему я заступился за тебя перед командиром роты? Почему не наложил взыскание сразу?

Мишка пожал плечами.

– А я тебе скажу по секрету, – старшина придвинулся ближе, его большая голова с чёрными, слегка вьющимися волосами оказалась совсем рядом с Мишкиным лицом. В карих глазах старшины, как показалось Мишке, зажегся загадочный свет.

– Хочу разобраться, что к чему. Перерубить канат можно одним взмахом топора, а вот срастить концы после этого уже не получится, – с насмешливостью сказал он. – Когда я начинал службу, со мной тоже произошёл подобный казус. И тоже с ботинками. Только не с рабочими, а с парадными. Они у меня бесследно исчезли по дороге с материального склада. И что любопытно, ровно столько же пар, сколько в твоём случае. Любопытное совпадение, не правда ли? – на лице Ольшанского появилась добродушная улыбка.

– И чем всё закончилось?

– Поклялся я тогда мичману, что не виновен. Он поверил мне, не стал выносить сор из избы, хотя мог проявить принципиальность, имел на это право. Ещё бы! По накладной было одно количество, мичман сам пересчитывал при погрузке, поставил свою подпись в накладной. При выгрузке выявилась недостача. В кузове грузовика по пути в часть кроме меня никого не было. Сам мичман ехал в кабине. Водитель в погрузке не участвовал, возился с карбюратором. Мотор у него в дороге зачихал. А хищение, как говорится, на лицо. На кого ещё можно подумать? Только на меня. Но если я не крал, то куда, спрашивается, на самом деле могли

подеваться полтора десятка пар ботинок? Не выбросил же я их по дороге? Но факт оставался фактом. Недостачу нужно было как-то покрывать.

Ольшанский на некоторое время умолк, достал из пачки папиросу «Беломора», чиркнул спичкой, прикурил. Выпустив дым через ноздри, продолжил:

– Попросил я денег у мичмана, докупил в магазине военторга недостающее количество. Конечно, можно было связаться с отцом и в два счёта решить проблему. Но тогда я вдруг понял, что воспользоваться покровительством отца будет отвратительным поступком с моей стороны. Каждый человек должен сам отвечать за свои необдуманные действия и сполна расплачиваться за все содеянные грехи. Отдать позору фамилию героев-моряков Ольшанских было бы равносильно предательству.

– А как потом отдавал долг? – спросил Мишка, машинально перейдя на «ты», и смутился.

Старшина не заметил смущения.

– Мне повезло, не пришлось отдавать. Я быстро вычислил воришку, взял за грудки. Он и вернул всё сполна.

Мишка на миг представил, как Великан берёт за грудки шуплого шофёра, поднимает его над полом, и впервые за время встречи улыбнулся. У него в голове будто произошло какое-то просветление. Чувство обреченности и неизбежной кары, засевшего в мозгу по пути к старшине, внезапно исчезло. На душе стало неожиданно легко, будто он избавился

от непосильного груза.

– И кто оказался вором? – поинтересовался Мишка.

– Водитель грузовика. У него в кузове лежали две автомобильных покрышки, в них он и успел рассовать ботинки, накрыл брезентом, пока я внизу торчал в ожидании мичмана. За несколько минут изловчился, гадёныш, запрыгнув в кузов за какой-то мелочёвкой.

– Повезло вам. А мне придётся искать где-то 72 рубля и 50 копеек, – грустно произнёс Мишка. – Это же месячная зарплата токаря, если его выработка не превышает ста процентов. А пенсия моего отца составляет чуть больше пятидесяти рублей.

Ольшанский уловил мгновенную перемену в душе курсанта, сделавшегося таким же мрачным, когда вошёл в баталерку.

– Не падай духом раньше времени, Кацапов, – с добродушной улыбкой проговорил старшина. – Тебе не придется платить за ущерб, если правдиво ответишь на все мои вопросы.

После последних слов Мишка насторожился. Вопросы ещё не были заданы, а он уже понял, к чему клонит старшина. В голове лихорадочно замелькали мысли. Ему с предельной ясностью стало понятно: Ольшанский предлагает сделку. Мишка усиленно соображал, как поступить. Рассказать всё, как было? Как Тарасенко издевался над ним? Как внутри у него всё кипело и клокотало? Как однажды, сжав кула-

ки, он едва сдержался, чтобы не ударить инструктора. Или поведать о том, как тот почти ежедневно позволяет унижать Колю Мокроусова, который каждый раз от обиды и безысходности плачет после отбоя, уткнувшись в подушку? Но как будет выглядеть его откровенность со стороны? Торжество справедливости или стукачество? Если второе, то Мишка никогда не доносил на кого-либо и с презрением относится к тем, кто это делает. А может быть, здесь совсем другой случай? Может, сейчас он просто обязан доложить старшему по званию о нарушениях корабельного устава со стороны инструктора? Нет права у Тарасенко отправлять матроса через день на ремень, оскорблять и унижать подчинённого, бить кулаком в живот, проверяя натяжение брючного ремня. Эх, знать бы, где грань между жесткой дисциплиной и издевательством над человеком? Может, на флоте негласно так и положено закалять силу и волю матросов с первых дней службы? Может он, Мишка, недопонимает роли инструктора в воспитательной работе? Ведь учат же плавать человека броском в воду, где он не может достать ногами дна? И у них в таёжном посёлке часто так поступали. И ничего, никто не делал из этого трагедии. Некоторые потом даже благодарили.

– Я понимаю, о чём ты сейчас думаешь, – вывел его из оцепенения басовитый голос Ольшанского. – Ты расценил мои слова, как предложение наябедничать на командира, верно?

– У меня на родине это называется настучать на человека, – хмурясь, ответил Мишка. – У нас такого человека пре-

зирают. С ним перестают общаться.

– Я с тобой согласился бы, если бы речь шла о доносе, если бы я попросил тебя оклеветать человека, опорочить его честь, – Ольшанский недовольно сморщился, словно его безвинно уличили в подстрекательстве на омерзительный поступок, и он вынужден оправдываться. Он встал и молча поглядел на Мишку сверху вниз, будто оценивал его способность понять сказанные им слова правильно. Потом отошёл на пару шагов в сторону, сделал несколько физических упражнений головой и руками, снова сел рядом с Мишкой.

– Ты, как мне сообщили, занимался боксом, – сказал Ольшанский, пристально заглянув в глаза Кацапову. – Так?

– Ну, занимался, – подтвердил Мишка, не понимая, какое это имеет значение к начатому разговору.

– И я занимался. Разве не появлялось у тебя на ринге жгучее желание сделать противнику также больно, как больно он сделал до этого тебе явно со злым умыслом. Нарушал правила, подло проводя удары ниже пояса или, будто невзначай, бил по твоему лицу открытой перчаткой, чтобы заплыл твой глаз.

Мишка молча сопел и ёрзал на стуле. Как же, он хорошо помнит таких противников, помнит, как ему было приятно, когда удавалось отправить такого нахала в нокаут. Он смотрел на копошащегося на полу соперника, пытающегося встать на ноги, и улыбался от распиравшей его радости, что справедливость восторжествовала.

– Вот и сейчас с тобой произошло нечто подобное, – убеждённо проговорил Ольшанский. – Тарасенко превысил свои полномочия. Он направлял тебя в наряды большее количество раз, чем это предусмотрено уставом. Твой организм не успел восстановить силы, и ты заснул, сжёг гады, и должен оплатить ущерб. Разве это справедливо?

Мишка продолжать молчать и засопел ещё громче.

– Несправедливо, – продолжил Ольшанский. – Вот и я так считаю. Тарасенко должен понести ответственность. Одних слов здесь недостаточно, нужен письменный документ.

– Если речь идёт о количестве нарядов – то я уж не помню, сколько их отстоял. Данные есть к книге нарядов у дежурного, можно посчитать.

– Ты, как я понимаю, отказываешься дать письменные показания о противоправных действиях инструктора, – усмехнулся Ольшанский.

– Не отказываюсь, но мне просто нечего больше вам сказать, – пробубнил Мишка, пытаясь оттянуть неприятное для него изложение фактов. Он никак не мог решиться на такой постыдный, с его точки зрения, поступок.

– Тогда я тебя больше не задерживаю, можешь идти, – улыбка исчезла с лица главстаршины. – Но учти, Кацапов, снять с тебя вину в таком случае у меня нет оснований. Придётся оплатить ущерб в полном объёме. Иди и думай, где ты будешь брать деньги. Я тебе в долг не дам. И никто тебе не одолжит ни рубля, потому как ты не оправдал надежд сослу-

живцев. Через тебя они мечтали поквитаться с Тарасенко, но из-за твоего ложного представления о доносах их надежды рухнут.

Мишка не ожидал такого резкого поворота событий и словно приклеился к стулу.

– Иди, говорю, – процедил сквозь зубы Ольшанский. – Видеть тебя больше не хочу.

Кацапов встал и как-то неуверенно шагнул к двери.

«Лучше бы побил», – пронеслась у него в голове дурацкая мысль. – «Тогда смело можно было бы смотреть в глаза сослуживцам».

– Могу дать дружеский совет, как добыть деньги, – донёсся вслед бас старшины.

Мишка моментально обернулся:

– Как?

– Пойти на поклон к Тарасенко, ему каждый месяц из дома идут денежные переводы. Думаю, тебе он не откажет, – хохотнул Ольшанский. – А что касается презрения товарищей, так для тебя, как мне представляется, большого значения не имеет. Ты же у нас волк-одиночка, держишься особнячком и придержишься иных правил.

– Товарищ главстаршина! – почти выкрикнул Мишка с обидой и злостью. – Зачем же вы так?!

– Как? – усмехнулся Ольшанский. – Нечестно? Не по правилам? Съездил тебе по лицу открытой перчаткой? Ты это хотел мне сказать?

– Я ведь не догадывался, чего ждут от меня пацаны... Если это правда, то я согласен изложить письменно об издевательствах Тарасенко. Но с одним условием.

– Каким?

– Я должен поговорить с ребятами, которых преследует Тарасенко. Хочу лично убедиться, что они ждут от меня такой заявы. Постараюсь убедить их накатать коллективные показания.

– Поговорить, ты конечно, можешь, – проговорил Ольшанский с растяжкой. – Но вот коллективной заявы, как ты выразился, писать не следует.

– Почему? – удивился Мишка. – Такие показания будут более убедительными, чем моя кляуза.

– А ты не въезжаешь?

– Нет.

– Коллективная жалоба, Кацапов, – это уже ария из другой оперы. Она будет расцениваться как протест матросов против произвола младшего командного состава. Ваше творение вынесут на рассмотрение партийного бюро. Достанется на орехи всем, в том числе и командиру роты за слабую воспитательную работу с личным составом, за недалёковидность при подборе кандидатур на должности младших командиров. И поплывёт дерьмо по морским просторам... Не обойдут и меня стороной, так как я с недавних пор влился в ряды партии. Бунт на корабле не приветствуется, даже если он исходит из благородных побуждений.

Мишка окончательно запутался и от этого растерялся.

– Да и не станут твои ребята подписываться под такой бумагой. Факт, не станут. Можешь поверить мне на слово. Они просто засомневаются в достижении желаемого результата. Тарасенко объявят взыскание, да и то не публично, не оглашением приказа перед строем, и оставят на прежнем месте. Курсанты будут твёрдо уверены, что после полученной взбучки инструктор станет лютовать пуще прежнего. А страх всегда сильнее желания или даже ненависти. Страх сковывает решительные действия человека. Так-то вот. Твои подзащитные предпочтут лучше понаблюдать со стороны, чем закончится дело.

Пока Ольшанский высказывал свои предположения, Мишка лихорадочно рассуждал.

«Старшина прав: коллективная жалоба успеха не принесёт. Такая бумага что лотерейный билет. Можно выиграть, а можно и проиграть. Как повезёт. Решение будет зависеть от того, на чьей стороне окажется больше сторонников. Жалобу подпишут пять, от силы семь обиженных курсантов. Остальные займут нейтралитет. Их Тарасенко не узурпирует, зачем им идти на конфликт? А может случиться, что и вовсе встанут на защиту Тарасенко. Что тогда? Взвод ведь не пять-семь человек.

– Тебе, Кацапов, сейчас нужно думать о себе, – продолжал Ольшанский. – И в первую очередь, как покрыть ущерб. Время для этого ограничено и работает не на тебя. Не пой-

му: ты чего такой упёртый? Не хочешь, чтобы твои показания выглядели как донос, пиши показания в виде объяснительной на моё имя. Это не будет терзать твою душу. А чтобы окончательно выветрить твои сомнения насчёт клеветы, стукачества и доноса, я задам тебе простой вопрос: что было бы, случись твой сон на боевой вахте в море? А? Соображаешь? Ты же специалист ЗАС. Мог проспать срочный приказ командования флота! Как бы стал оправдываться, когда экипаж лодки по твоей вине не выполнил боевую задачу? Какими деньгами платил за свою дурацкую принципиальность? То-то и оно.

С понурой головой Мишка вернулся в баталерку, сел за стол и написал объяснительную.

Глава 7

Мурманск встретил бывших курсантов неприветливо. Северный ветер швырял в их лица мокрый снег, заставляя инстинктивно прикрывать глаза и двигаться почти вслепую. При сильных порывах прибывшие моряки поворачивались спиной к ветру и какое-то время шагали к вокзалу задом. Ещё в поезде старшина команды распорядился отвязать от вещмешков бушлаты и надеть их при выходе из вагона, хотя в такую погоду следовало быть в шинелях. Белая черноморская роба и бескозырки с белым чехлом придавали нелепый вид и бросались в глаза встречным прохожим. Они с любопытством тарасились на прибывших, потом радушно махали руками, на их лицах появлялись приветливые улыбки.

Встретивший пополнение мичман в отличие от гражданских лиц был суров и немногословен. На перроне он представился лейтенанту, сопровождавшему выпускников школы до места назначения, небрежно козырнув ему, и без лишних слов повёл группу на привокзальную площадь. Там с правой стороны вокзала их уже ждал крытый брезентом «Урал» с работающим двигателем.

Через десять минут матрос-водитель нажал на педаль газа, мотор грозно рыкнул и мощный грузовик повёз черноморскую команду в неизвестность.

Парни сидели вдоль бортов и тихо перешёптывались. По-

что все они были уроженцами южных широт, и первое впечатление от северной погоды подействовало на них удручающе.

Мишка Кацапов забрался в кузов последним и устроился у заднего борта. Он смотрел на заснеженные сопки и мысленно сравнивал их с невысокими уральскими горами.

Общего между ними было мало, разве что сопоставимы были размеры и высота. Сопки с редкими карликовыми деревьями выглядели лысыми, в то время как горы в его родных местах были сплошь покрыты густыми зарослями елей и пихт.

Картина уральских гор, естественно, больше радовала его глаз, нежели эти угрюмые сопки, однако, здешняя природа и климат всё равно казались Мишке более близкими сердцу, чем жаркий и душный Крым.

Сам не зная почему, он с большой радостью и даже с некоторым ощущением душевного облегчения уезжал из тёплого края, где уже цвели яблони и ярко светило солнце. Возможно, такое чувство появилось по той причине, что Севастополь дважды обошёл с ним неласково. Возможно, ещё и потому, что за полгода службы Мишке так и не удалось обзавестись хорошими друзьями, он до самого отъезда держался особняком, к нему прочно приклеилось прозвище «волчара». Прибыв на север, Мишка вдруг ощутил в себе чувство пьянящей свободы. Казалось, будто и дышать стало легче, словно он покинул душную прокуренную комнату и, нако-

нец, вздохнул полной грудью свежего морозного воздуха. В нём появилась надежда на крутые перемены.

О настоящих друзьях в школе связи он даже не помышлял. Слишком мал срок для того, чтобы съесть пуд соли. Курсантов он сравнивал со случайными попутчиками в поезде. Обучение в школе, как и пребывание в вагоне, быстро закончится, каждый из них выйдет на своей станции и зашагает дальше указанной ему дорогой, которая уже никогда не приведёт в отправную точку пути.

Мишка давно установил для себя некоторые критерии, по которым ориентировался в выборе настоящего друга. В первую очередь это был человек, с которым у него имелись общие точки соприкосновения: схожие интересы, увлечения, взгляды на жизнь, одинаковые принципы и мораль. Среди тех, с кем ему довелось прослужить полгода, таковых не нашлось.

Во всём взводе у Мишки не было даже земляков. Так уж случилось, но представителем огромной территории Урала во всей роте он оказался один. Основная масса курсантов – украинцы и жители прилегающих территорий: Ростова, Белгорода, Краснодара. Многие были из одного города или района, знали друг друга ещё до призыва и всегда держались вместе. Между собой украинцы изъяснялись на том наречии, к которому привыкли дома. Их речь состояла из гремячей смеси русских и украинских слов с характерным произношением буквы «г». Мишка среди них был чужим, уже через

неделю эти бесцеремонные «парубки» стали его раздражать. Кацапова просто коробило, когда он видел, как «хлопцы» на камбузе набивали карманы брюк кусками хлеба, а потом перед отбоем с чавканьем поедали их с салом, невесть откуда появляющимся у них в кубрике.

К этому времени Мишка сумел подружиться с тремя кавказцами, кровати которых были в одном кубрике с ним. Они были разных национальностей: грузин, армянин и азербайджанец, но, к удивлению, общались друг с другом очень дружелюбно. Эти парни призывались из глухих горных селений и недостаточно хорошо владели русским языком, отчего учеба давалась им с великим трудом. Всякий раз глядя на то, как те бессмысленно смотрят на сложные электрические схемы, Мишка задавался вопросом: кому из военных начальников пришло в голову направить малограмотных ребят в школу связи? Мишке жаль было этих скромных ребят, и он ненавязчиво стал помогать им в изучении схем и инструкций. В начале горбоносые парни отнеслись к нему насторожённо, но уже через несколько дней оценили его бескорыстную помощь и приняли в свою дружную компанию.

Больше двух месяцев они вчетвером проводили свободное время, которого было совсем немного.

У представителей Кавказа всегда имелись карманные деньги, они часто посещали чайную на территории части, почти силой затаскивая туда с собой и Кацапова.

Мишка чувствовал себя неловко, поскольку не привык в

своей жизни получать какие-либо блага за чужой счёт и поэтому противился каждый раз, вызывая недовольство гостеприимных горцев.

– Слушай, Мишико, – рассердился однажды азербайджанец Октай-ага-Гусейн-оглы, в очередной раз пытаюсь затащить Кацапова в чайную. – Кончай, ну?

– Что это значит? – рассмеялся Мишка.

– То и значит: кончай, ну? Ты – помощь, мы – помощь, да? Не обижай, друг. Ты хочишь, чтобы я перестал подавать тебе руку, да? Ты этого хочишь, ну?

– Конечно, нет.

– Тогда заходи, дарагой, будем пить чай. Это кавказский обычай, от которого не принято отказываться.

Они зашли в чайную, набрали сладостей, взяли по два стакана чаю и устроились за столиком в углу небольшого зала. В этот день угощал грузин.

– Э-э, разве так угощают у нас в Грузии? – с сожалением проговорил Зураб. – Вот закончится служба, Мишико, приглашу я тебя к себе. Накрою такой стол, чтобы всё на нём было: и шашлык, и вино, и фрукты. Ты знаешь, какое у нас вино делают? Э-э... Нет, ты даже не представляешь. Приедешь, попробуешь и узнаешь. Потом будешь пить только грузинское вино, да.

– Ара! Что ты такое говоришь, а? – не выдержал Мартиросян. – Разве можно сравнить ваше вино с нашим «Арени»? А коньяк «Арагат»? Это тебе не грузинская чача!

И тут произошло то, чего Кацапов не ожидал. В спор немедля включился Октай Гусейнов, из его уст посыпались названия азербайджанских вин и кушаний, о которых Мишка никогда не слышал. Представитель Азербайджана говорил громко, цокая языком, распаяя этим Зураба и Мишико ещё больше. Так как запас русских слов был ограниченным, а чувства гордости за свою родину переполняли душу каждого из них, все они незаметно для себя принялись добавлять слова на родном языке. Понимали ли они при этом друг друга, гортанно вскрикивая на родном наречии, – Мишка не знал, но для себя сделал вывод: надо срочно успокоить разгорячившихся горцев. Ему показалось: ещё мгновение и эмоциональные парни выхватят спрятанные под робой кинжалы и начнут резать друг друга.

Продавщица чайной испуганно смотрела в их сторону. Мишка взял пустой стакан и что есть силы стукнул доньшком по столу:

– Кончайте вазьгать, петухи кавказские!

Парни замерли на полуслове с открытыми ртами, не понимая, что потребовал от них Кацапов.

– На губу захотели, едришки-шишки? – прошипел он со злостью. – Быстро встаём и уносим ноги, пока дежурный наряд не нагрязнул.

Про наряд кавказцы поняли мгновенно. Зураб ухватил одной рукой пакет с конфетами, другой вцепился в пачку с печеньем и первым выскочил из чайной. За ним без промедле-

ния двинулись Мишико и Октай. Мишка вышел последним, извинившись перед продавщицей.

До ротного помещения друзья дошагали молча, и только в кубрике, остывшие горцы стали допытываться, что он им прокричал в чайной.

– Чтобы не кудахтали и не трясли попусту губой, – пояснил им тогда Мишка язвительно. – Одним словом – не моросили. У меня от вас башка затряслась.

Кавказцы переглянулись между собой, ещё сильнее запутавшись в значении слова, однако переспрашивать больше не стали.

Вспомнив про этот курьёзный случай, Мишка грустно улыбнулся

Идиллия просуществовала недолго. Из-за неспособности к обучению друзей Мишки в феврале отстранили от занятий и в скором времени отправили служить куда-то во вспомогательные подразделения флота.

Мишка опять остался один, хотя к нему в кубрик сразу перевели трёх курсантов, койки которых были неподалёку от входных дверей и кому-то помешали. Эти три курсанта переместились к Кацапову, а их койки разобрали и унесли на склад. Парни были из Ужгорода и Мишку ничуть не интересовали. Они не соответствовали его критериям дружбы. Он ещё больше замкнулся, попал в немилость к Тарасенко и стал получать многочисленные наряды, пока не сжёт ботинки.

Потом, после разговора с Ольшанским, служить стало полегче. Мишка попытался сблизиться с Колей Мокроусовым, на котором продолжал срывать своё зло Тарасенко. Но опоздал. Коля по всей видимости окончательно впал в отчаяние и решился на безумный шаг.

На занятиях по набору кодов на блоках шифратора и дешифратора, Коля спрятал листочек с секретным кодом в карман. Во время перекура вынес на улицу и незаметно сжёг.

Чтобы не сдавать секретные документы в секретную часть перед каждым перерывом, инструктор Тарасенко нашел выход из положения. Перед тем, как открыть комнату и выпустить курсантов на перекур, он шёл по рядам и спешно собирал листочки с кодами, лежащими на краю письменного стола, складывал стопочкой и убирал в свою папку. Затем папку опечатывал и забирал с собой.

Коля подметил, что Тарасенко никогда не пересчитывает количество листочков, которых выдавалось на взвод около десятка. Коды по несколько раз переходили из рук в руки и определить, на каком этапе листочек мог исчезнуть, было невозможно. На блокнотике, из которого инструктор вырывал листочки, стоял гриф «Совершенно секретно». Шифр был реальным, действовал на всех флотах, им пользовались связисты кораблей и лодок. Курсанты в обстановке реального времени отрабатывали вхождение в связь в закрытом режиме. После истечения суток листочек сжигался в тигле, о чём составлялся акт с подписями двух присутствующих лиц.

Мокроусов знал всю процедуру обращения с шифрами и решил воспользоваться удобным случаем, чтобы отомстить инструктору за все причинённые обиды.

Никто из курсантов, получая маленький листочек бумаги, не расписывался за него, за сохранность секретных документов отвечал лично Тарасенко перед секретной частью.

Пропажа обнаружилась после занятий. Как всегда, Тарасенко собрал листочки с суточными кодами, открыл дверь комнаты, выпустил курсантов, приказав построиться внизу и ждать его, пока он сдаёт документы в секретной части.

Время шло, а Тарасенко не появлялся. Курсанты слонялись у здания, гадая, что могло произойти со старшиной. Без сопровождения инструктора передвижение по территории части было запрещено.

Наконец, в дверях появился Тарасенко в сопровождении незнакомого офицера.

– Взвод, строиться! – гаркнул Тарасенко. На нём не было лица, он был чем-то разгневан.

Когда курсанты построились и замерли по стойке «смирно», незнакомый офицер в звании капитан-лейтенанта заговорил:

– Товарищи курсанты! В вашем взводе произошло «ЧП». Сегодня на занятиях кто-то из вас похитил шифр для набора кода на шифраторе аппаратуры ЗАС. Всем вам известно, что шифр действующий, поэтому поступок является преступлением перед родиной и квалифицируется как раскрытие го-

сударственной тайны.

Капитан сделал паузу, о чём-то размышляя. Потом прошёлся вдоль строя, пристально вглядываясь в лица курсантов. Вернувшись к середине строя, он остановился и вновь заговорил:

– Предлагаю тому, кто это сделал, передать шифр старшине второй статьи Тарасенко немедленно. С своей стороны гарантирую не передавать дело в Особый отдел. Этот курсант понесёт только дисциплинарное взыскание в пределах прав инструктора взвода.

Капитан-лейтенант вскинул руку, посмотрел на часы, добавил:

– Даю одну минуту. После этого времени курсант будет считаться уже преступником, его дело будет рассматриваться в военном трибунале. Всё. Время пошло.

Мишка сразу догадался, кто похитил маленький листочек с кодовыми знаками.

Коля Мокроусов стоял в первой шеренге, и Мишка видел лишь его затылок и спину. В первые секунды ему даже показалось, будто спина похитителя дрогнула, и тот вот-вот делает шаг навстречу инструктору.

Строй замер, курсанты устремили свои взгляды в асфальт и боялись шевельнуться.

Прошла минута, никто из них не вышел из строя.

– Всё, время истекло, – громко произнёс капитан-лейтенант. – Командуйте, старшина.

Тарасенко с бледным лицом и подрагивающими руками, выдавил из себя:

– Вывернуть карманы, головные уборы предъявить к досмотру.

Предварительный досмотр не дал результатов. Потом старшина заставил всех тут же раздеться до трусов. И эта процедура была напрасной. Листочек не обнаружился. Взвод завели обратно в учебный класс и закрыли на замок.

Вскоре прибыл представитель особого отдела и начал вызывать курсантов по одному в соседнюю комнату.

Дознание велось два дня. Некоторых курсантом приглашали к дознавателю по нескольку раз. Поиски пропажи велись повсюду.

Кто-то предположил, что шифр мог быть выброшен в наружный галльон рядом с учебным корпусом. Тут же пригнали штрафников с гауптвахты и заставили ковыряться в отходах.

Колю Мокроусова арестовали в конце третьего дня. Утром в часть приехал какой-то психолог в гражданской одежде, ознакомился с материалами опроса курсантов и вычислил похитителя.

Всю ночь у кровати Мокроусова стоял конвой. Утром его увезли в неизвестном направлении.

Мишка за два дня ни разу не подошёл к Мокроусову и старался не попадаться ему на глаза. Он почему-то был уверен, что если преступление раскроют, то Николай, конечно же, подумает о нём, как о доносчике. Мишка был единствен-

ным человеком, которому Мокроусов однажды признался, как сильно ненавидит инструктора.

Это произошло во внеочередном наряде. Они в тот день несли ночное дежурство по охране периметра школы. Двигались в разных направлениях и встречались на пирсе. Было очень холодно, на какое-то время они укрылись от ветра за стопой перевёрнутых вверх днищами шляпок. Тогда и состоялся этот разговор об издевательствах Тарасенко.

Мишка понимал, что Мокроусов совершил преступление, что это очень мерзкий поступок, недостойный военного моряка. О сохранении военной тайны и исключительной преданности Родине им твердили почти на каждом политзанятии. Поступок Николая постоянно крутился у Мишки в голове, он оценивал происшествие с разных сторон, но даже в мыслях ни разу не рассматривал возможность высказать вслух свои соображения кому-нибудь из курсантов. Он умел молчать и в душе очень надеялся, что преступление не смогут раскрыть.

«Не передал же Коля шифры какому-нибудь шпиону? – размышлял он. – Скорее всего сжевал и проглотил, а значит, и доказательств его вины не отыщется. Только бы сам он ненароком не выдал себя».

От такой мысли ему становилось легче на душе, он как бы оправдывал поступок Мокроусова и своё молчание.

Когда Мокроусова уводили, Мишка подошёл к нему ближе и тихо произнёс:

– Ты держись, Коля, не отчаивайся. Не думай обо мне ничего плохого.

В глазах Николая он не увидел презрения. Они даже на секунду вспыхнули благодарностью и тут же потухли. Увидев взгляд обречённого человека, у Мишки сжалось сердце от жалости...

Сейчас все эти события остались в прошлом. Матрос Кацапов ехал к новому месту службы и был полон уверенности в том, что на подводной лодке не найдётся такой гниды, как старшина второй статьи Тарасенко. По крайней мере, он на это очень рассчитывал. А пока в его сопроводительных документах значились тринадцать неотработанных внеочередных нарядов. Но это уже ничуть не омрачало его жизнь.

Тяжёлый «Урал» двигался по заснеженной и раскисшей дороге с небольшой скоростью, но судя по времени, половину пути до Североморска они уже проехали.

«Должно же когда-то и мне повезти в жизни, – подумал Мишка, глядя на уплывающие вдаль сопки. – Не всю же жизнь должна быть только непруха и невезуха».

Ему вспомнился последний разговор с отцом. Это было накануне отправки на службу.

В тот день отец неожиданно предложил:

– Давай, Мишка, притулимся в летней кухне. Мать там сегодня протопила. Посидим вдвоём, потолкуем. Должен же я родительский наказ проговорить перед твоим отъездом, верно? Завтра соберутся твои друзья, и тебе будет не до меня.

Сейчас нам с тобой никто не помешает.

– Пошли, притулимся, – Мишка неопределённо пожал плечами. – Отчего не поговорить?

Они ушли в летнюю кухню. Несколько лет назад, когда родители ликвидировали в доме всю живность, отец на месте конюшни возвёл небольшое помещение из брёвен. Летом это помещение занимала мать, называя его летней кухней, а в зимнее время туда вселялся отец. Там он всегда что-нибудь мастерил: плёл корзины, чинил обувь, строгал, пилил, лудил, паял.

Отец прихватил с собой бутылку «Портвейна» и два гра-нёных стакана, Мишке было приказано взять нехитрую закуску.

– За удачную службу, сынок, – произнёс отец, чокаясь с Мишкой стаканом, наполненным на четверть. – И чтобы не было войны. Это главное.

Они выпили, выдохнули, закусили.

– Я вот что хотел сказать тебе, Мишка, – вытирая вино на усах заскорузлым указательным пальцем, продолжил он. – Ты парень горячий, гордый и драчливый, точь-в-точь, как я в молодости. Поэтому хочу дать тебе несколько советов, чтобы ты не наломал дров в поиске справедливости. Не хочу, чтобы ты по глупости порушил себе жизнь и испортил её близким людям, как сделал когда-то твой дед Марк. Он тоже хотел справедливости, но вместо правды получил десять лет лагерей. Вот к чему может привести непокорность. Нельзя

повторять ошибок, если их можно избежать.

– Продолжай, батя, – широко улыбнулся Мишка. – Поучи жизни несмышлёного сына. Я обязательно прислушаюсь к твоим советам, если посчитаю их полезными.

– А ты не смейся, – недовольно пробасил отец. – Мотай на молодой ус, советы могут пригодиться.

– Ладно, не буду.

– Тогда послушай родовую притчу.

– Валяй, послушаю, – усмехнулся Мишка.

– Мой дед – твой прадед, значит, был неграмотным человеком, но мудрейшим мужиком. На каждый вопрос у него был обстоятельный ответ. Так вот, однажды я, тогда ещё несмышлёный пацан, спросил его, что такое жизнь? Помню, он задумался, а потом доступно объяснил, сравнив жизнь человеческую с ездой в телеге. А что? Очень даже правильное сравнение. Катится себе телега и катится по дороге. Крестьянин сидит в ней, поглядывает на яркое солнышко, песенки распевает, размышляет о выручке, которую получит на ярмарке и как потом ею распорядится. Едет беспечно и совсем не задумывается, что может не доехать до конечной точки маршрута. Почему, как ты думаешь?

– Разбойники нападут по дороге и отберут коня, – высказал своё предположение Мишка.

– Не угадал, – улыбнулся отец. – Виной всему может стать обыкновенное колесо, которое крестьянин не проверил перед выездом. Колесо – это судьба человека. В любой момент

оно может отвалиться, телега опрокинется и весь товар мужика улетит в придорожную канаву. И выручке-то, тю-тю! Разобьются все крынки и горшки, вытечет молоко и сметана, вывалятся в грязи остальные товары. Жизнь крестьянина, конечно, не остановится после такой аварии. Поставит он колесо на место, воткнёт новый шплинт взамен изношенного и отправится обратно восвояси. А вот ту радость и счастье, которые ожидали его впереди, ему уже не вернуть. Каково будет мужику глядеть в глаза родственникам, когда он вернётся с пустыми руками? Разбитые горшки уже не склеить, битые яйца не собрать, молоко в землю утекло. Баба и ребятишки остались без денег и подарков. Жизнь вроде как продолжается, а вот назвать её счастливой после случившегося – язык не повернётся. Осадок-то из души уже не выскрести. И всё из-за глупого недосмотра.

– К чему такое длинное и примитивное сравнение? – усмехнулся Мишка.

– К тому, сын мой, чтобы ты знал: твоя телега, на которой тебе предстоит ехать дальше, должна быть постоянно под твоим пристальным вниманием, чтобы не опрокинуться в одночасье. Ты должен стать бдительным и придерживаться трёх принципов.

Отец замолчал, упёрся ладонями в колени, и уставился в потемневшее окно, будто забыл названия этих принципов и усиленно пытался их вспомнить.

– Каких принципов? – не выдержав паузы, спросил Миш-

ка.

– Очень простых: не верь, не бойся, не проси. Народ в армию собирается со всех уголков страны, по сути, как и осужденные стекаются в лагеря отовсюду. Люди разношёрстные, у каждого в голове свои тараканы. Каждому второму из этой массы хочется заполучить кусок послаще, работу полегче, а постель помягче. Поди, распознай сразу, кто чего стоит. Кто держит камень за пазухой, а кто готов снять с себя последнюю рубаху и отдать ближнему. Одним взглядом тут не оценить, у кого душа добрая, у кого с гнильцой, а у кого она отсутствует совсем.

– Ты, батя, не волнуйся. Разберусь я как-нибудь в людях. Жизнь уже кое-чему научила меня.

– Маловато пока она тебя повалаляла, сынок. Пока ещё ты едешь на своей телеге по ровной дороге, без колдобин.

– Далась тебе эта дурацкая телега! – поморщился Мишка.

– Твоя школа ещё вся впереди, – продолжил отец, словно и не расслышал слова сына и не усмотрел гримасы недовольства на его лице. – Тебе предстоит познавать мир не только широко открытыми глазами, но и видеть весь этот мир через закрытые веки, чувствовать каждое его дыхание. И ещё я тебе советую: не распахивай свою душу нараспашку перед каждым встречным и никогда не проси его о каком-нибудь одолжении. В этой жизни даром ничто не даётся, за всё приходится оплачивать сполна, рано или поздно. Будь то спичка для костра или маленький сухарик для утоления голода.

Помни об этом всегда.

Закончив свой монолог-наставление, отец поднял стакан с вином, для чего-то прищурился и выпил залпом до конца. Потом сунул в рот солёный огурец, громко хрустнул.

– Не распахивать душу – это как? – спросил Мишка, потянувшись за куском мяса.

– Держать личную жизнь в тайне от всех, чтобы ни один любопытный нос не проник в твоё нутро. Понял? Ни слова лишнего сверх того, что записано в твоём личном деле. На твоих родителях, как ты знаешь, власть не проставила знака качества, не удостоились мы такой щедрости от неё. Зато она проштамповала нас другой печатью.

– Ах, вот ты о чём! – криво усмехнулся Мишка. – Беспокоишься, что я могу нечаянно сболтнуть, что являюсь потомком врагов народа, а мой отец, вместо битвы с фашистами, с 41-го по 45-й годы провёл в колонии строгого режима?

– Да, именно это я и имел в виду! – выпалил отец, почувствовав нехорошую иронию в голосе сына.

– Батя, ты не парься. Мне кажется, сейчас уже никому нет дела, кто чьим потомком является. Ушли в далёкое прошлое те времена, когда люди подслушивали, подглядывали, а затем доносили друг на друга в правоохранительные органы. Культ личности Сталина разоблачён, Берия расстрелян, соблюдается свобода слова и вероисповедания.

– Это только так кажется, сынок. В школе, где тебя учили, другого суждения и не могло быть. В действительности

всё обстоит иначе. Пакостные люди были, есть и останутся, пока существует сам человек. Они присутствуют везде: на заводах, в колхозах, в армии и во власти. Среди нас всегда найдутся люди, которые завидуют чужим успехам и счастью, злятся на чьё-то добро. Для них не существует границ для достижения корыстных целей.

Мишка хотел поспорить с отцом и высказать ему, что все его утверждения – это отпечаток суровой лагерной жизни, где человек человеку волк, и там действительно лучший закон для выживания – не верь, не бойся, не проси. Что жизнь не стоит на месте, всё в ней меняется: и законы, и правила поведения, и взгляды. Однако, взглянув в глаза отца, вдруг понял: перед ним человек преклонных лет, разница их возрастов составляет сорок три года. Это, можно сказать, целая эпоха и вступать в полемику с ним – тухлое дело. Главное, в этом нелёгком споре с упёртым отцом можно и поссориться ненароком. Такого финала допускать было нельзя.

В тот вечер они просидели допоздна. Встревоженная долгим отсутствием мать заглянула к ним, но отец тут же отправил её обратно в дом, сказав, что она здесь лишняя, поскольку он дает наказания сыну, а это совсем не женский удел соваться в мужские дела. Мать внимательно посмотрела на хмельного отца, покачала укоризненно головой, и, не сказав ни слова в ответ, ушла.

Всё это сейчас вспомнилось Мишке. Тогда он скептически воспринял советы отца. Ему показалось, что подвыпив-

ший родитель наговорил ему много лишнего и ненужного. Захмелев, отец сыпал многочисленными примерами из лагерной жизни, из его уст выливались неизвестные пословицы и поговорки, которые, вероятнее всего, вышли из жизни уголовного мира.

И в тот же вечер Мишка впервые услышал неизвестные подробности о жизни матери и деда Марка. Ранее эта тема была под запретом, на неё все эти годы было наложено негласное табу. Большим открытием для Мишки стало известие о том, что дед Марк в первую мировую войну за храбрость в боях с австрийцами был награждён георгиевским крестом, и мог быть произведён в чин офицера царской армии. Генерал Брусиллов, якобы, лично дал ему рекомендацию для обучения в школе прапорщиков. И отец оказался храбрым воякой, о чём Мишка даже не подозревал. За бои в Монголии его представили к награждению орденом Красной Звезды. И батя получил бы свою Звезду, если бы нелепый случай с японским смертником. Ещё большее удивление вызвал тот факт, что отец, оказывается, встречался с осуждённым дедом Марком, будучи у него мастером на строительстве железной дороги в Монголию. Это была не мимолётная встреча, а длительный период. Отец рассказал, как жил и работал в заключении дед. И вообще, Мишка узнал столько невероятных эпизодов из семейной жизни, от которых голова шла кругом.

– Почему ты рассказал это мне именно сейчас? – спросил

в конце разговора Мишка.

– Вчера было ещё рано, а через три года может быть уже поздно, – замысловато ответил отец, не удосуживаясь разъяснить подробнее.

Полгода спустя прежний скептицизм у Мишки исчез. Неся многочисленные наряды в полном одиночестве, у него было предостаточно времени, чтобы обмозговать каждое выражение и даже каждое слово отца.

Сейчас, вспоминая в очередной раз отцовские наставления, Мишка окончательно утвердился в том, насколько они просты и правдивы, как пригодились в первые месяцы службы, и, безусловно, пригодятся ещё не раз. У Мишки не было никакого сомнения на этот счёт. Но главная ценность советов отца – они взяты из реальной жизни, из его собственного опыта, приобретённого в жестокой борьбе за выживание.

«При чём здесь разность возраста и времён? – подумал Мишка. – Чушь собачья. Отношение к негодьям одинаковое у любого здравомыслящего человека, независимо от возраста и национальности. Хорошо, что понял это сейчас, а тогда хватило ума промолчать. А ведь хотел было использовать эту нелепую мысль, как аргумент в споре с отцом, на кончике языка она уже висела. Как же, самолюбие из юнца попёрло наружу, уверен был, что «жизнь уже кое-чему научила меня». Максималист хренов! Если бы ввязался в тот спор, страдал бы три года без писем от отца из-за собственной дурачности и амбиций, совесть бы загрызла. Не простил бы он мне

оскорбительных слов. Только сейчас и начала жизнь валять меня по-настоящему. Как прав был отец! А какими словами выражался! Откуда только они у него брались? Словно по книге шпарил! Мудрёные и красивые высказывания, будто он философское образование получил где-то, а не пробежался по четырём классам церковно-приходской школы.

В голове у Мишки опять завертелись выражения отца, которые врезались в память: ...разноцветная жизнь... жизнь без права на счастье... стон души... очутиться на отмели жизни... непокорность по наследству... жизнь порой бывает страшнее смерти... смерть приходит к человеку по востребованию... НКВД обладает способностью сеять хаос в людских душах... человек с вулканом в сердце сам рубит просеку счастья... ад первой степени... жить надо, Мишка, чтоб душа трепетала от счастья...

«Да, чтоб душа трепетала от счастья, – подумал Мишка. – Только когда же она у меня затрепещет? Пока эта невидимая сущность лишь болит и страдает. Да и затрепещет ли вообще? Судя по всему, я приобрёл мятежную душу по наследству, которой не суждено получить право на это самое счастье.

Философские размышления Мишки прервались из-за остановки машины. Впереди послышались голоса, потом к открытому заднему борту подошёл матрос в шинели и шапке, на плече висел автомат. Он заглянул в кузов, пересчитал людей, отошёл в сторону и крикнул кому-то впереди:

– Открывай!

«Урал» фыркнул, выпустив клубок дыма и медленно въехал в ворота воинской части с двумя большими якорями на створках. Бывшие курсанты прибыли во флотский распределитель Северного флота.

– С прибытием на Северный флот, братва! – раздался чей-то восторженный голос в углу.

– Чему радуешься, дурачина? – отозвался какой-то матрос с противоположной стороны.

Ответа не поступило.

Через пару минут грузовик остановился, водитель заглушил мотор. Послышался звонкий голос лейтенанта:

– Выходи из машины! Построиться у правого борта!

Глава 8

Надя Аристархова смотрела на меркнувшее небо и думала, как ей следует сегодня поступить. Она пришла на место свидания за полчаса до назначенного времени, чтобы собраться с мыслями. Это было первое её свидание с Володькой Дубцовым, и первое в жизни.

Год назад Надя простилась со школой. Был шумный выпускной бал. После торжественной части началось гуляние. Вначале был концерт, потом начались танцы, а спустя пару часов молодежь уже горланила песни, в неосвещённых учебных классах то в одном, то в другом раздавался восторженный писк девчонок и громкий басовитый смех ребят. Одним словом, выпускники веселились, как могли.

Парни в тайне от учителей и родителей принесли на вечер вина и периодически выходили из здания «подышать воздухом», чтобы извлечь из укромного места одну из бутылок и пустить её по кругу, отпивая содержимое из горлышка.

В отличие от подружек Надю в тот вечер охватила необъяснимая грусть. Она не могла понять, что с ней происходит, отчего вдруг накатила мутная тоска и всячески пыталась себя развеселить, даже отпила несколько глотков вина, предложенного Толькой Горбачёвым. Парень был заводилой в классе и на выпускном вечере взял на себя бремя «распорядителя тайного пира». Так он представил себя на задворках шко-

лы, когда извлёк из кустов припрятанное заранее вино.

Вино действительно немного расслабило её, но та весёлость, которая плескалась на лицах других девчонок, к ней так и не пришла.

Бал закончился только под утро, остатки хмельной и шумной компании, словно потревоженный пчелиный рой, шумно гудя и распевая песни, двинулись к реке продолжить веселье. Никому не хотелось расходиться. Кроме неё.

Когда компания подошла к перекрёстку улицы, на которой Надя жила, она решила отстать от группы и незаметно свернуть за первый дом.

Такой номер не прошёл. Её намерение заметил всевидящий Горбачёв.

– Надюха, ты куда? – спросил он громко.

– Домой пойду, устала я, – сказала Надя.

– Не смей! – приказал Горбачёв. – Подойди к нам!

– Ну чего ещё тебе?

– Как ты можешь уйти, не попрощавшись? Мы, можно сказать, последние минуты все вместе! Когда ещё сможем встретиться вот так беззаботно и весело, а? Не стыдно тебе?

Надя нехотя подошла, остановилась в нескольких шагах от компании. Только приказал Олегу Волину:

– Налей-ка на посошок нашей незабвенной Надежде ибн Аркадьевне.

Олег плеснул немного вина в откуда-то появившийся гра-
нёный стакан и виноватым голосом произнёс:

– Выпей, Надюша, пожалуйста, только не противься... это же на посошок...

Олег смотрел на неё таким умоляющим взглядом, что Надя не смогла отказаться. Взяла стакан и выпила вино.

– Вот, это по-нашему, – довольно произнёс Толька. – А сейчас, Олежка, отдай мне бутылку и стакан, а сам проводи одноклассницу до калитки. Я должен быть уверен, что её никто не обидит. Толька Горбачёв слово давал нашему классному руководителю, что выпускной вечер пройдёт без эксцессов. Пацан сказал – пацан сдержит слово. А ну, друзья, что мы скажем нашей Наденьке на прощание?

– До-сви-да-ния! – нестройным хором ответила компания и двинулась дальше.

Олег попытался взять Надю за руку, но она решительно отдернула её, тихо сказала:

– Не надо, Олежка. И вообще, беги давай, догоняй компанию, я сама дойду. Тут два шага до дома.

Олег вновь посмотрел на неё тем же просящим взглядом, что и минутой раньше, и Надя опять сжалилась на парнем:

– Ну, хорошо, проводи. Только не рассчитывай на то, что я буду точить лясы с тобой.

Её подруга Таня Пчёлина недавно сообщила по секрету, что Олежка уже давно сохнет по ней, Наде, но не знает, как подступиться. Таня поклялась, что нечаянно подслушала разговор Волина с Горбачёвым.

Олег был слабым и бесхарактерным парнем, его-то и

присмотрел Толька себе в прислужники, сделав из него настоящего раба.

«Теперь понятно, почему Горбачёв выделил в провожатые именно Олега», – подумала Надя. – Захотел сделать подарок робкому страдальцу».

Олег Волин ей не нравился. Ни капельки. И Горбачёв тоже. И никто из парней-одноклассников ей не нравился.

Они дошагали до дома Нади и остановились у калитки.

– Спасибо, что проводил, – сказала Надя бесстрастным голосом. – А теперь возвращайся и доложи Горбачу, что, благодаря тебе, меня никто не посмел тронуть. Пока, ухажёр.

– Может, присядем? – робко поинтересовался Олег, указав кивком головы на скамейку у забора.

– Для чего?

– Ну... так, поговорим...

– О чём нам с тобой говорить, Олеженька? – рассмеялась

Надя впервые за весь вечер.

Олег шумно запыхтел, потом неожиданно заявил:

– Ты мне нравишься... давно.

– А ты мне – нет, – без промедления выстрелила в ответ

Надя.

Олег сделал последний шаг, который их разделял, мгновенно притянул девушку к себе, впился в её губы своими. Губы Олега были холодными и почему-то горькими.

– Я не могу без тебя жить... – проговорил он, оторвавшись на миг от её губ, и снова принялся целовать с неудержимой

жадностью.

– Прекрати немедленно! – со злостью выкрикнула Надя, пытаясь вырваться из объятий Волина. – Слышь, ты, приду-рок!

Хватка парня на секунду ослабла, Надя тут же воспользовалась этой секундой и отпрянула к калитке.

– Совсем опупел? – пяясь спиной к калитке, возмутилась она. – Уходи сейчас же. Ничего не может быть между нами, понятно тебе? Я же ясно выразилась: ты мне не нра-вишь-ся!

– Почему? – прохрипел Олег, тяжело дыша.

– По кочану! Потому что ты ни тпру, ни ну, ни кукареку, и ... ни капельки не похож на Мишку, – неожиданно для себя самой брякнула Надя и весело рассмеялась.

Глаза у Волина удивлённо округлились, он замер на месте.

– Что за кукареку, какой Мишка? – с недоумением протянул ухажёр.

– Тебе не понять этого, Олежа, – устало проговорила Надя. – Всё, чапай отсюда. Спектакль окончен.

Она открыла калитку и вошла во двор. Олег с опущенной головой поплёлся обратно. Больше никогда их пути не пересекались.

«Неужели сегодня может произойти то же самое, что произошло в тот вечер? – подумалось Наде и она поёжилась от воспоминания о горьком поцелуе Волина. – Такие же холодные и горькие губы? Такое же нелепое признание в любви со страстным лобызанием? Или сегодня все будет иначе? Сви-

дание пройдёт так, как о нём пишут классики? Пешая прогулка и непринуждённая болтовня? А почему бы и нет? Володя Дубцов – не нахал, он внимательный, обходительный, угодливый, ненавязчивый и стеснительный. Пусть он обыкновенный шофёр «скорой помощи», и что? Разве профессия парня имеет какое-то значение в выстраивании близких отношений с девушкой? Главное, чтобы он любил свою избранницу и не позволял омерзительных поступков по отношению к ней.

Надя опять взглянула на закат. Яркая позолота по краям облаков, медленно ползущих у горизонта, темнела на глазах. День быстро угасал, уступая вечеру. Ветер стих, и две маленькие тучки с затейливыми узорами по краям, казалось, остановились на ночёвку, чтобы с рассветом продолжить свой путь.

За скалистым косогором река уходила под прямым углом вправо, там почти на километр простиралось болото. Над ним уже начинал куриться туман молочного цвета, а водная гладь воды на изгибе реки окрасилась в серебряно-чёрный цвет.

В том месте глубина реки достигала пяти метров, в образовавшемся омуте водился крупный лещ и полукилограммовый язь. Там любил ставить свою лодку Мишка Кацапов. Он бросал якорь, опускал на дно прикорм, разматывал рыболовные снасти и замирал в ожидании поклёвок. Надя часто исподтишка наблюдала за ним с берега, радовалась вме-

сте с ним, когда ему улыбалось рыбацкое счастье.

Однако Мишка упорно её не замечал. Сначала она была для него сопливым несмышлёнышем, и он регулярно подтрунивал над ней, ни под каким соусом не желая заводить дружбу. Потом, когда ей исполнилось пятнадцать лет и возраст позволял уже дружить с мальчишками, Мишка успел окончить школу и устроился работать на завод. У него появились друзья в городе, всё свободное время он проводил с ними.

Надя вообще перестала его видеть. Единственно, что она могла позволить себе, так это, проходя мимо дома Кацаповых, украдкой заглядывать в их окна. Она знала, что Мишка работает по сменам, и каждый раз, возвращаясь из школы, с замиранием сердца бросала взгляд на окна в надежде увидеть знакомое лицо. Мишку ей видеть удавалось редко, а вот его родителей чаще. Если в окне было лицо Мишки – Надя замедляла шаг, наивно полагая, что тот откроет форточку и окликнет её по какому-нибудь пустячному вопросу. И наоборот, ускоряла, когда встречалась со взглядом Кацапова-старшего. Она побаивалась его, потому что он казался ей хмурым и очень суровым.

Когда стало известно, что Мишку призывают в армию, у неё учащённо забилося сердце. Тревожно и радостно одновременно. Тревожно от того, что после отправки Мишки не сможет очень долго увидеть его, а радостно от мысли, что может быть приглашена на проводы.

Приглашение на проводы Надя не получила. Более того, Мишка даже не попрощался с ней, на что она так сильно надеялась.

Надя проплакала всю ночь. Её мать давно догадывалась, что дочь влюблена в Мишку Кацапова, снисходительно посмеивалась над ней, но разговор на тему любви не заводила. Думала, всё рассосётся само по себе. Все подростки проходят через детскую любовь, и её Надюшка не является исключением.

Когда дочь на утро после Мишкиных проводов появилась перед ней с зарёванными глазами, она спокойно спросила:

– Из-за Мишки? Переживаешь, что не пригласил?

Надя обречённо кивнула в ответ.

– Вот что, доченька я тебе скажу, – мать усадила дочь напротив себя, внимательно посмотрела ей в покрытое красными пятнами лицо.

– Напрасно ты страдаешь. Заставить парня полюбить себя – самый недостойный поступок в жизни девушки. Если Мишка не обратил на тебя внимания до сих пор, значит ты для него безразлична, значит, не любит он тебя. Иначе уже давно бы ужом вился у твоих ног, ромашками бы забросал твоё окно. И поверь мне, милая, не полюбит тебя никогда.

– А как мне теперь быть, мамочка? – всхлипнула Надя. – Я ничего не могу поделать с собой, я постоянно думаю о нём.

– Возьми себя в руки и постарайся выкинуть этого Мишку из своей головы. Он не твой парень. У тебя жизнь только

начинается, и ты ещё встретишь на пути прекрасного принца. Поверь мне, доченька, и сможешь полюбить его. И не зурядного токаря, как твой Мишка, а образованного молодого человека с большим будущим. Интеллигентного и богато-го. А вот чтобы это состоялось, нужно для начала успешно окончить школу и поступить в институт. А там счастье само найдёт тебя.

Зинаида Милентьевна говорила то, что действительно желала дочери. Она сама когда-то мечтала получить высшее образование и выйти замуж за состоятельного мужчину. Но житейская проза не позволила ей воплотить свои мечты в реальность. В результате ряда причин её мужем стал простой работяга, который трудился подручным прокатчика на металлургическом заводе, был доволен своей профессией и ничего большего не желал. Всё свободное время её муж Аркадий проводил в гараже, возился с мотоциклами, которых у него было аж три штуки, ходил в вечно замасленном комбинезоне и был счастлив. Ни о каких поездках в санаторий, посещениях театра и других культурных мероприятиях Зинаида Милентьевна даже не заикалась. Она прекрасно знала, чем закончится разговор с мужем на подобную тему.

Надя прислушалась к советам матери и с головой погрузилась в учёбу. Её внутренние страдания действительно при-тупились, ушли на второй план, но окончательно не вывет-рились. Она продолжала думать о Мишке, иногда он снился ей по ночам.

В медицинский институт она не поступила, устроилась санитаркой в городскую больницу, подала документы в медицинское училище и её сразу приняли. Ей удавалось совмещать учёбу и работу одновременно. В городской больнице она и встретила Володю Дубцова. Стройный кучерявый парень с зелёными глазами был скромным, трудолюбивым и безотказным во всём, о чём бы его не попросили. На него заглядывались не только санитарки и медсёстры, но и молодые женщины-врачи.

Однако молчаливый парень стал обращать свой взор в сторону новенькой санитарки. Надя очень часто чувствовала на себе его пристальные взгляды, которые он быстро отводил, стоило ей лишь повернуться к нему лицом. Она не строила глазки шофёру, не кокетничала с ним, как это делали другие женщины, ни разу не попыталась чем-либо привлечь его внимание к себе. И вообще не находила в нём чего-то особенного, что могло бы зажечь её сердце. Володя был для неё обычным сотрудником больницы, как и многие другие мужчины. Её сердце билось ровно и не переходило на учащённый ритм при встречах с ним.

Так продолжалось долго, пока однажды коллега по работе баба Дуся не завела с ней откровенный разговор. Пожилая санитарка была представительницей простого люда. Она схватила Надю за рукав, затащила в подсобку и выдохнула без предисловия:

– Ты, Надюха, чё лико-то своё воротишь от парня?

– О ком это вы, баба Дуся? – удивилась Надя.

– Будто и не знаешь, о ком, – недовольно проворчала пожилая санитарка, сбавив обороты.

– Даже не догадываюсь.

– Скажи мне ещё, что и не видишь, как он тебя глазами поедает, как сохнет по тебе, да краской во всё лицо заливаются?

– Ей богу не знаю, баб Дусь, – снова заверила о своём неведении Надя, хотя уже после второй фразы бабульки поняла, о ком идёт речь.

– О Володьке Дубцове я, о ком же ещё? – баба Дуся внимательно посмотрела на Надю, видно хотела окончательно убедиться, что её не обманывают, а она, сама того не ведая, сделала для молодой девки настоящее открытие.

– Володька Дубцов? Сохнет по мне? – сделав круглыми глаза, притворно удивилась Надя. – Никогда не замечала.

– Сохнет, истинный бог, сохнет. Мне внук мой сообщил, а ему признался сам Володька. Они с Илюшкой, то бишь внуком моим, с детства не разлей-вода. Вот я и решила перемолвиться с тобой. А то он из-за своей нерешительности ещё несколько лет будет попусту паяльничать на тебя. Досидится молчком до того дня, когда ты выскочишь замуж, потом и вовсе скукожится. А ещё, не приведи господи, пить начнёт с горя, пропащим мужиком станет.

– От меня-то вы что хотите, баба Дуся? – спросила Надя.

– Как чего? – поперхнулась пожилая санитарка, посчитав,

что избраннице Володьки должно быть и так всё понятно без дополнительных пояснений, сама должна догадаться, что от неё требуется. – Чтоб это... снюхались вы, как у нас в народе говорят.

– Снюхались? Ха-ха-ха! – громко рассмеялась Надя. – Как сука с кобелем! Ха-ха-ха!

Просмеявшись, сказала серьёзно:

– Баба Дуся, если он такой робкий, что не в состоянии даже признаться в своих чувствах девушке, зачем он мне такой? Чтобы я всё за него решала, где надо говорила и спорила, куда потребуется ходила и доказывала, добивалась того, что свойственно делать мужику? Нет, Баба Дуся, мне нужен мужчина смелый и решительный. Чтобы мог за себя постоять и женщину защитить, если потребуется.

– Дык, ты и вытребуй у него свои условия опосля того, когда вы сню... сойдётесь, – простодушно высказалась баба Дуся. – Он ведь добрый и послушный парень. Коль ты запала в его душу – в лепёшку разобьётся, чтоб ублажить тебя. В масле будешь кататься, как тот сыр. Не вороти лико-то от Володьки, счастье своё можешь потерять, девка.

Об этом забавном случае Надя, смеясь, рассказала матери.

Зинаида Мелентьевна, посмеявшись вместе с дочерью, будто бы невзначай спросила:

– А парень-то хоть видный?

– Ну, если в целом и в общем, то, можно сказать, не без-

образная личность. Всё при нём, как говорится. Высокого роста, кучерявый брюнет с зелёными глазами, нос с небольшой горбинкой, но не как у кавказцев – поменьше, на подбородке ямочка. Вот и всё, пожалуй, на остальное просто не обращала внимания.

Надя характеризовала внешность шофёра, а у самой в голове неожиданно всплыл улыбающийся Мишка Кацапов. Он будто бы в насмешку предстал перед ней для сравнения с Володькой.

– Ну, если этот Дубцов весь такой положительный, то нужно ли тебе шарахаться от него? – Зинаида Мелентьевна пристально уставилась в лицо дочери. – Возьми и подружись с ним, от тебя ведь не убудет, правда?

– Мама, о чём ты говоришь? Какая дружба, если он мне совсем не интересен? – попыталась отмахнуться Надя от совета матери.

– Я не предлагаю тебе выскочить замуж за него завтра. Просто дружи, гуляй, развлекайся, приглядывайся к нему. Не сидеть же тебе всё время в четырёх стенах. Так и в старых девах можно оказаться. Лучше синица в руке, чем журавль в небе.

– Как это прикажешь понимать? – теперь уже дочь сверлила взглядом Зинаиду Мелентьевну.

– А что тут непонятного? Наша жизнь устроена так, что всё в ней познаётся в сравнении. И само познание идёт от малых величин к большим.

– Значит, шофёр Дубцов – это синица, малая величина, так сказать, а кто в таком случае будет моим журавлём, большой величиной? – с сарказмом поинтересовалась дочь.

– Это всё будет зависеть от тебя, доченька. Может быть, синица тебя больше устроит, чем журавль. Как можно заявлять о том, что человек тебе неинтересен, если ты даже не пыталась с ним пообщаться? Вдруг этот Володя окажется способным молодым человеком, которого нужно лишь подтолкнуть к подножию вершин, а покорять их он будет самостоятельно. Бабка Дуся, кажется, заверила тебя, что из парня можно верёвки вить, – Зинаида Мелентьевна улыбнулась холодной улыбкой. – Вот и проверь его способности.

Она говорила просто и доступно для понимания. Надя слушала свою умудрённую жизнью мать и чувствовала, что не сможет ей возразить. Но и промолчать, тем более согласиться с ней бессловесно было не в её правилах.

– А почему ты не смогла подвести к подножию вершины нашего папу? Почему он всю жизнь подручным у кого-то? – с вызовом спросила она, пытаясь чуть-чуть уколоть мать, принизить состоятельность её доводов.

– Потому что твой папа не поддаётся дрессировке, – с сожалением сказала Зинаида Мелентьевна. – Правда, я слишком поздно поняла об этом.

Надя не сразу ринулась на сближение с Дубцовым. Это было бы очень легкомысленно с её стороны. Она выдержала паузу, и только после этого позволила себе заговорить с Во-

лодкой, подводя влюблённого парня на близкую дистанцию.

И вот сегодня у них должно состояться первое свидание.

Надя, как заворожённая, продолжала стоять на одном месте, устремив свой взгляд далеко вперёд и думала, думала...

– Надя! – услышала она голос за спиной и вздрогнула. Повернувшись, увидела в двух шагах от себя Володю Дубцова. Он стоял перед ней как бравый солдат с вытянутыми вдоль туловища руками. Ладони его рук были пусты.

«Мог бы по пути хоть какой-нибудь цветочек сорвать для приличия, – подумалось Наде. – Мишка на его месте всяко бы не оплошал». Она стояла и смотрела на парня, ожидая его дальнейших действий.

– Мне всю дорогу казалось, что ты не придёшь, – скороговоркой произнёс Дубцов первые слова вместо приветствия. – А ты пришла.

– Да, взяла вот и пришла. Разве ты не рад? – сказала Надя сухо, не ощущая в себе особой радости от встречи.

– Что ты!? Конечно рад! Ещё как рад! – Дубцов стоял, переминаясь с ноги на ногу. – Ты даже не сомневайся!

– Ну, и куда ты меня поведёшь?

– Куда пожелаешь – туда и пойдём. Хоть на край света.

– Тогда пошли, – Надя повернулась и зашагала вдоль берега к повороту реки. Там в низине росли три огромных ветлы. Когда-то она пряталась за их могучими стволами, скрытно наблюдая за лодкой, с которой рыбачил Мишка.

Володька не бросился к ней, не схватил за руку, как это

сделал Олег Волин на исходе выпускного вечера. Дубцов пошёл рядом на расстоянии вытянутой руки.

Так и шагали они молча весь путь, пока не дошли до деревьев-великанов. Надя остановилась, осторожно провела ладонью по шершавой коре старой ветлы, потом прислонилась спиной к стволу.

– Так и будем молчать? – спросила она с издевкой. – Неужели тебе нечего мне сказать?

– А ты спроси меня о чём тебе хочется – я и отвечу, – живо откликнулся Володька, обрадовавшись окончанию тягостного молчания.

«Он действительно телок, которого нужно водить на верёвочке», – отметила про себя Надя, ещё не сделав окончательного вывода: хорошо это или плохо.

– Тогда ответь мне, Володя, только честно: для чего ты пригласил меня на свидание?

Вопрос оказался неожиданным, Дубцов не сразу нашёлся, что ответить, и покраснел до ушей. Даже в надвигающихся сумерках было заметно, как налилось кровью его лицо. Наде стало немного неловко, и она поспешила парню на помощь.

– Наверно, хотел что-то сказать мне, не правда ли? Говори, нас здесь никто не слышит и не видит.

Володька шумно задышал и, вероятно, даже вспотел от напряжения.

– Ну, это самое... объяснить хотел, – выдавил он из себя через силу и снова умолк, потупив глаза.

– Так объясняйся, я слушаю.

– В общем, нравишься ты мне... давно уже. С первого дня, как появилась в больнице. Жизни мне нет без тебя... Ночами иногда не сплю... Вот.

Володька с облегчением выдохнул, будто переставил с одного места на другое очень тяжёлый груз. А последнее слово он произнёс так весомо и звучно, будто в руках у него был молоток, и он ударил им по гвоздю в последний раз.

«Почти слово в слово, как Олег Волин, – подумала Надя, вспомнив опять нахала-одноклассника. – Неужели у парней не находится других слов? Объясняются, как по шаблону. Интересно, а какие бы слова сейчас сказал Мишка Кацапов?»

При воспоминании о Мишке у неё в груди прошёлся холодок.

«Зачем я всё это делаю? Зачем подала надежду Володе? Зачем послушала мать? Зачем пришла сюда на свидание? Чего я жду от этой нелепой встречи? Почему я так легкомысленно и так быстро предаю свою любовь? Зачем? Ведь я ни разу не обмолвилась о своих чувствах к Мишке, не сделала даже намёка, что люблю его. Может, он тоже любит меня и ждал, что я откроюсь ему первой? Может, он смелый и решительный только в жизни и робкий в любви, как этот вот Володька Дубцов?»

Чем больше Надя задавала себе вопросов «зачем?» и «почему?», тем сильнее загоралось в её душе какое-то непонят-

ное чувство стыдливости от своего поступка.

Она внимательно посмотрела на своего ухажёра, пытаясь предугадать его реакцию на те слова, которые ему сейчас предстоит услышать от неё. Надя решила не водить за нос влюблённого парня и высказать всё открыто и честно.

– Вот что, Володя, – начала она откровенный разговор. – Считаю, что настал мой черёд рассказать тебе о своих чувствах.

Дубцов резко обернулся к Наде лицом, замер в насторожённом ожидании.

– В отличие от тебя, я не испытываю трепетного чувства. И на свидание я согласилась прийти для того, чтобы сказать об этом. Чтобы ты знал моё отношение к тебе и не рассчитывал на скорую взаимность.

Надя ненадолго задумалась, затем добавила:

– По крайней мере, на ближайшее время.

Пока они шли вдоль берега и молчали, к ней пришла неожиданная мысль: что, если написать Мишке письмо и изложить в нём все невысказанные слова, которые хранятся у неё в голове не первый год? Письмо обязательно дойдёт, его никто не сможет перехватить или прочитать. На бумаге можно написать признание более красиво и значимо, чем произнести его наедине, опасаясь быть непонятой.

Сейчас такая мысль показалась ей самой правильной. Мишка прочтает её письмо и обязательно ответит. И она будет уже точно знать, как ей следует поступить в будущем.

Тогда, если она решит связать свою судьбу с кем-то из парней, её уже нельзя будет назвать предательницей по отношению к Мишке.

Володя даже не догадывался, какие мысли ворочались сейчас в голове возлюбленной. Ему не дано было знать, что она рассматривает его, как запасной вариант. Не зная о её расчётливости, он подумал, что не всё у него потеряно, что Надя не собирается его бросать, а просто берёт время, чтобы разобраться со своими чувствами.

От радости и от избытка чувств, что его не отвергли, у парня на какой-то момент прорезался дар речи.

– Конечно, я понимаю, – начал он взволнованно. – Это всё так неожиданно для тебя. Любовь – это такая штука, когда нельзя принимать скоропалительных решений, нужно время, чтобы обязательно разобраться в себе. Я не тороплю тебя и готов ждать столько, сколько тебе необходимо. И даже если ты поймёшь, что не сможешь полюбить меня так же сильно, как я тебя – что ж... мне будет достаточно и того внимания, которое ты сможешь уделять мне.

Дубцов говорил путано, но недолго. Надя выслушала его сумбурную речь, и потом вдруг спросила:

– Скажи, а почему тебя в армию не взяли? Тебе ведь уже двадцать лет исполнилось?

Дубцов в очередной раз смутился, но ответил:

– Не прошёл медицинскую комиссию. Выдали белый билет.

«Значит, ты дефектный?» – чуть не вырвалось у неё, но она вовремя сдержала себя, чтобы не обидеть парня.

Словно прочитав её мысли, Володя пояснил:

– У меня признали плоскостопие. Я и шофёром стал по этой причине.

Красноречие парня пропало так же внезапно, как и появилось. Обратного они возвращались, не проронив ни слова. Провожать себя до калитки родного дома Надя не позволила. Её не хотелось, чтобы их вместе повстречал кто-нибудь из односельчан. Хуже всего будет, если этим человеком окажется Кацапов-старший.

Они расстались на берегу реки, даже не обменявшись рукопожатием. Надя быстрым шагом ушла вперёд, Володя, постояв некоторое время у кромки воды, направился к автобусной остановке. У него нестерпимо ныли ноги.

Поздним вечером этого же дня Надя написала длинное письмо Мишке. Заклеив конверт, она положила его в сумочку и улеглась спать.

Глава 9

Письмо Мишка не получил. Оно просто не нашло адресата. За два с половиной года службы по воле судьбы ему пришлось несколько раз менять свое местопребывание. Почтовый адрес оставался прежним, но из-за длительного отсутствия сослуживцы иногда пересылали его письма по новому месту службы. Когда весточки из родного края, наконец, появлялись на новом адресе, Мишки там иногда уже не было.

Теперь ему вновь предстояло встать на учёт в другой местности. На сей раз в военкомате родного города по случаю прибытия в краткосрочный отпуск.

События развивались неожиданно и так стремительно, что известить родителей о своём прибытии письмом уже не имело смысла, а отправлять телеграмму с дороги Мишка не стал. Он решил сделать родителям сюрприз.

На отпуск главный старшина Кацапов не рассчитывал и уже смирился с тем, что свидится с родными и близкими только после демобилизации. Но судьба – это извилистый ход человеческой жизни, не зависящий от его воли и желания. Иногда она действует благосклонно к человеку, но в большей степени испытывает его на прочность.

Испытание на прочность Мишка прошёл, и распорядитель судьбы неожиданно решил предоставить ему маленькую отдушину.

Поезд подходил к родному городу. Оставалось не более часа пути. За окном вагона бесконечной лентой тянулась хмурая уральская тайга. Стояла вторая половина июля, однако особой жары, присущей этому времени года, не чувствовалось.

«Урал, климат умеренно-континентальный, – отметил про себя Мишка, отыскивая в памяти школьные познания. – Это значит, что зима снежная и продолжительная, а лето умеренно-тёплое».

Перед глазами проплыла какая-то маленькая деревушка. Приземистые дома с деревянными крышами, чёрными от времени, будто выросли в землю. Когда-то высокий фундамент сейчас едва виднелся над поверхностью. Возле некоторых из них уже стояли стога сена нынешнего укоса.

От вида тихой полусонной деревушки, рядом с которой бежала маленькая речушка, у Мишки сладостно защемило сердце.

– «Тут вам не там», – вспомнилась ему избитая фраза старослужащих, которую те любили произносить перед молодыми матросами. Кем и когда она была произнесена впервые, никто сказать не мог, но это высказывание передавалось из уст в уста каждого последующего призыва.

«Тут вам не там, очень даже правильно сказано», – мелькнуло у Мишки в голове.

Перед глазами тут же всплыл пейзаж аравийской пустыни, завывающий рёв израильского истребителя, затем оглуши-

тельный взрыв сброшенной им бомбы и провал в памяти...

... Ему тогда повезло – судьба отнеслась к нему благо-
склонно, оставив на сей раз целым и невредимым.

Он находился в кунге передвижной станции связи, кото-
рую им предстояло перегнать по пустыне несколько сотен
километров от аэродрома под Каиром до северной оконеч-
ности Суэцкого канала. Там располагался крупный узел свя-
зи морской базы египетских войск, который в результате на-
лёта израильской авиации был разрушен. Пока шло восста-
новление строительных конструкций, командованием фло-
та было принято решение временно использовать передвиж-
ную станцию связи. Так как советником начальника морской
базы Египта был представитель Северного флота, то и пере-
движную станцию, естественно, доставили с Северного фло-
та.

Начальник станции мичман Антонас Матулас устроился в
кабине водителя вместе с встретившим их офицером. В ка-
ком звании тот был, определить было невозможно, посколь-
ку на нём была одета арабская военная форма без знаков раз-
личия.

Мичман Матулас и Мишка с водителем тоже облачились в
арабскую форму, сделав это сразу после приземления транс-
портного самолёта. Там же они получили личное оружие и
полный инструктаж по предстоящей службе. Мишке и води-
телю вручили по автомату, мичман повесил на пояс кобуру
с пистолетом.

Передвижение по пустыне военной техники осуществлялось только ночью с соблюдением светомаскировки. В дневное время автоколонна располагалась в так называемых «отстойниках», где её тщательно маскировали. Рядом, как правило располагался дивизион ЗРК с радаром, который гарантировал защиту от налётов израильской авиации. Об этом и ещё о многих других тонкостях жизни в пустыне рассказал встретивший их офицер. Он заставил Мишку и водителя заправить куртку в брюки, пояснив, что такое ношение предусмотрено для всего рядового состава, а офицеры здесь носят куртку навыпуск.

После долгих дебатов о том, когда им лучше отправиться в путь, было принято решение о немедленном выдвигении. Передислокация техники в ночное время считалась безопасной, потому что исключалась вероятность налета израильской авиации. Однако помимо плюса ночного передвижения имелись и минусы. Преодолеть несколько сот километров в ночи без света фар одной машине вне колонны составляло определённый риск. Можно было легко съехать с дороги и увязнуть в песке по самое шасси. Выбраться же без тягача будет невозможно, а это значит, что с наступлением рассвета их станция, ещё не перекрашенная в песочный цвет, станет отличной мишенью для пилота израильского «Фантома».

Вторым минусом могли быть ночные вылазки израильских диверсантов. Боевые пловцы ВМС переправлялись через канал и охотились за советскими военнослужащими,

чтобы затем представить доказательства в ООН о присутствии контингента советских войск в Египте, поскольку руководство СССР отрицало этот факт. Попасты в плен к евреям никто не хотел.

Перекусив сухим пайком, они отправились в путь, чтобы успеть до наступления темноты прибыть на базу.

Едва очертания аэродрома пропали из виду, как сопровождающий офицер приказал свернуть с шоссе и пробираться напрямик через пустыню.

– Так надёжнее, – пояснил он. На дороге много военной полиции, а у нас секретная аппаратура. Остановки и проверки нам не нужны. Можем влипнуть в какую-нибудь историю, выбраться из которой будет не просто.

Сопровождающий офицер знал дорогу, водитель вёл машину уверенно. Половину пути станция прошла без происшествий. Потом на горизонте появилась пара «Фантомов». Они, вероятно, возвращались с задания и шли параллельным курсом.

Один из пилотов, увидев перед собой беззащитную одиночную цель, отвернул в сторону, зашёл вперёд и, снижаясь, стал приближаться к станции. Соблазнившись лёгкой добычей, он от радости немного поспешил. Бомба разорвалась впереди на значительном расстоянии, однако долетевшие осколки сделали своё черное дело. Разбив вдребезги ветровое стекло, один из них угодил в голову водителя, сразив его насмерть, другими осколками были ранены сопро-

вождавший офицер и мичман Матулас. От взрывной волны их ГАЗ-66 отбросило в сторону, он боком зарылся в песок и заглох.

Сколько времени прошло с момента взрыва и до возвращения сознания Мишка определить не смог.

Открыв глаза, он увидел, что лежит на полу. В следующую секунду почувствовал сильную боль в левой ноге, а голова загудела, будто в неё вставили детскую заводную юлу. Было такое ощущение, что эта игрушка бешено крутилась внутри черепа, издавая характерный звук, и не собиралась останавливаться. Рядом с ним на полу валялись выпавшие из установочных ячеек блоки аппаратуры.

Мишка предположил, что один из них, по всей вероятности, упал ему на ногу. И это произошло уже после того, когда он потерял сознание. Осторожно ощупав ногу, медленно согнул её в колене. Нога повиновалась, боль не усиливалась.

«Кажется, перелома нет, – с облегчением подумал он. Просто сильный ушиб».

И только после этого пришло полное осознание того, что случилось ужасное: станцию атаковал с воздуха израильский истребитель. Произошло то, чего никто из них не ожидал.

Находясь в кунге, Мишка не видел всего происходящего.

Ухватившись за металлическую стойку, он медленно поднялся на ноги и шагнул к распахнутой двери. Её открыло при взрыве.

Превозмогая себя, Мишка спустился на землю и, держась

за стенку кузова, двинулся к кабине с левой стороны.

То, что он увидел, взобравшись на ступеньку машины, привело его в шок. Водитель с залитым кровью лицом был мёртв, офицер и мичман не подавали признаков жизни, на груди обоих расплылись большие круги от сочившейся крови.

– Ёк-макарёк! – вырвалось у Мишки. По потной спине прокатилась холодная волна. Он спустился на землю и присел на ступеньку, обхватив лицо руками. Его мозг лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации. Ему стало страшно. Он остался один на один с пустыней. В каком направлении двигаться к базе – Мишка не знал. Не знал он и того, как поступить с секретной аппаратурой, документами, с убитыми, в конце концов...

«Убитыми... стоп! Почему убитыми?» – пронеслась мысль с молниеносной скоростью.

Мишка, забыв на миг о нестерпимой боли в ноге, шатаясь от сильного головокружения, упираясь рукой о капот машины, устремился к противоположной двери кабины. От большого крена автомобиля ступенька оказалась высоко. С трудом взобравшись на неё, он открыл дверку и принялся прощупывать пульс. Сначала у мичмана – он сидел с краю, затем приложил палец к сонной артерии офицера. Оба были живы!

Несказанная радость охватила Мишку, и уже через пару минут его действия стали осознанными, чёткими. Мозг трезво оценил сложившуюся ситуацию...

.... – Соскучился по родному краю? – спросила проходившая мимо проводница, обратив внимание на неподвижный взгляд Кацапова, устремлённый в окно. – Всё по морям, да по волнам?

Вопрос прозвучал неожиданно и вывел Мишку из воспоминаний.

– Угадали, так оно и было, – совсем невесело отозвался он. – Всё по морям, да волнам, нынче здесь, а завтра там.

Когда проводница удалилась в служебное купе, добавил тихо:

– И по пескам тоже...

... Первым делом он отыскал в машине индивидуальные аптечки военнослужащего, перевязал раненых прямо в кабине. Раны оказались рваными и глубокими, оба потеряли много крови.

«Видать, долго я был в отключке, – отметил Мишка про себя, глядя на ручейки крови, стекавшие с сиденья на пол кабины. Потом он обошёл вокруг машины, оценил внешнее состояние автомобиля. По визуальной оценке, разорвавшаяся бомба не причинила серьёзных повреждений. Большие опасения вызывал мотор. С замиранием сердца открыл продырявленный осколками капот, принялся высматривать повреждения. На первый взгляд, все трубы, шланги и провода по счастливой случайности уцелели.

Оставалось как-то «высадить» здоровяка Васю Панкова и попытаться завести двигатель. Смотреть на изуродованное

лицо водителя было не по себе.

Кое-как удалось вытащить тело и положить его на землю. Затем он забрался в кабину и повернул ключ зажигания. Motor повизжал немного стартером, пару раз чихнул и всё же ожил.

– Ха! – вскричал Мишка. – Таёжный парень Кацапов не лыком шит и не пальцем сделан!

Очнувшись, застонал мичман.

– Вот теперь уж точно мы будем жить дальше, товарищ мичман, – повернувшись на стон, радостно произнёс Мишка.

Матулас повёл мутным взглядом вокруг и, увидев на месте водителя Кацапова, тихо спросил:

– Где Панков?

– Осколок... в лицо... насмерть...

– А с советником... что?

– То же, что и с вами, товарищ мичман.

Мичман опустил взгляд на свою грудь. Увидев свежую повязку, поморщился:

– Сильно зацепило?

– Рана глубокая, крови много вышло, – сообщил Мишка.

– Так, Кацапов... слушай мою команду...

– Слушаю, товарищ мичман.

– Через сутки... в 00 часов ты должен установить связь в режиме «А»... блокнот с шифрами в сейфе, ключи у меня... Принеси шифр на эти сутки... Пока я в сознании – распи-

шусь за уничтожение авансом, мало ли что со мной может случиться... а с тебя будет спрос особый...

– Но я не знаю, в каком состоянии аппарата. Надо прозвонить все узлы, коммутация нарушена, блоки вырвало из ячеек, и они упали на пол.

– У тебя сутки впереди... справишься. Ты способный матрос. Не зря же я отстаивал твою кандидатуру в штабе флота, – мичман слабо улыбнулся. – Докажи, что я не ошибся в тебе... Позывные «Кортик» и «Сосна». Не получится прямой связи – выйдешь поближе, на «Байдарку», там есть наш позывной, через неё свяжешься с «Кортиком», попросишь соединить с «третьим». Доложишь, что произошло. Вся связь в режиме «Б»... ни одного звука в открытом режиме. Повтори...

Мишка слово в слово повторил распоряжение своего командира.

Матулас одобрительно кивнул головой и снова потерял сознание. А на бледном лице офицера так и не появилось признаков жизни. Оно казалось мёртвым.

Мишка заглушил мотор, выбрался из кабины, взял в кунге лопату, принялся откапывать переднее шасси.

Он очень долго выбирался из песка. Пришлось использовать все предметы, которые имелись в кузове, чтобы выстелить твёрдую колею. Жара стояла невыносимая, Мишка окончательно выбился из сил. Перед глазамиплыли чёрные круги, а он с каким-то безумным неистовством снова и сно-

ва подставлял домкрат под ось, подкладывал под колесо очередной предмет, забирался в кабину и очень медленно опускал педаль сцепления.

Наконец, после бесчисленных попыток сдвинуться с места ГАЗ-66 медленно пополз из песка наверх.

Мишка уже в полном беспамятстве перевёл рукоятку скоростей в нейтральное положение и уронил голову на баранку...

Очнулся он от того, что кто-то слабо теребил его за ногу.

– А, что? – встрепенулся Мишка и вышел из забытья. На его колене лежала рука очнувшегося офицера.

– Почему стоим? – спросил он.

– Хорошо, что вы пришли в себя, – проговорил Кацапов вместо ответа. – Не знаю, в каком направлении двигаться.

– Держи курс на восток, – слабым голосом произнёс советник. – Ни румба в сторону. Дойдёшь до канала – увидишь огни Суэца. И не вздумай сдать меня по пути в госпиталь к ракетчикам. Под трибунал пойдёшь за это.

Мишка с большим трудом загрузил тело Василия Панкова в кунг и сел за руль...

... Из соседнего купе вразвалку вышла тучная пожилая женщина, встала рядом с Кацаповым, повернулась к нему лицом.

– Всю дорогу смотрю на тебя и не осмелюсь спросить.

– Спросите сейчас, – улыбнулся Мишка.

– Из чьих будешь? – спросила она.

– Как понять... из чьих?

– Ну, из Ляминских, Чуньжинских, али из какого другого поселения?

«Фу, ты, бабка! – усмехнулся в душе Мишка. Надо же так туманно спросить!»

– Почему ты, бабушка, решила, что я из посёлка?

– Потому что вижу: не городской ты житель. Городской парень не станет так долго глазами лес поедать. Взглянет за окно разок, другой – ему и этого за глаза. Он на ёлку будет пялиться в Новый год, когда на ней игрушки всякие развесят, да стол с закусками рядом поставят.

– Лисьинский я, бабуля. Про Лисьи Гнёзда слыхала?

– А как же. Сестра у меня там живет, к ней вот и еду поглядаться. Решила съездить, пока ноги носят. Совсем я в старуху превратилась. Мои клешни часто болеть стали, того и гляди откажут. А сестра моя и того старше. Только вокруг дома и может тепереча ходить-то. Да в магазин за хлебом, разве что. Куда деваться, коль осталась одна-одинёшенька. Муж-то её пять лет уж, как представился. Вот и решили мы с ней напоследок свидеться. А твоя-то фамилия как будет? – старуха с прищуром уставилась на Мишку, пытаясь определить, на кого он похож.

– Кацапов я, Михаил, – назвал себя Мишка.

– Кацапов? Это что же, сын Александра Степановича?

– Так точно, – вырвалось у него по привычке. – Вы знаете моего отца?

– Как мне его не знать, коли я вместе с ним на Стрелке по соседству жила, и робили мы с твоим отцом в одной конторе, в сплавной, – сказала пожилая женщина и тяжело вздохнула. – Лихие времена тогда были. У него не было крыши над головой, так он жил прямо в своей мастерской. Вместо штор на окнах висели брезентовые штаны сплавщика и кусок рваного одеяла посредине. Он ими и прикрывался от любопытных глаз. Потом, когда уже сошёлся с твоей мамкой, ему казённый дом выделили. Гол, как сокол был, но гордый: ни у кого ничего не одалживал. А руки у него золотые. Всё умел делать. Смастерить чё-нибудь, аль починить – никогда никому не отказывал. Начальство ценило его. Как он сейчас-то: жив-здоров? Робит по сей день, али на пенсии сидит?

– На пенсии, – ответил Мишка. – А сестра ваша где живет? Как её фамилия?

– На Калужской, Липадина она по мужу. А я Вдовкина Пелагея Карповна. Из эвакуированных мы были, из-под под Калуги бежали от фашиста. В конце пятидесятих всех калужских переселили из бараков на эту улицу. Так и приклеилось к ней это название – Калужская.

Старуха умолкла и ушла обратно в купе.

«Гордый, значит, – вернулся он мысленно к слову старухи, которым она охарактеризовала отца. – Нет, бабуль, не гордый он, а скорее независимый, потому что в нём никогда не проявлялось чувство превосходства над другим человеком. Интересно, изменился он за эти два с половиной года?»

Мишка стал сравнивать себя с отцом. Похож ли он на него? Если – да, то в чём? И хочет ли он быть похожим на него?

После небольших сопоставлений понял: да, похож. Не полностью, конечно, но наполовину уж точно. И внешне, и чертами характера, да и частично судьбой. Отцу выдалось исполнять интернациональный долг в степях Монголии, и ему судьба отвесила лиха в песках Египта. Батю за бой у Халхин-Гола представили к Красной Звезде, и на него ушло представление на точно такой же орден. Отец не получил свою награду, и его орден Красной Звезды обошёл стороной. Вместо него Мишка получил медаль Ушакова.

Мысли опять вернулись к командировке в Египет...

... Ему удалось тогда выбраться из пустыни и спасти жизнь командиров. Раненых поместили в госпиталь, тело Васи Панкова отвезли в морг, а позднее отправили на Родину.

Сам Мишка сутки без сна и отдыха занимался восстановлением станции и успел-таки привести её в готовность к намеченному времени. В 00 часов вышел на связь с «Кортиком», попросил на трубку «Третьего».

«Третий» оказался капитаном третьего ранга Афанасьевым. Выслушав Кацапова, он приказал опечатать станцию, сдать её под охрану группы советских военных специалистов, секретные документы передать по акту офицеру особого отдела, а самому перейти в распоряжение военного советника до особого распоряжения.

Мишке пришлось пробыть на побегушках у капитана второго ранга больше двух недель, пока мичман Матулас не сбежал из госпиталя и не приступил к службе самовольно.

Вечером того же дня они уединились в кунге станции. Мичман достал из сейфа спирт, плеснул в кружки на три больших глотка, произнёс:

– За тебя, Мишаня. Если бы не ты – лежать бы нам с каптри сейчас в песках под барханом. И никто бы не нашёл.

Мишке стало немного неловко от такой похвалы и лицо вспыхнуло от смущения. Однако в этот момент он понимал, что Антонас говорит сущую правду, и поэтому промолчал, не стал возражать.

После второй порции «шила» у них произошёл откровенный разговор.

Мичман Матулас напоминал ему главного старшину Ольшанского: такой же высокий, плечистый, покладистый, с пронзительным взглядом. Одним словом, внушал доверие. Мишка поинтересовался:

– Товарищ мичман, могу я спросить у вас кое о чём?

– Валяй.

– Вы отстаивали мою кандидатуру в штабе флота?

– А-а, вот ты о чём, – усмехнулся мичман. – Было такое дело.

– Я что, чем-то не устраивал политотдел? Были какие-то претензии ко мне?

– Раз я говорю, что отстаивал, значит были.

– И какие, если не секрет?

– Твой хвост в тринадцать нарядов, которые ты приволок с собой, сильно насторожил моих командиров.

– Поня-ятно, – протянул Мишка, и на скулах у него прокатились желваки. – Инструктор Тарасенко облагодетельствовал меня так. Но почему ваш выбор остановился именно на мне?

– Э-э, брат, тут целая история, – мичман снова усмехнулся. – Я в Клайпеде мичманское училище окончил, отправили на Север. Рассчитывал на лодку попасть, а руководство поступило иначе. В морской дивизион подвижных средств связи турнули. Со специалистами ЗАС там вакуум образовался. Командование флота поставило задачу подготовить грамотный экипаж для отправки в особую командировку. Куда – не говорили. Но тут и гадать не требовалось. По радио каждый день трезвонили про конфликт между Израилем и Египтом. Так вот, поскребли штабисты в отсеках и нашли мне одного специалиста ЗАС, грамотный парень был.

– Почему был?

– Потому что поскользнулся на ровном месте и упал головой на металлическую скобу. Ну ту, что обычно ставят перед входом в здание для чистки обуви от грязи. Потерял зрение, его комиссовали. А второй специалист не вернулся из моря.

– С К-8, затонувшую в Бискайском заливе? – выдохнул Мишка.

– Да, он был оператором ЗАС на «восьмёрке». Не везло

ей с самого спуска на воду. Три раза рвалась труба контура охлаждения реактора, несколько раз пожары в отсеках случались.

– Это правда, что я направлялся на эту лодку? – спросил Мишка для уточнения, хотя узнал об этом ещё во флотском распределителе от дежурного офицера по «строжайшему секрету».

Их оставалось только трое матросов, за кем не явились «покупатели» до Первомайских праздников. У них были разные специальности, но все трое должны были обрести свой угол на К-8.

– А ты разве не знал? – удивился Матулас.

– Догадывался, – слукавил Мишка. – Всех прибывших тогда развезли по кораблям, а нас троих оставили в распределителе на все праздники, да ещё и на авральные работы привлекли.

– Запомни, Мишаня, на будущее: для военного моряка праздник, что свадьба кобыле: голова в бубенцах, остальное всё в мыле, – с усмешкой проговорил мичман.

Потом, убрав улыбку с лица, сообщил:

– Когда я остался на станции в одиночестве, кадровики предложили мне рассмотреть пару кандидатур. Дали посмотреть личные дела. Одно из них было твоё. Мне сразу бросилось в глаза место твоего рождения.

– Чем оно вас заинтересовало? – крайне удивился Мишка.

– Мой кореш по срочной службе оттуда родом. На одной

лодке служили. Хохряков его фамилия, Толик. Нас с ним братьями называли.

«Неужели мой заводской наставник?! – опешил Мишка. – Невероятно! Вот ведь какая загадочная штука – судьба! Чего только не замутит в этой жизни её создатель! Захочет – сведёт людей, захочет – разлучит. Кому-то жизнь дарует в самой безвыходной ситуации, а у кого-то забирает её без провинности».

– И ещё в штабе есть один замечательный офицер, тоже твой земляк, – продолжил Матулас после небольшой паузы. – Вот я и решил, что ваш край плохих людей на флот не отправляет. И не ошибся.

– А кто был против?

– Особист. Да и представитель политотдела морщился, когда читал твоё дело.

– Понятно. И как вам удалось убедить их в обратном?

– Большую роль сыграла характеристика. Её написал на тебя некто Ольшанский. Знакомая фамилия?

– Знакомая, – оживившись, ответил Мишка. – Главный старшина Ольшанский. Это он остановил бандеровца Тарасенко. Если бы он не сделал этого – я бы, по всей вероятности, самолично размазал эту тварь по палубе!

Матулас пропустил мимо ушей проснувшуюся в Мишке неприязнь к бывшему инструктору. Он продолжил тем же ровным голосом:

– В характеристике отмечено, что курсант Кацапов по

практической отработке нормативов один из лучших в учебной роте. А по результатам стрельбы из автомата – самый лучший.

«Не прибавил и не убавил, – подумал Мишка о точности изложения фактов Ольшанским. – Написал, как есть».

Он тогда действительно отстрелялся лучше всех, за что был поощрён тремя внеочередными увольнениями в город. Но посетить город не удалось. Причиной этому стали нелюбовь инструктора и введённый карантин по холере.

Они выпили ещё по «пять капель», мичман посмотрел на Мишку хмельным взглядом, сказал:

– Предлагаю перейти на «ты». Теперь нам с тобой предстоит долго находиться вдвоём в одном отсеке, и мы должны жить как братья. А младшему брату не следует обращаться к старшему на «вы». Уразумел?

– Уразумел, – послушно ответил Мишка и совсем осмелел. Он начал выпрашивать Антонаса обо всём, что его интересовало. Захмелевший мичман с некоторой снисходительностью бывалого моряка поделился всей информацией и тайнами, которыми обладал.

Мишка узнал, что сопровождавший их офицер – капитан третьего ранга, направлен в Египет военным советником уже второй раз. Первый раз его местом службы был Порт-Саид, теперь вот Суэц, откуда идёт руководство кораблями и лодками, находящимися в Красном море. Что в функции военного советника входят не только рекомендации руководите-

лям египетского флота по проведению военных операций, но и личное участие в запланированных атаках. Он может находиться на иностранной лодке во время атаки рядом с её командиром и отдавать команды.

Ещё он узнал, что «третий», с которым он связался в день трагедии – это и есть его земляк, о котором обмолвился Матулас в начале разговора, и что по возвращению в Североморск мичман лично представит ему отважного и находчивого матроса Кацапова. А ещё спасённый военный советник поклялся представить Мишку за геройский поступок к ордену Красной Звезды, как только выйдет из госпиталя.

Все эти события прошли через сознание Мишки, как сон...

...Полгода он провёл на берегу Суэцкого залива. Второго оператора станции у них так и не появилось, но на замену Васи Панкова прибыл новый водитель, который был и за охранника, и за снабженца, и за повара. К тому же в его обязанности входило обеспечение безопасного быта: борьба со змеями, скорпионами, рыжими комарами, клопами и мухами, которые постоянно лезли в рот и в нос, мешая работать...

– Подъезжаем! – раздался зычный голос проводницы. – Готовимся к выходу! Не забываем свои личные вещи!

Мишка заглянул в соседнее купе, спросил:

– Пелагея Карповна, моя помощь принимается?

– Нет, Миша, помощница у меня есть, слава богу, – пожилая женщина указала кивком головы на девушку лет шест-

надцати-семнадцати. – Она согласилась загрузить меня в автобус.

– Вы тоже из нашего посёлка? – удивился Мишка. – Что-то я не встречал вас раньше.

Девчонка, красуясь перед бравым моряком, сначала одарила его смазливой улыбкой, затем ответила с подковыркой:

– К сожалению – нет, ваши лисы почему-то не оставили мне места в своих гнёздах.

– Наверно, они заподозрили в вас коварную конкурентку, – незамедлительно отпарировал Мишка, скорчив на лице жалкое подобие улыбки.

Девчонка явно хотела ещё посоревноваться в остроумии с ним, но Мишка, пожелав им с бабулей всего хорошего, удалился. Он догадался, что эта рыжеволосая пигалица, вероятнее всего едет до площади горисполкома, там пересаживает старушку на поселковый автобус, а сама следует до своего дома. Завязывать знакомство с ней Мишка не собирался. Девчонка была не в его вкусе. К тому же он решил прогуляться пешком до заводской площади, благо из вещей у него была одна лёгкая спортивная сумка.

Поезд приходил на станцию как раз в то время, когда заканчивалась рабочая смена на заводе. На заводской площади сходились маршруты всех городских автобусов, и в этот час пик была большая вероятность встретить кого-нибудь из знакомых. Мишке не терпелось увидеть лица тех, с кем он проработал до призыва на флот.

Глава 10

Конечная остановка автобуса с табличкой маршрута «Горисполком – Лисьи Гнёзда» была напротив дома Кацаповых. Номер маршрута значился под цифрой «два» и такая же цифра красовалась на воротах крайней избы, в которой вырос Мишка.

– Мы с вами двоечники, – любил шутить Кацапов старший, когда речь заходила о какой-нибудь ответственности. – Какой с нас спрос?

Перед окнами дома красовалось небольшое озерко, поросшее по краям редким камышом. К нему по утрам сходились утки и гуси с соседней улицы, крякали и гоготали, часто ссорились из-за территории, угрожающе махали крыльями и порой даже взлетали над поверхностью для устрашения противника.

Прибывающий автобус сперва проносился мимо дома Кацаповых, с завидной виртуозностью делал петлю вокруг озерка, разворачиваясь в обратном направлении, и затем лихо подкатывал к остановочному павильону, обволакивая столпившихся пассажиров облаком рыжей пыли. Бабы громко ругали шофера за издевательство, мужики показывали ему увесистые кулаки, а он, не воспринимая их угрозы всерьёз, с добродушной улыбкой выпрыгивал из кабины, доставал из пачки папиросу, тыкал её в рот и отходил в сто-

ронку покурить.

Автобус, на котором приехал Мишка, выполнил все вычурные, ставшие уже традиционными для жителей посёлка, и остановился, как вкопанный, словно послушный конь под бывалым седоком.

С громким шипением воздуха открылись двери и выпустили народ из салона. Люди с откровенным любопытством разглядывали симпатичного моряка, гадая, к какому дому он свернёт. Удивительно, но близких знакомых на этом рейсе почему-то не оказалось. Все пассажиры подобрались с противоположной окраины посёлка.

Мишка вышел последним и огляделся по сторонам. Всё вокруг выглядело так, как было при нём. Никаких изменений. Будто и не уезжал он из посёлка.

Перед глазами предстал знакомый прудик с высокими камышами по краям. В нём, как и три года назад, мирно елозила по поверхности водоплавающая живность, добывая в воде корм. У кромки воды дремали две лохматые собаки с множественным репейником по всей шкуре.

Влево от прудика уходила к реке та же разбитая дорога с большими лужами посередине. За прошедшее время никто так и не удосужился привести её в порядок, высыпав в эти многолетние ямы с водой хотя бы парочку самосвалов щебня. Всё оставалось так, как было при нём.

Мишка улыбнулся и направился к родным воротам. Глазницы окон были пусты, родных лиц он в них не увидел.

«Отец, вероятно, на реке, а мать готовит ужин в летней кухне», – предположил Мишка, нащупывая рукой за почтовым ящиком специальный ключ для поднятия щеколды.

– Эй, кому там неймётся шарить по чужим воротам? – слышался отцовский голос из ограды. – Нельзя, что ли, постучать? Открою ведь, если дома. Чего надо?

Двор Кацаповых, как и у большинства жителей посёлка, был обнесён деревянным забором из обрезных досок, плотно пригнанных одна к другой. Разглядеть человека за воротами было невозможно.

Мишка решил разыграть отца. Изменив свой голос до неузнаваемости, произнёс:

– Я ваш новый почтальон. У вас крышка почтового ящика не открывается – пытался пристроить газету. Откройте, пожалуйста, ворота, вручу в руки.

– Какая ещё газета, ёшкин свет!? До обеда принесли «Труд», а «Чусовской рабочий» решили носить по вечерам? Это что за нововведение такое? В два этапа носить почту, видать, интереснее, да?

Отец звякнул металлической пластиной, открыл ворота.

– Ёк-макарёк! Мишка?! – воскликнул он, увидев перед собой сына. – Как снег на голову! Ни письма, ни телеграммы и – нате вам, принимайте сына собственной персоной!

Мишка поставил сумку на землю и сразу попал в крепкие объятия отца. С полминуты они стояли молча, тиская друг друга и хлопая ладонями по спине. Потом разошлись на шаг

и принялись пристально разглядывать друг друга.

– Вот ты какой стал, сынок! – с восхищением проговорил отец. – Настоящий морской богатырь! Мать, смотри кто к нам заявился!

В дверном проёме кухни показалось лицо матери, затем послышался звук выпавшей из рук посуды, и мать, быстро перешагнув через порог, устремилась навстречу. Сухоньякая, подвижная, с повязанной на голове косынкой, она припала к груди сына.

– Да как же так, Мишенька, – запричитала она, отстранившись от сына и вытирая выступившие слёзы. – Ни слова, ни полслова о своём приезде. Телеграмму бы хоть отбил. Мы бы приготовились к твоему приезду по-человечески.

– Прости, мам, не смог. Всё произошло так неожиданно, что просто не успел. Накануне утром объявили отпуск, а на следующий день я был уже в поезде.

– Надолго ли к нам? – спросила мать, в заплаканных глазах проглядывалась тревога.

– Почти на месяц, – ответил Мишка и увидел, как просили у матери глаза.

– Ладно, пошли в дом, чего тут торчать, – сказал отец. Он взял сумку и понёс её в избу. Следом за ним пошли Мишка с матерью, повисшей у него на руке.

И в доме было всё так же, как два с половиной года назад. Никакой перестановки. Те же кружевные занавески на окнах, связанные руками матери, и те же домотканые поло-

вики на полу. И даже наволочка на его подушке оставалась прежней – с большими васильками на светло-зелёном фоне.

«Откуда быть переменам? – с грустью подумал Мишка, глядя на клеёнку на кухонном столе со стёршимися цветочками посередине. – Всю жизнь в бедноте, перебивались с копейки на копейку. Не накопили денег на старость. Теперь-то им на какие шиши обставляться новой домашней утварью?»

Когда мать с отцом вдоволь налюбовались на его морскую форму, Мишка спросил:

– Мой спортивный костюм сохранился?

– Конечно, куда ему деться, – ответила мать. – Как ты уехал, я все твои вещи постирала, погладила и сложила в ящик. В целости и сохранности они. Переодеваться станешь?

– Да, пожалуй. Не сидеть же за столом в парадной форменке. Успеете ещё наглядеться. Три с половиной недели впереди.

Он ушел в свою комнатку, переоделся, аккуратно сложил на стуле форменную одежду, затем вернулся в кухню, присел к столу.

Мать в несколько заходов принесла из летней кухни кастрюльки с едой и посуду. Отец успел слазать в подполье, достал домашние разносолы и бутылку водки.

– С проводов осталась, тебя ждала, – с гордостью доложил он, выставя «Столичную» на стол.

Наконец, закуски были разложены по тарелкам, отец на-

лил водку в две стопки, бросил взгляд на жену.

– Мне совсем чуточку, – предупредила Василиса, подставляя под горлышко бутылки свою маленькую гранёную рюмочку.

– Ну, что ж, давайте выпьем за твой, Мишка, отпуск, – поднял стопку отец. – Чтобы отдохнул ты на своей родине как следует. Набрался сил, дослужил оставшийся срок и благополучно вернулся в родной посёлок.

– Да, сыночек, чтобы ты набрался сил у нас, – поспешила добавить мать. – Извёлся, поди, на лодке-то своей?

Они выпили.

– Вот ты, батя, о родине тут упомянул, – закусывая солёным рыжиком в сметане, заговорил Мишка. – Я раньше как-то и не задавался особо этим вопросом. А вот сегодня вышел из автобуса, посмотрел на наш прудик, на гусей и уток в нём, на бездомных дворняг в колючках, убитую дорогу к реке, нашу избу, улицу без асфальта, и вдруг понял: ведь это и есть моя родина.

– Правильно ты понял, Мишка. Очень правильно, – поддержал сына отец. – Кому-то д'ороги городские огни, да дома высокие, а кто-то тайгой бредит. У каждого человека своя родина.

«Точь-в-точь, как Иван, – подумала Василиса, вспомнив вдруг, как её брат однажды в тринадцатилетнем возрасте спрашивал её о родине, отчизне, стране, государстве, не понимая, чем эти слова отличаются друг от друга. – А я тогда

так и не ответила на его вопрос».

– Нам в школе дули в уши только об одной Родине – стране в целом, которую нужно любить и защищать в случае посягательства на её суверенитет, – продолжил Мишка. – О малой родине говорили немного. И сейчас на политзанятиях наш замполит талдычит о Родине, как об Отечестве и родной стране, о долге военнослужащего защищать её интересы.

Василиса во все глаза смотрела на сына, любуясь им, и вдруг поймала себя на том, что ждет от него ответа на вопрос, который был задан ей братом более тридцати лет назад, и на который она, к стыду своему, не знает ответа до сей поры.

– А ты с ним не согласен? – удивился отец.

– Нет, почему же. Конечно согласен. Только нельзя прививать любовь к отчизне, забывая о той родине, название которой пишется с маленькой буквы, не упоминая о тех местах, где человек родился и вырос. Нельзя забывать о самом человеке. Если человека лишить всего того, к чему он привык, что любо и дорого ему, – разве можно ожидать от него любви к Отчизне? Напрасными будут все усилия властей сделать это принудительно.

Тут Мишка чуть было не заикнулся, с какой «любовью» встречали в Севастополе служивых после возвращения из Египта. Горький осадок остался в его душе навсегда от встречи с Родиной на Графской пристани, когда вместо браваурного марша они увидели пограничников с собаками, а во-

круг площади стояло оцепление солдат с автоматами на груди. Он чувствовал себя арестантом, находясь в неухоженных казармах, куда их поселили для прохождения карантина.

Он сдержался и умолк. Родители до сих пор не знали о его командировке в Египет, и рассказывать о ней он пока не планировал.

– По-моему, рано вы перешли к политике, – заговорила мать, воспользовавшись образовавшейся паузой. – Всего-то по стопке выпили, толком не поели, а уже серьёзный спор затеваете. Успеете ещё про политику наговориться.

– Это, мама, не политика, – возразил Мишка.

– А что же?

– Это философия патриотизма, рассуждение о любви к Родине, и ответное отношение Родины к простому человеку.

– Мать права, – прислушавшись к словам жены, сказал отец. – Ты, сын, сейчас с дороги, устал и проголодался, так что, давай, нажимай на закуску, да и про стопку не забывай.

Теперь они выпили вдвоём – мать отставила свою рюмочку в сторону и сидела в уголке, с умилением глядя на сына.

– Расскажи-ка ты, сынок, лучше о своей службе, – попросил отец, решив сменить тему. – О патриотизме и любви к Родине мы действительно успеем ещё поговорить с тобой на рыбалке. Там сама обстановка способствует этому. Надеюсь, ты не откажешься составить мне компанию? Соскучился, небось, по наваристой ушнице, сварганенной на костре?

– Ты ещё спрашиваешь? Мы обязательно сможемся с то-

бой на рыбалку, – обрадовавшись предложению отца, заверил Мишка. – Мне часто снилась наша лодка и килограммовые лещи.

– Вот и добре, – сказал отец, удовлетворившись ответом, и привычным движением разгладил пышные седые усы. – А теперь сказывай, как служилось? Чем питались, каким воздухом дышали под водой? В какие походы ходил?

– Разве вам это интересно? – улыбнулся Мишка.

– Нам всё интересно, сынок, – заявила мать.

И Мишка в больших подробностях рассказал о жизни подводника. Его рассказ продлился до позднего вечера.

Рассказывал об учёбе в школе связи, затем делился впечатлениями о заполярье, восторгался полярной ночью и северным сиянием. Иногда он прерывал своё повествование, интересовался друзьями, которые оставались в посёлке, спрашивал о новостях, потом опять возвращался к будням на флоте.

Родителей интересовали любые подробности. Они по несколько раз переспрашивали его об одном и том же, уточняли различные детали, округляли глаза, когда речь заходила о борьбе за живучесть или о выходе на поверхность через торпедный аппарат. От души смеялись, когда он рассказывал забавные истории, происшедшие с ним, или травил избитые морские байки, которые ни отец, ни мать никогда не слышали.

Когда повествование сошло почти на нет, стрелки часов

показывали половину двенадцатого. Это было критическое время для родителей. Они обычно укладывались спать в десять часов вечера.

– Всё, мужики, пора закругляться, – приказала Василиса и принялась убирать со стола пустую посуду.

– Давай, сынок, по последней на сон грядущий, – тихо произнёс отец, воровски наполняя стопки в тот момент, когда мать понесла стопку грязной посуды в летнюю кухню.

– Давай, батя, за встречу, о которой я мечтал с первых дней своей службы, – проговорил Мишка и одним махом выплеснул содержимое стопки в рот.

Через полчаса в доме наступила полная тишина, нарушаемая лишь всхрапами отца и мирным сопением сына в маленькой комнатке за стенкой.

Глава 11

Известие о приезде Михаила Кацапова в отпуск разнеслось по посёлку со стремительной быстротой. Эта весть дошла до Надежды Аристарховой уже к концу следующего дня. Свежую новость сообщила мать – Зинаида Мелентьевна.

– Слыхала, Мишка Кацапов в отпуск заявился, – сказала она за ужином, как бы невзначай, и бросила на дочь изучающий взгляд.

– Мишка? Кацапов? – переспросила Надя, с трудом сдерживая внутреннее волнение. – Когда?

– Вчера вечером его видели на рейсовом автобусе. Сказывают, на бескозырке прописано золотыми буквами «Северный флот», а на кончиках ленточек блестят золотые якоря. Бескозырка белая, морская рубаша тоже белая, а брюки чёрные, клёш, на ремне якорь блестит.

– Ты так рассказываешь мне про него, будто расхваливаешь заморское блюдо, – произнесла Надежда с притворным равнодушием.

– Ещё чего! – сказала Зинаида Мелентьевна повышенным тоном, изображая на лице недовольство. – Не из тех он парней, чтобы я его расхваливала. Просто передаю то, что слышала от людей. Только и всего.

– Ладно, маман, не нервничай по пустякам, я пошутила, –

с вялой улыбкой проговорила Надежда.

«Приехал, значит, – думала она, лениво ковыряясь вилкой в тарелке. – Интересно, получил он моё письмо или нет? Если получил – почему не ответил? Не захотел? А, может, была веская причина? Я должна обязательно с ним повстречаться, поговорить начистоту. Для меня это крайне необходимо. И постараться сделать так, чтобы эта встреча произошла в ближайшие дни.

Она представила, как встретится с Мишкой, как выскажет ему всё, что написала тогда в письме, и потребует ответа. Нет, не так. Она вначале спросит его: получал ли он её письмо, а уж затем сориентируется, что сказать и как себя вести. Прокрутив мысленно эту встречу, Надя почувствовала, как неожиданно затрепетало сердце в груди и кровь хлынула в виски.

Чтобы скрыть от матери внезапно нахлынувшее чувство, она отставила тарелку в сторону, сообщив, что поела в больнице перед уходом и быстро отправилась в свою комнату.

– Странная ты какая-то, Надюша, – проговорила с удивлением Зинаида Мелентьевна. – То говоришь, что в больнице отвратительно готовят, а то вдруг кушаешь там так плотно, что отказываешься от домашнего ужина. Не пойму я тебя. С тобой всё в порядке? Никто не обидел?

– Ничего странного, мама. У одной из наших сотрудниц сегодня был день рождения, – громким голосом сообщила Надя уже из-за закрытых дверей, придумывая на ходу оправ-

дательную ложь. – Именинница притащила из дома столько вкусных вещей, что все мы просто объелись. А со мной всё в порядке. Не волнуйся.

– С Володей когда последний раз встречалась? – спросила Зинаида Мелентьевна через щёлку в двери.

– Не помню, мам, давно это было.

– Не хорошо так поступать, Надюша. Парень любит тебя, тянется к тебе всей душой, а ты нос воротишь.

– Дубцов уехал в институт поступать, а до этого готовился к экзаменам. Не хотела его отвлекать, – донеслось из комнаты. – И вообще, мама, позволь мне самой решать: когда и с кем встречаться.

Раздался хлопок – закрылась створка двери и щёлка, через которую Зинаида Мелентьевна общалась с дочерью, исчезла.

Голос Надежды стал раздражённым, могло показаться, что ещё один неприятный для неё вопрос матери – и она, разгневанная, тут же швырнёт на пол какой-нибудь предмет.

Зинаида Мелентьевна была умной женщиной. Почувствовав состояние дочери, она не ринулась в комнату и не стала допытываться о причинах раздражения, чтобы затем, выяснив, привлечь к себе дочь и начать её успокаивать, глядя по голове нежной материнской рукой. Она оставила дочь в покое и вышла на улицу прогуляться.

Надежда осталась одна. Ей пришлось в голову написать записку для Мишки, запечатать в конверт и опустить в почто-

вый ящик Кацаповых.

«А что? Очень подходящий вариант, – обрадовалась она внезапно пришедшей к ней мысли. – Напишу сегодня же, и когда стемнеет – брошу в почтовый ящик. Только на конверте надо написать «Лично в руки», и дело будет в шляпе.

Надя повеселела и принялась писать послание.

Поздно вечером, когда улица погрузилась во мрак, она, словно хитрая лиса, крадучись, направилась к дому Кацаповых.

Не доходя до уличного фонаря напротив знакомых ворот, остановилась у трёх старых тополей, выросших кучно, и спряталась за стволом одного из них.

Мишкино окно было освещено. На фоне светлой занавески виднелся размытый силуэт человека. Он был неподвижен и лишь изредка слегка двигался.

«Это он, читает книгу», – догадалась Надежда. В голове мгновенно пронеслась радостная мысль: «Сидит дома, ни с кем не гуляет. Значит, никакой подружки не завёл. Иначе не сидел бы в четырёх стенах, а понёсся к ней, сломя голову! Эх, если бы он сейчас вышел на улицу! Можно было бы гулять с ним до рассвета! Завтра выходной день, на работу не нужно, можно спать до обеда. Что если бросить ему камешек в окошко?»

Она машинально отыскала на земле несколько маленьких камешков, подбросила несколько раз на ладони и хотела уже подойти поближе, но вдруг передумала и швырнула их на

дорогу.

«Зачем эти детские выходки? – рассердилась Надежда на себя. – Он и так всё время считал меня ребёнком. Не хватало ещё, чтобы он сейчас распахнул окно, назвал, как прежде, унижительным словом «дитяtko», покрутил пальцем у виска и захлопнул его ещё до того, как она произнесёт первый звук. И хуже того, если он просто обзовёт её каким-нибудь нехорошим словом. Вот тогда уж, Надюха, точно рухнут все твои надежды на встречу. И, как говорит Володька Дубцов, придётся сливать воду».

Она оглянулась по сторонам, быстро перешла через дорогу и, остановившись у ворот, решительно протолкнула письмо в узкую щель металлического ящика. Затем круто повернулась и пошла прочь от дома Кацаповых, ускоряя шаги. Надежда почти бежала от этого ненавистного ей и такого желанного окна с тонкими занавесками, на фоне которых виднелся дорогой для неё силуэт...

... Мишка сидел дома не потому, что ему не к кому было пойти. Просто так сложились обстоятельства, что все его заводские друзья в этот день работали в вечернюю смену. Встречу с ними он запланировал в выходной день, пригласив к себе домой.

Первый день после приезда ушёл на бытовые хлопоты. Он соскучился по домашней работе и принимался за любое дело, которое, как ему казалось, требовало исполнения. Мать стала ворчать на него, требовала бросить эти никчём-

ные дела за ненадобностью и посвятить отпуск отдыху, однако Мишка посмеивался и был непреклонен.

Он работал в своё удовольствие. Поработав пару часов, сходил на почту, заказал телефонный разговор со старшей сестрой. Его долго не соединяли, а когда, наконец, связь появилась, он с нетерпением взял трубку и услышал знакомый голос Любы.

Общение продолжалось недолго, обменялись незначительными фразами, а основной разговор оставили «на потом», когда Люба приедет в гости к родителям. В ближайшие выходные такой встречи не предвиделось, а вот на следующей неделе сестра обещала взять пару отгулов перед выходными, и у них будет возможность общаться целых четыре дня.

Разговор со второй сестрой не получился – сказалась большая разница во времени между Приморьем и Уралом. Мишка постоял в раздумье некоторое время и решил перенести попытку дозвона на понедельник. Он был уверен на сто процентов, что Вера вместе с друзьями уже умчалась отдыхать на море. Она была незамужней и считала себя вольной птицей. Такой вывод можно было сделать исходя из писем сестры, которые изредка приходили от неё к нему на север.

После обеда Мишка отправился на реку. Прошёл по берегу вверх по течению, нашёл подходящее место для купания и провалялся на песке до самого вечера.

Пока он нежился на песке, мать с отцом накрутили фарша и настряпали пельменей. Они умели их готовить. Начинка получалась сочной и до того вкусной, что появлялся неудержимый соблазн есть их в неограниченном количестве.

Отец опять поставил на стол водку, они под пельмени опрокинули с ним по три стопки и на этом остановились.

– Хватит, – сказал он отцу, который поднял бутылку, чтобы в очередной раз наполнить стопки. – Питейный день завтра.

– И то верно, – согласился тот, отставляя «Столичную».

После ужина Мишка достал с повети доски, щиты, брусья, и принялся сооружать в палисаднике настил вместо стола и лавки для гостей. Самые близкие друзья могли появиться в его доме уже с утра.

Когда чуть стемнело, Мишка ушёл в избу, взял книгу и принялся читать. Родители улеглись спать...

... Ушедший день, будто подарок от ангела-хранителя, был жарким. Вечером стало прохладнее, слегка ощутимый ветерок проникал через открытую форточку и приносил в комнату приятную свежесть.

За окном стояла абсолютная тишина, как вдруг до его слуха донёсся приглушённый звук упавшей крышки на почтовом ящике. Этот звук Мишка не мог спутать ни с каким другим. До службы он всегда по нему ориентировался о доставке почты почтальоном. Сейчас это действие выглядело довольно странным.

Мишка отложил книгу и отдернул занавеску. В свете фонаря мелькнула чья-то тень и быстро исчезла.

«Что за чёрт? – удивился Мишка, продолжая вглядываться в серое пространство за фонарным кругом. – Кому понадобилось носить газеты по ночам? Стоп! А вдруг это срочная телеграмма, которая затерялась по недосмотру в сумке почтальонши, и сейчас, чтобы скрыть свою оплошность, та втихаря сбросила её в ящик? Глупости, конечно, но проверить можно. Крышка брякнула и мне это не показалось».

Стараясь ступать бесшумно, чтобы не потревожить родителей, Мишка вышел во двор и направился к воротам. Просунув руку в почтовый ящик, он обнаружил письмо.

«Вот те на!» – удивился Мишка. Повернув его к свету от фонаря, прочитал в строчке адресата свои фамилию, имя и отчество.

Вверху на конверте красовалась крупными печатными буквами надпись: «Лично в руки!»

«Довольно любопытно, – мелькнула мысль. – От кого такое послание в столь позднее время?»

Мишка вышел за ворота, где было светлее, извлёк письмо из конверта и принялся читать.

С первых строчек он догадался, чьё это творение. С такой нелепой наивностью могла написать только одна девушка. Мишка перевернул страницу. Точно! Внизу значилось: «Твоя Н.»

«Аристархова, «дитятко», – на лице Мишки расплылась

улыбка. – Наивная ты моя девочка!»

Ему подумалось, что Надя ещё не зашла в дом и затаилась где-нибудь во дворе, переводя дыхание, как нашкодивший подросток. Он огляделся по сторонам, будто опасался – не подсматривает ли кто за ним, а затем скорым шагом решительно направился к дому Аристарховых.

Создательница послания действительно ещё не успела удалиться в избу и сидела, затаившись, на лавочке рядом с калиткой. Густые ветки старой черёмухи опускались так низко, что практически скрывали от посторонних глаз сидящего под ними человека.

– Так вот ты где! – строгим голосом произнёс Мишка, остановившись на мостике через придорожную канаву в двух шагах от девушки. Её лицо скрывали ветки черёмухи. – Здравствуй, прелестное создание!

– Здравствуй, Миша, – дрожащим от волнения голосом произнесла Надя. Лицо её сливалось с сумерками и было не видно, какие эмоции на нём отражаются. – Ты прочитал мою записку?

– Нет. Не смог. Темно у ворот. Но сразу догадался, от кого послание и ринулся вдогонку. Лучше увидеть тебя и поговорить с глазу на глаз, чем десять раз перечитывать и строить пустые домыслы.

Наступила длительная пауза. Надя собиралась с духом, чтобы начать столь долгожданный и непростой разговор. И хотя все слова этого разговора были заранее приготовлены

и отшлифованы, как говорится, до блеска, приступить к реализации задуманного плана было непросто. Язык словно приклеился к нёбу и не шевелился.

– А то письмо, которое я отправила тебе на службу год назад, тоже не читал? – выдавила она из себя через силу.

– Не читал.

– Порвал, да?

– И не рвал.

– Изготовил из него голубя и выпустил в море?

– И в море не отправлял, – рассмеялся Мишка.

– Ты что, решил поиздеваться надо мной? Что ты с ним сделал? Посмеялся и оправил по обратному адресу? – рассерженно спросила Надя. – Отвечай!

– Ничего я с твоим письмом не вытворял, потому что не держал его в руках, – поспешно пояснил Мишка, почувствовав, что его ответы действительно звучат издевательски и вот-вот выведут девушку из себя. – Не получал, понимаешь? В глаза не видел. Ни-ко-гда!

Когда прозвучало последнее его слово, Надя поднялась с лавки, сделала шаг навстречу. Теперь Мишка увидел её лицо.

Оно было растерянным и, как это ни странно, показалось даже радостным.

– Ты точно его не получал? – спросила Надя уже спокойным голосом. – Точно-точно?

– Точнее не бывает. И что же в нём такого прописано, что

ты так встревожилась? – поинтересовался Мишка, не выражая на лице особого любопытства.

– Теперь уже неважно.

– Почему?

– Потому что ты передо мной, и у меня есть возможность сказать об этом лично.

– Заглянув мне в глаза, – добавил Мишка, улыбнувшись.

– Да, глядя тебе в глаза, – с вызовом повторила Надя.

– Согласен. Только предлагаю отойти от твоего дома куда-нибудь в другое место, – лицо Мишки приняло лукавое выражение. – Для безопасности ведения переговоров. Чтобы, не дай бог, не пришлось мне объясняться с Зинаидой Мелентьевной.

Не произнеся ни слова, Надя прошла мимо Мишки и, не оглядываясь, медленно двинулась по улице. Душа её трепетала. Наконец-то свершилось то, о чём она мечтала много раз. Мысли лихорадочным потоком кружились в голове. Она не знала, с чего начать своё признание.

«Может, поступить так, как когда-то Олег Волин? – пришла на ум неожиданная мысль. – Броситься ему на шею и сказать, что я люблю его и жить без него не могу. А что? Просто, быстро и понятно».

Мишка следовал за Надеждой на шаг позади и сверлил взглядом её затылок. Он соображал, как лучше поступить. Для него не станут открытием слова девушки, которые она мучительно вынашивает сейчас и непременно изречёт. Он и

раньше догадывался о чувствах Нади по отношению к себе. Но тогда она была маленькой пигалицей, с постоянным хохолком волос на голове. Уличная детвора даже дала ей прозвище – «чибис», и она на него откликалась, не обижалась. Но он звал соседскую девчушку по-другому – дитятко. За святую наивность и простоту.

Сейчас перед ним совсем неожиданно предстала уже взрослая и зрелая девушка. Увидев её в первое мгновение в свете уличного фонаря, Мишка поразился изменениям её внешности и даже слегка оробел, но это состояние длилось всего несколько секунд.

«Ладно, посмотрю, куда она меня поведёт и что будет предпринимать дальше», – подумал он и, ускорив шаг, нагнал Надю, пошёл рядом.

Они молча дошли до тех самых трех тополей, за которыми совсем недавно пряталась Надя, взглядываясь в силуэт Мишки за занавеской, и остановились.

Минута шла за минутой, а Надя продолжала молчать.

– И что дальше? – не выдержав тягостного молчания, спросил Мишка.

– Не знаю, – голосом обречённого человека произнесла Надя. – Я многое хотела тебе сказать, а теперь вот не знаю, с чего начать. Оказывается, изложить на бумаге свои мысли элементарно просто, а высказать их вслух – целая проблема.

– А не нужно ничего говорить, Надюша, – неожиданно заявил Мишка. – Я и так всё знаю.

– Что ты знаешь?! – встрепенулась девушка и глаза её округлились от удивления.

– Что ты влюблена в меня и не представляешь, как избавиться от этого чувства.

– Почему ты думаешь, что я хочу избавиться от него? – вспыхнула Надя, словно порох от огня. Такого поворота событий она не ожидала.

– Потому что твоя безответная любовь мешает тебе приземлиться на запасной аэродром, который, как мне известно, у тебя уже имеется, – брякнул Мишка, не подумав, что сделает девушке больно.

Мишка сказал так наобум, вспомнив вчерашние слова матери о том, что она однажды видела Надю с каким-то молодым человеком под ручку. Он не придал никакого значения её сообщению, поскольку Надя Аристархова существовала в его голове, как обычная соседка. И не более того. Таких девчонок на их улице было полно.

О её существовании он перестал вспоминать с того момента, когда устроился работать на завод, завёл новых друзей в городе и перестал появляться во дворе Аристарховых. Мишка частенько помогал её отцу в бесконечных ремонтах нескольких старых мотоциклов, которые постоянно ломались.

– Ты это о Володе Дубцове? – с неподдельным страхом спросила Надя, выдавая себя с головой.

Мишка хотелось поддакнуть, дав понять, что ему извест-

ны все её амурные дела и побыстрее закончить весь этот ненужный разговор-признание. Однако враньё для него так и осталось отвратительным поступком, поэтому он сказал правду:

– Не знаю я, как зовут твоего парня, да и знать не хочу. Неинтересен мне сей факт, понимаешь?

– Не люблю я его, Миша! Слышишь: не люб-лю! – вскрикнула Надя, повернувшись к Мишке лицом. – Это всё мама моя настаивает, чтобы я подружилась с ним. Постоянно пудрит мне мозги. Говорит, что никогда мне не быть с тобой. Что ты отслужишь и уедешь из города. А Володя хороший парень, преданный, любит меня, и всегда рядом. Мы с ним иногда встречаемся, но у нас с ним ничего не было. Слышишь?

На глазах её выступили слёзы, она подошла к Мишке вплотную, схватила за плечи и повторила громко и отрывисто:

– Не люблю!!

И тотчас уткнулась ему в грудь, затряслась в рыданиях.

Мишка впервые в жизни оказался в такой неловкой ситуации, когда не знал, как себя вести. Стоял, как столб, не шевелясь, и лишь некоторое время спустя с излишней осторожностью положил руку на голову девушки и принялся неумело гладить по волосам.

– Ну, ладно, хватит тебе, успокойся. Ничего страшного не произошло. Подумаешь – нет взаимной любви. Что здесь

такого? Не всем дано любить друг друга. Полюбишь ещё, – успокаивал Мишка рыдающую девушку. – Я же не гоню тебя прочь от себя, правда? Мы будем встречаться, болтать о каких-нибудь пустяках. Ты как была для меня другом, так и останешься им.

– Чибисом? – спросила между всхлипываниями Надя.

– Ну какой же ты чибис, глупенькая? Чибисом ты была в детстве. Сейчас у тебя уже нет прежнего хохолка на макушке, вместо него отросли вон какие шикарные волосы, – Мишка подsunул ладонь под них, приподнял вверх. Пышные густые волосы выскользнули из руки и рассыпались по плечам. – Таким богатством обладает не каждая девушка.

– Ну, почему ты не хочешь присмотреться ко мне поближе? – спросила Надя, заглядывая в глаза Мишке. – Почему шарахаешься от меня, как от прокажённой? Вдруг у нас всё получится, а?

– Не шарахаюсь я вовсе. Просто... просто у нас с тобой нет общих интересов, поэтому нет смысла тратить много времени впустую, – нашёл объяснение Мишка.

– Может, ты ошибаешься? Может, отношение ко мне у тебя изменится, если мы начнём проводить время вместе? Откуда тебе знать о моих интересах? Ты ведь никогда не воспринимал меня всерьёз.

– Потому и не воспринимал, что между нами не возникло духовной связи, – сказал Мишка, поразившись собственной мысли. – Без такой связи не может быть настоящей любви.

– А ненастоящая любовь может существовать? – задала вопрос Надя. – Меня бы, наверно, и она устроила.

– Как это... ненастоящая? Что ты имеешь в виду?

– Ну, это когда человек создаёт видимость, что любит, – объяснила Надя. – Чтобы избавить от страданий того, кто любит его.

– Ты так и осталась наивной, Надюша, – с укором отозвался Мишка. – Это уже не любовь, а обман человека из жалости. Такая уступка впоследствии может обернуться ещё большими мучениями. Я, чтоб ты знала, не желаю заниматься заманиванием тебя в свои объятия, поскольку в обозримом будущем не вижу тебя рядом с собой в качестве жены.

Надя отстранилась от Мишки, подошла к тополию, провела ладонью по шершавой коре, потом развернулась и прислонилась спиной к стволу, уставилась в невидимую точку. Её затуманенный взгляд долго блуждал где-то в пространстве, потом переместился на Мишкино лицо.

– А ты сам был влюблён? – спросила она. – Тебе известны муки страданий?

Вопрос застал Мишку врасплох. Он задумался, в памяти всплыла Таня Сидорова в восьмом классе, вспомнились переживания и тяжёлые мучения в тот период. Ему шёл пятнадцатый год и болезненное чувство воспринималось уже повзрослому. Это, без сомнения, можно было назвать первой любовью.

– Да, я был влюблён в одну девочку, – ответил Мишка с

уверенностью.

– А она в тебя?

– Не знаю, я не заявлял ей о своём чувстве.

– Почему?

– Почему ты раскрыла свою тайну передо мной лишь сейчас?

– Не могла решиться, – призналась Надя со вздохом. – Боялась.

– Вот и я не мог решиться. Страдал втихомолку. Долго. Потом моя рана зарубцевалась, боль прошла.

Наступило молчание. Мишка подошёл к тополию напротив, опёрся плечом о ствол. Теперь их лица освещались рассеянным светом уличного фонаря, они пристально смотрели друг на друга.

«А почему, собственно, я отталкиваю девицу от себя? – появилась вдруг шальная мысль у Мишки. – Что мне мешает беззаботно и счастливо провести время отпуска с ней? Друзья мои отдалились, стали семейными людьми, я могу встретиться с ними лишь в выходные дни, а тут развлечение под боком. К чёрту все мещанские предрассудки! Гуляй, Мишаня, ты заслужил маленького счастья!»

Он улыбнулся своим безрассудным мыслям и проговорил:

– Ты знаешь, Надюха, я, пожалуй, соглашусь.

– С чем ты согласишься? – на лице девушки проявилось недоумение.

– Соглашусь изобразить ненастоящую любовь. Тебя

устроит такое предложение?

Мишка хотел добавить: «изобразить так, как ты изображаешь её перед своим Володей Дубцовым», но вовремя прикусил язык. Ему не хотелось ещё раз вызвать девичьи слёзы, а потом их утирать.

– Устроит, – не веря своим ушам, ответила Надя чуть слышно.

– Тогда замётано. Завтра ко мне придут друзья, я приглашаю тебя на дружескую встречу. Идёт?

– Идёт, – прошептала девушка.

– Вот и чудненько, – развеселился Мишка. – А сейчас нам обоим надо идти баиньки.

Он взял ничего непонимающую Надю под руку и довёл её до дома.

– Всё. Пока. До завтра. Губы для поцелуя не протягиваю, потому что за нами никто не наблюдает, и поцелуй пропадёт впустую. Да и время для этого пока ещё не наступило, – выпалил он скороговоркой придуманные на ходу слова прощания и пошагал в обратном направлении.

– Миша, а когда прийти-то? – спохватившись, крикнула Надя вдогонку. – Ты не назначил мне время!

– Приходи, как надумаешь. Мои друзья придут к полудню, – весело сказал Мишка. Он шёл и радостно насвистывал марш «Прощание славянки». Радостное настроение появилось от того, что его утешительная миссия закончилась благополучно. Как говорится, стороны пришли к обоюдному

соглашению.

Глава 12

Первым в доме Кацаповых появился Анатолий Хохряков. Мишка увидел его из окна, выскочил во двор, они обнялись.

– Тебя ли я вижу, дружище!?! – воскликнул Хохряков, освободившись из объятий. – Возмужал-то как, чертяка! А я, вот, как видишь, понемногу старею.

Анатолий дважды провёл рукой по голове, заостря внимание на просвечивающей по всей макушке плешине.

– Это, Толя, не старение, а проявление мудрости.

– Ну да, конечно. Как известно, из двух одинаково умных людей, лысый всегда оказывается умнее.

– Вот видишь? – Мишка улыбнулся во весь рот. – К тому же появилась экономическая выгода.

– Отпадает необходимость приобретения расчёсок?

– Верно. А чтобы лысина не бросалась в глаза – заводим новых друзей ростом ниже себя.

– А как быть со старыми?

– А старым, Толя, глубоко наплевать на изменения во внешности. Старые друзья ценят твою душу и сердце.

– Тут я с тобой согласен на сто процентов,

– Кстати, ты обмолвился в письме, что стал отцом, – лицо Мишки сияло. – Так ли это?

– Так точно! – шутливо кривляясь, подтвердил бывший наставник. – Сын у меня, три месяца от роду.

– Поздравляю, Анатолий Петрович! – Мишка крепко пожал ему руку. – Как назвали будущего подводника?

– А ты не догадываешься? – хитро прищурившись, задал вопрос

Хохряков.

– Неужели...

– Да, мой друг, сына я назвал Мишкой. Михаил Анатольевич Хохряков!

– Вот здорово! По этому поводу надо обязательно опрокинуть по рюмашке, – Мишка схватил друга за руку и потащил его в палисадник. Там уже с утра был накрыт стол.

– Бать, иди к нам за компанию, – пригласил Мишка отца.

– Нет, ребятки, не в том я возрасте и здоровье, чтобы понужать эту заразу с утра, – отказался хозяин дома. – Вы уж без меня возрадуйтесь. Вот когда соберётся весь народ, усядется за стол, вот тогда и опрокину с ним чарочку-другую.

– Ладно, дело хозяйское, было бы предложено.

Они остались вдвоём, присели с краю длинного стола, который отец застелил кусками выцветшего кумача. Когда-то эта ярко-красная ткань являлась широкими полотнищами флагов, развешенных на зданиях лесотехнической школы. Со временем флаги выцвели, их сняли с флагштоков, убрали в кладовку, вывесили новые. Потом процесс повторился. Когда скопилась целая стопка вылинявшего кумача, великодушный директор лично вручил списанную ткань в виде поощрения уборщице Василисе Марковне Кацаповой – пере-

довику производства, чей портрет красовался на доске почёта на протяжении последних лет.

Директор был коммунистом до кончиков волос, но трусливым человеком. По всей вероятности, он не мог допустить, чтобы кумачовые полотнища использовались в качестве ве-тоши или, того хуже, половой тряпки.

– Смело ты поступил, – усмехнулся Анатолий, поведя взглядом по кумачовому столу. – Как ярый антисоветчик.

– Ты о чём? – спросил Мишка с непониманием.

– Водрузил водку на серп с молотом.

И только теперь Мишка разглядел едва проступающее очертание советского символа, краска с которого была старательно удалена чьей-то заботливой рукой.

– Бутылка водки лишь укрепит единство рабочих и крестьян, – съязвил Мишка. – Это батя расстарался.

– Он коммунист?

– Нет. Но он ударник коммунистического труда.

– А тебе не предлагали вступить в самую мудрую и вдохновляющую организацию в мире? – с сарказмом спросил Анатолий.

– Лицом не вышел, – усмехнулся Мишка. – Профиль неподходящий для размещения его рядом с тремя борода-тыми корифеями.

– Вот и я не рвусь в ряды честнейших и чистейших, хотя парторг цеха все уши мне уже прожужжал, чтобы я не тянул с подачей заявления, – доложил Хохряков. – Меня ведь смен-

ным мастером поставили через полгода после твоего отъезда, а я всё ещё размышляю.

– Товарищ главстаршина, – обратился Мишка к Хохрякову, придвигая ему наполненную стопку водкой. – Предлагаю отложить вопросы на партийную тематику. У нас сегодня иная повестка дня.

– Виноват, товарищ...

– Главный старшина, – подсказал Мишка.

– ...главный старшина, – сделав серьёзную мину на лице, произнёс Хохряков. – Предлагаю выпить за встречу!

– За флотскую дружбу!

Друзья чокнулись и лихо опрокинули по стопке водки.

Бывший наставник стал расспрашивать Мишку о службе. Его интересовало всё: на какой лодке он нёс боевые вахты, в каких водах успел побывать, что изменилось в вооружении и многие другие детали, известные лишь подводнику.

Мишка вкратце рассказал, где был и что делал, упустив из повествования лишь египетскую командировку. Командировка формально считалась секретной, но о пребывании советских вооружённых сил в Египте знали если не все, то многие.

– Что-то маловато у тебя с походами, мореман, – заметил Хохряков, снисходительно улыбнувшись. – За два года всего лишь один дальний поход. Что за лодка такая невезучая?

– Моя лодка как раз нормальная. И поход мой длился почти сто суток. Это многого стоит. Невезучая лодка покоится

в Бискайском заливе, – хмуро ответил Мишка на подковырку друга. – На глубине 4680 метров с четырьмя ядерными торпедами на борту.

– Ты о какой лодке сейчас говоришь? Я что-то не слышал о такой гибели.

– Авария произошла недавно. Ты, Толя, не мог узнать о ней. Лодка К-8, проекта 627А затонула в Бискайском заливе, в районе Азорских островов. Это случилось 12 апреля 1970 года, – Мишка посмотрел в лицо бывшего подводника, добавил: – Лодка, на которой мне предстояло служить после окончания школы связи.

– Ни фиги себе! – присвистнул Хохряков. – Да ты, похоже, в рубашке родился?

– Наверно, – сказал Мишка после небольшой паузы, почему-то относя на этот счёт налёт израильского истребителя в песках Египта, а не возможную гибель К-8 в более поздний срок, когда он стал бы уже членом её экипажа и мог бы погибнуть. И даже не об аварии, которая произошла на борту уже родной лодки, когда ему пришлось бороться с огнём. Именно спасение при разрыве израильской бомбы он считал своим вторым рождением.

– Наверно просто повезло, – повторил он во второй раз. – Я в этот день последний экзамен сдавал. Двадцатого апреля был уже на севере. Там и узнал про аварию.

– Погиб весь экипаж?

– Нет, большую часть удалось спасти, погибли пятьдесят

два человека.

– Давай, помянем? – предложил Хохряков.

– Давай.

Мишка наполнил стопки, они, не чокаясь, молча выпили.

– Вообще-то, как я представляю, мне больше не ходить в моря, – с сожалением сообщил Мишка. – Мою лодку ставят на перегрузку активной зоны и средний ремонт. А это минимум два года.

– Поня-ятно, – протянул бывший подводник. – Может, это и к лучшему. Нептун – коварный хозяин.

Мишка надолго замолчал, размышляя, как сообщить другу о своём знакомстве с Антонасом Матуласом. Ведь если рассказывать о бывшем сослуживце Хохрякова, тогда придётся выложить информацию о своём пребывании в Египте. И умолчать нельзя, поскольку мичман просил передать привет и по возможности заполучить от друга небольшое письмо-мецо с фотографиями.

«Вообще-то, какой тут секрет? – рассудил Мишка. – О моём пребывании в Египте знают все мои сослуживцы, а Хохряков, можно сказать, – один из них, только в запасе. Он друг Матуласа. Неужели же мичман при встрече с ним на рассказал бы о своей поездке в Суэц? Чушь собачья!»

Мысленно Мишка оправдал предстоящий рассказ о событиях в зоне Суэцкого канала, но сделать этого не успел. Со двора донёсся голос отца:

– Миша! Иди встречай гостей!

Не успели они с Хохряковым выйти из-за стола, как через открытую калитку в палисадник просочилась целая группа молодых людей.

Шумную компанию возглавлял Володя Решетилов. Парень был старше Мишки на два года. Кудрявый весельчак был штатным заводилой на всех молодёжных тусовках. В армию его не взяли, отыскав какой-то скрытый дефект в его организме, и он продолжал трудиться на расточном станке в механическом цехе.

За ним сгрудились Володя Дубровский, успевший отслужить два года артиллеристом, Людочка Округина с подружкой Катей Сальковой, Саша Атёсов и... Галка Красикова. Та самая Галка, с которой Мишка провёл последние незабываемые дни перед отправкой на службу. За два с половиной года службы ни он, ни Галка не отправили друг другу ни одного письма.

У Мишки от удивления округлились глаза.

– Принимай гостей, Мишаня! – воскликнул Решетилов, кивнув головой в сторону друзей. – С раннего утра эти беспардонные люди рвались на встречу с тобой, мне с большим трудом удалось урезонить их пыл. Узнаёшь нахалов?

– Вова, ты не прав, это самые дорогие гости, – сказал Мишка, радуясь встрече.

Друзья по очереди обнимались с отпускником, затем присаживались за стол. Галка оказалась последней.

– Не ожидал? – пожимая Мишке обе руки, спросила она

шёпотом, наклонившись к самому уху, чтобы не расслышали остальные.

– Не ожидал, по правде говоря. Но очень и очень рад нашей встрече, – ответил Мишка таким же тихим голосом над ухом девушки.

Когда прибывшие друзья и родители расселись за столом, Хохряков вдруг встал и громко спросил:

– Друзья, вы верите в то, что наш коллега Михаил Кацапов служил на флоте?

За столом дружным хором тут же прокричали: – Нет!

– Нужны доказательства, молодой человек, – строгим голосом потребовал бывший наставник. – Народ настаивает. Придётся вам покинуть нашу компанию и явиться к столу в форме со всеми регалиями и знаками различия.

– Ну вы, блин, даёте! – воскликнул Мишка. – А если я не подчинюсь?

– Тогда вынуждены будем обратиться к вышестоящему руководству за поддержкой, – не моргнув глазом, заявил Хохряков. – Верно я говорю, Александр Степанович, Василиса Марковна?

– Иди, Михаил, переоденься, покажись друзьям, каким ты стал, – поглаживая усы, степенно сказал отец.

Мишке ничего не оставалось делать, как подчиниться воле друзей и родителей. Он встал и направился в избу.

На его форменке не было медали Ушакова. Заветная коробочка была спрятана на дне спортивной сумки. Он не хо-

тел привлекать к себе внимание в дороге, не хотел лишних расспросов, от которых пришлось бы уклоняться. Сейчас, после выпитой водки и требования собравшихся переодеться, в его душе неожиданно вспыхнуло ухарство и бесшабашность, захотелось надеть медаль, чтобы чуточку покуражиться.

Мишка достал заветную коробочку, извлёк награду, подержал её несколько секунд на ладони, пристально вглядываясь в рельефное изображение адмирала Ушакова, и только затем прикрепил медаль на левую сторону парадной голландки.

Переодевшись, подошёл к зеркалу. Муаровая лента голубого цвета с подвешенным к ней серебряным кругом удачно гармонировала с белым фоном и синим форменным воротником.

«Красав'ец», – оценил он своё зеркальное отображение с долей ехидства и усмехнулся. Медаль была прикреплена к форменке впервые, Мишка ещё ни разу не появлялся на людях с наградой на груди.

У этой медали была определённая тайна, раскрыть которую ему пока было не дано...

... После возвращения из Египта, его незамедлительно определили в штат экипажа лодки, которая уже через несколько дней отошла от пирса и взяла курс в Атлантику.

Мичман Матулас задержался в Североморске и ждал приказа о новом назначении. Передвижная станция осталась в

Суэце до особого распоряжения уже с новым экипажем.

Военный советник, которого вместе с мичманом спас Мишка, тоже остался в Египте. Пути трёх человек, которых на время свела судьба, казалось бы, разошлись навсегда.

При расставании в Североморске мичман, ставший Кацапову дорожке брата, твёрдо заверил:

– Вернёшься из похода – обязательно разыщу. Я обещал организовать встречу двух земляков. А что Антонас Матулас однажды пообещал – значит, так тому и быть. Матулас слов на ветер не бросает. Ваша встреча обязательно состоится.

Мишка ушёл в длительный автономный поход. Лодка находилась на боевой службе девяносто пять суток. Помимо выполнения основной задачи проводились исследования влияния увеличения продолжительности подводного плавания до ста суток на здоровье членов экипажа.

За три с лишним месяца острота восприятия египетских событий заметно притупилась, а клятвенное обещание Матуласа о встрече и вообще стало казаться несбыточным. У Мишки было достаточно времени, чтобы проанализировать отношения между военнослужащими и трезво оценить свое место на флоте.

«Это всегда так случается, когда люди расстаются на длительный срок, – размышлял Мишка, находясь на отдыхе после похода. – Клянутся, божатся, а жизнь расставляет всё на свои места. Недаром в народе говорят: хочешь рассмешить бога – расскажи ему о своих планах. Далеко ходить не нужно.

Многие друзья в день отправки на службу клялись регулярно писать письма. И что? Долго ли продержалась эта клятва? Получил в начале службы по одному-два письма от них и – привет! Ни слова, ни одной буковки потом. Так поступили близкие мне люди. А тут совсем посторонний человек. Какое дело военному советнику до какого-то матроса срочной службы? Не младшего офицера или мичмана, а простого матроса, который ничем не отличается от тех мелькающих лиц рядового состава, снующих по штабу десятками за одни сутки! Ну спас я ему жизнь, так это святая обязанность каждого военнослужащего советских вооружённых сил. Офицер не отвернулся-таки от меня, а поблагодарил, пожал руку, и даже, по словам Матуласа, отправил рапорт по представлению к Красной Звезде. Офицер сдержал своё слово, а как поступят с его рапортом в штабе – он не может знать, тем более повлиять на результат. С мичманом могло произойти всё что угодно. Не того он полёта птица, чтобы позволить себе беспрепятственно появиться на базе подводных лодок в Гремихе. Кто его пустит, даже если есть дружеские связи в штабе? А офицеру-земляку и вовсе нет дела до того, что где-то неподалёку проходит срочную службу парень из родных мест.»

Шло время, о нём никто не вспоминал.

Большая выработка горючего активной зоны не позволяла лодке выходить на боевую службу, её ограничили каботажными выходами в море.

Самый последний выход чуть не обернулся настоящей трагедией. При погружении под воду заклинило горизонтальные рули, и лодка чудом не воткнулась носом в грунт. Едва выровняли дифферент и личный состав пришёл в себя, как на борту случился пожар. Аккурат в том отсеке, где находился Михаил Кацапов. Переборку задраили, началась борьба за живучесть.

Благодаря грамотным действиям и отваге моряков, пожар был потушен, обошлось без жертв.

После возвращения в бухту, был тщательный разбор причин аварии, дана оценка действиям личного состава. Лодке провели восстановительный ремонт. Среди матросов прошёл слух, что особо отличившиеся будут представлены к государственным наградам. Но дальше слухов, вероятно, дело не продвинулось.

Лодка долгое время стояла у пирса, экипаж отдыхал. Командир ждал приказ о переходе на судоремонтный завод. Лодке предстоял средний ремонт.

И вдруг Мишку вызвал к себе замполит.

– Собирайся, Кацапов, поедешь со мной в Североморск, – недовольным голосом произнёс он. – Почему молчал, что у тебя в штабе флота есть мохнатая рука? Почему мне ничего неизвестно о твоём родственнике?

Мишка долго не мог сообразить, о каком родственнике идёт речь, ибо такого не существовало в природе, и хотел было уже признаться в этом. Сказать, что никакой мохна-

той руки в штабе флота у него нет, и уж тем более родственника. Однако в самый последний момент ему вдруг пришло в голову, что это, скорее всего, какие-то умышленные проделки мичмана Матуласа. Только один человек способен на такие рискованные авантюры. Только изворотливый латыш мог придумать хитрый способ для достижения поставленной цели. А коли так, нужно прикусить язык и молчать до выяснения обстоятельств.

Мишка неопределённо пожал плечами, изобразив на лице мину человека, который и сам не знает, как такое могло случиться.

Замполит нахмурился и больше с Мишкой ни о чём не говорил до крыльца штаба. У него напрочь испортилось всё настроение. Дослужившись до заместителя командира лодки по политической части он, по сути своей, оставался простым мужиком – прямым, доступным и бесхитростным. Для него был оскорбительным тот факт, что у него за спиной сплели какую-то интригу, молчали до последнего момента, не удосужившись даже намекнуть, в чём её суть. Он вёз с собой главстаршину для свидания с каким-то родственником, как сопровождающий, или точнее, как конвойный. Вёз втёмную, не зная цели встречи. Правда, основная его задача заключалась не в сопровождении Кацапова, а в согласовании мероприятий по случаю предстоящего празднования Дня ВМФ. Доставка старшины просто совпала с его визитом в Политуправление флота. В голове замполита в который уже раз

явственно всплыл разговор с представителем штаба. Вежливый голос в трубке спросил:

– Капитан третьего ранга Колющенко?

– Так точно, Колющенко на проводе.

– У нас к вам просьба, товарищ капитан третьего ранга, – прозвучал требовательный голос незнакомого офицера.

– Слушаю.

– У вас в экипаже служит специалист ЗАС Кацапов.

– Служит, – подтвердил Колющенко. – Он нарушил режим связи?

– Он срочно потребовался капитану второго ранга Афанасьеву. Надеюсь, вам знакома эта фамилия?

Замполит непроизвольно вздрогнул: фамилия Афанасьев говорила ему о многом. Её знал теперь каждый офицер. С недавних пор человек с этой фамилией стал главным руководителем управления по особым делам Северного флота.

– Так точно! – ответил Колющенко, прикидывая мысленно, где мог наследить их специалист по засекречиванию канала связи.

– Не пугайтесь, товарищ капитан третьего ранга, – успокоил офицер в трубке, видимо почувствовав дрогнувший голос собеседника. – Кацапов ничего не нарушил и вызывается на встречу с родственником.

«Неужели нельзя было попросить меня по-человечески, чтобы я оформил этому парню увольнительную на пару-тройку дней? – размышлял замполит в дороге. – Кацапов

давно не салага, сам бы добрался до Североморска. Почему нужно скрывать о имеющемся родственнике в штабе флота? Что за секрет такой, о котором мне не следует знать?»

Замполит путался в своих догадках и от этого злился ещё больше.

Он косился на Кацапова, но завидев невозмутимое лицо старшины, у него сразу пропадало всякое желание выпытать хоть какую-нибудь информацию.

А дальше всё происходило, как в хорошей театральной постановке. В штабе их встретил оперативный дежурный и после недолгих поисков в журнале сообщил номер кабинета капитана второго ранга Афанасьева – земляка Кацапова, с которым должна была состояться встреча. Взглянув на табличку с фамилией на двери, Мишка утвердился в своих предположениях.

«Повысили в звании», – с одобрением отметил он про себя.

В кабинете он увидел мичмана Матуласа. Тот сидел за столом по правую руку от хозяина кабинета и о чём-то с ним беседовал. Когда в дверях появились замполит с Кацаповым, латышский великан поднялся первым и шагнул навстречу вошедшим.

– Братишка, леший ты мой, как я рад тебя видеть, – радостно воскликнул он, стиснув в объятиях Кацапова, и тихонько прошептал на ухо: – Называй меня Антоном, я твой брат.

Из-за стола поднялся Афанасьев. Пройдя навстречу Колющенко, пожал ему руку, пригласил присесть за стол.

– Братья давно не виделись, а тут такая оказия, – улыбнулся Афанасьев, возвратившись на прежнее место во главе стола. – Мичман на днях вернулся из автономки и узнал, что брат его давно загорает в бухте. Вот я и решил по старой дружбе организовать им встречу.

Замполит сначала тарацился на мичмана, пытаясь найти хоть малейшее сходство между ним и Кацаповым, затем перевёл взгляд на самого Афанасьева. Ему почему-то изначально казалось, что он оказался невольным участником какого-то скрытого представления, смысл которого раскроется с минуты на минуту. Словно уловив сомнения Колющенко, Афанасьев продолжил:

– Я и сам прихожусь твоему старшине дальним родственником, как принято говорить в таких случаях – седьмая вода на киселе. Мой род тянется из того района, откуда наш герой призвался. Там прошли все мои детские годы, там и сейчас проживают мои родители. По словам отца, прадеды Кацаповы и Афанасьевы были двоюродными братьями. Это сейчас родство в третьем поколении уже ничего не значит, а в те далёкие времена родственники до седьмого колена знали друг друга в лицо и сызмальства почитали свой род. О плотогонах Кацаповых в те годы знала вся округа. Так-то вот, товарищ замполит.

Чувствовалось, что Афанасьев растроган воспоминания-

ми о малой родине, но это состояние длилось не больше минуты. Хозяин кабинета быстро перестроился, восторженность и умиление одномоментно сошли с его лица. Взглянув на Колющенко, он сказал:

– А пригласил я вас, товарищ замполит, вовсе не для того, чтобы вы понаблюдали за встречей родственников. Я хотел, чтобы вы, как представитель партийных органов, стали свидетелем знаменательного события в жизни вашего подчинённого.

От последних слов у Колющенко непроизвольно вытянулось лицо. С приоткрытым ртом он уставился на главного особиста.

Афанасьев выдвинул ящик стола, извлёк оттуда красную коробочку, сказал.

– Указом Президиума Верховного Совета СССР главный старшина Кацапов Михаил Александрович за личное мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в условиях, сопряжённых с риском для жизни награждён медалью Ушакова. Медаль носится на левой стороне груди рядом с медалью «За Отвагу». Руководством флота мне поручено вручить тебе, главный старшина Кацапов, эту дорогую для каждого матроса государственную награду.

Афанасьев вышел из-за стола, шагнул к взволнованному Мишке, который стоял перед ним навтыжку, ещё не осознав до конца всего происходящего. Замполит и Мичман Матулас тоже застыли по стойке «смирно».

– Служу Советскому Союзу! – хрипло произнёс Мишка, чувствуя, как спазм перехватил горло, когда в его руках оказалась красная коробочка с медалью. Ему даже показалось, что коробочка была горячей и жгла ладонь.

Замполит стоял и ничего не понимал. Он прекрасно знал, что фамилия Кацапова не значилась в списке членов экипажа, отличившихся при устранении последней аварии на лодке, который он лично подписывал у командира корабля и отправлял вместе с рапортом в штаб флота.

Рот его приоткрылся, он хотел о чём-то спросить, но его опередил капитан второго ранга.

– Указ носит закрытый характер, потому и вручение происходит не перед личным составом лодки, а за закрытыми дверями. Награда прошла по линии управления по особым делам за подвиг матроса Кацапова при исполнении им интернационального долга в дружественной нам республике Египет.

– Но...

– Это в интересах неразглашения сведений о присутствии морских сил в портах Египта.

– Товарищ капитан второго ранга, по инструкции я обязан буду доложить об этом командиру, – сказал Колющенко.

– Раз обязан – доложи, – перейдя на «ты», снисходительно проговорил Астафьев.

Потом замполит был отпущен, в кабинете они остались втроём. День подходил к концу, Афанасьев неожиданно

предложил:

– Как вы смотрите на то, друзья мои, чтобы провести вечер у меня дома?

– Любое предложение командира на флоте рассматривается его подчинёнными как приказ, – с улыбкой во всё лицо проговорил мичман избитую фразу. – Не смею отказаться.

– А ты старшина? – спросил Афанасьев, сверля Мишку пронзительным взглядом. – Готов провести время с земляком в домашней обстановке? С кем же ещё тебе обмыть медаль, как не с близким другом и земляком в придачу?

Мишка растерялся и перевёл взгляд на Матуласа, как бы спрашивая совета. События были совсем неожиданными и развивались так стремительно, что у него голова шла кругом. Он не знал, как воспримет его решение замполит, не отправит ли потом на гауптвахту за такие лихие деяния? Отправляться туда на десять суток ему вовсе не хотелось.

– Прокручиваешь в голове реакцию замполита? – догадался Афанасьев, когда почувствовал внутренние колебания молодого земляка.

– Не то, чтобы...

– А ты, старшина, не думай ни о чём, – уверенно произнёс старший офицер. – Твоему замполиту я передам, чтобы он не терял тебя... дней так двадцать... без дороги. А сегодня переночуете с мичманом у меня.

Так главный старшина Кацапов познакомился со своим земляком – капитаном второго ранга Афанасьевым Викто-

ром Петровичем...

...Мишка вышел во двор и столкнулся нос к носу с Надеждой Аристарховой.

– Ворота были открыты... – споткнувшись на полуслове, растерянным голосом произнесла она, поразившись бравому виду Мишки.

– Так вот ты какая стала, Надежда Аркадьевна Аристархова! – воскликнул Кацапов, поразившись внешнему виду девушки. – Вчера впотьмах толком и не разглядел, насколько ты красива.

Надя действительно выглядела очень привлекательно. Нарядное платье василькового цвета с белым кружевным воротником и такими же обшлагами на коротких рукавах плотно облегло стройную фигуру, придавая ей определённую изящность. Пышные тёмные волосы, которые Мишка держал вчера в своих ладонях, и тугие груди, натянувшие до предела ткань, словно проверяя платье на прочность, придавали девушке обольстительный образ. Лишь незначительные внешние недостатки имелись у этого очаровательного создания: вызывающе вздёрнутый вверх носик, слишком прямые плечи и несколько коротковатая шея, унаследованные от квадратной фигуры отца. Но эти недостатки ничуть не умоляли достоинства Надежды.

От похвалы Надя смутилась, зарделась.

– Ну что же мы стоим? Пошли! Гости уже все собрались, – Мишка схватил девушку за руку, потянул за собой. В этом

момент он совсем забыл о Галке Красиковой.

А вот и мы! – ликующим голосом объявил он, появившись перед публикой с девушкой. – Знакомьтесь, друзья. Эту очаровательную девушку зовут Надя. Надя Аристархова. Она моя соседка, живёт через дом от нас.

Мишка обвёл взглядом гостей, посмотрел на родителей. Друзья, ещё минуту назад галдевшие наперебой, разом умолкли, раскрыв рты. Что больше их поразило – понять было невозможно. Или сам он, переодетый в форму с медалью на груди, или же появившееся из ниоткуда васильковая фея, которая залилась пунцовым румянцем и от сильного волнения судорожно сжимала его ладонь. Скорее всего то и другое. Вместе они смотрелись сейчас великолепно.

– С ней мы дружим с пелёнок, – встретившись взглядом с Галкой, оправдательным тоном добавил смущённый Мишка.

Первым пришёл в себя самозванный тамада Решетиллов.

– Опаньки! Вот так сюрприз! – воскликнул он. – Всего мог ожидать от лихого друга, но только не этого! Скажи мне кто-нибудь из вас накануне, что я увижу Кацапова с медалью на груди, да в придачу ещё за руку с очаровательной феей – ни за что бы не поверил. Ей богу!

Решетиллов вышел из-за стола, силой высвободил подрагивающую руку Нади из ладони Мишки, усадил растерявшуюся девушку на своё место, затем сам втиснулся на лавку рядом с ней и шутливо проговорил:

– Раз она для тебя всего лишь соседка, значит, у меня се-

годня есть шанс стать ей близким другом.

Мишка рассмеялся, прошёл к торцу стола и устроился рядом с родителями. Такой вариант его устраивал. Он чувствовал на себе жгучий взгляд Красиковой, от которого ему почему-то было неловко.

– Друзья, предлагаю тост, – перехватил инициативу в свои руки Хохряков, поднявшись за столом. – Уверен на сто процентов, что никто из вас не знает, что за медаль находится на груди Михаила. Угадал? Или кто-то сможет произнести сейчас её название? Есть такие?

– Нет, не знаем, – ответил за всех Решетиллов.

– Хочу сказать, друзья мои, что это не один из знаков воинской доблести, которых может добиться практически любой матрос срочной службы, если будет добросовестно исполнять свои обязанности на корабле, – продолжил Хохряков. – Таких у нашего друга тоже достаточно, стоит только взглянуть на правую сторону его форменки. Это медаль Ушакова – выдающегося морского адмирала. На флоте ею награждают за личное мужество и героизм, проявленные в боевой обстановке. Она сродни медали «За отвагу». И если мы видим такую медаль на груди нашего Мишани – значит он герой. Предлагаю выпить за настоящего героя!

– Ура-а! – крикнул Решетиллов, поднимая бокал. Его тут же поддержали остальные, и громогласный клич ушёл за дом, а там прокатился затихающим эхом по улице.

Прошло не более часа, как солнце выкатилось из-за кры-

ши дома и окатило стол жаркими лучами. Все гости в одно мгновение оказались на солнцепёке, будто румяные пирожки на горячей сковородке. Одежда тут же взмокла и прилипла к телу.

По одному-два человека они стали подниматься из-за стола, чтобы немного охладиться в тени или плеснуть в лицо пару пригоршней холодной воды, извлечённой из колодца для этой цели.

Родители, посидев немного для приличия, удалились в летнюю кухню, оставив веселиться молодежь одну.

Решетиллов с жалостью посмотрел на потные лица друзей и объявил перерыв в застолье. Девчата раздобыли у Василисы Марковны газеты, принялись обмахивать ими вспотевшие лица. Парни удались во двор на перекур, где Кацапов-старший организовал для них курилку, установив две маленьких скамейки с ведром воды посередине.

Надю приняли в свою компанию Людочка Округина и Катя Салькова. Они расположились под черёмухой и о чём-то весело болтали, отхлёбывая из кружек холодный квас, которым угостила их Василиса Марковна.

Галка не примкнула к девчатам, а принялась убирать со стола лишнюю посуду, продолжая стрелять глазами в сторону Михаила.

Из кухни вышел отец и поманил сына пальцем.

– У тебя медаль-то настоящая? – спросил он приглушённым голосом, когда Михаил перешагнул через порог, и по-

косился на открытую дверь.

– А какая же она может быть ещё? – рассмеялся Михаил.

– Ну, всяко бывает... – неопределённо отозвался Кацапов-старший. – Напрокат берут, к примеру, когда покрасоваться перед девками шибко хочется. Или подделки льют из свинца или олова...

По голосу чувствовалось, что ему будет не по себе услышать сейчас подтверждение своих слов.

– Бать, ты хоть слышишь сейчас, что говоришь? – Михаил пронзительно заглянул отцу в глаза. – Разве способен твой сын на такой дешёвый трюк? Не ты ли мне талдычил с детских лет, что жить надо по совести и без обмана? Что честность и справедливость должны стоять на первом месте?

– Ну, говорил... – признался отец. – Так ведь почти три года минуло, как ты живёшь в другом мире. Мог измениться. Домашний пёс и тот звереет, когда попадает в бродячую стаю. Ты ведь словом не обмолвился о своём Ушаке, вот я и подумал, что это забава у тебя такая. Для чего-то утаивал от нас с матерью свою награду? А тут в один момент – раз! И будто оглушил.

– Не переживай, батя, медаль моя настоящая, – заверил Михаил отца. – Я честно исполнил интернациональный долг, как ты когда-то в Монголии. За это и награждён. Об этом я планировал поговорить с тобой на рыбалке. Мы ведь сходим поудить рыбку?

– Обязательно, – подтвердил отец и глаза его потеплели.

Михаил сходил в дом, принёс коробочку для медали, в ней лежало удостоверение.

– На, убедись, Фома неверующий.

Отец развернул маленькую красную книжицу, нацепил на нос очки, принялся читать шёпотом. Мать с полотенцем на плече, вытянув шею, внимательно вслушивалась в слова.

В это время зашла Галка, принесла стопку высвободившихся тарелок, поставила на стол, и незаметно кивнула Михаилу головой, пригласив на выход.

Ему стало понятно, что у Красиковой есть к нему разговор не для посторонних ушей. Михаил проследил, как женщина, проходя мимо парней, направилась на улицу.

Спустя полминуты он отправился за ней.

– Мишаня, ты куда? – спросил Саша Атёсов. – Тамада требует продолжения банкета.

– Я сейчас вернусь, – сказал он. – Посмотрю расписание автобусов на остановке. Его в нашем посёлке меняют семь раз на неделе.

– А вы пока можете посмотреть вместе с батей удостоверение к медали, а то некоторые засомневались в её подлинности.

Михаил вышел за ворота на улицу, Галка стояла через дорогу, подпирая плечом тополь.

– Если у тебя вопрос ко мне – спрашивай. Если разговор – то здесь, дорогая моя женщина, не самое лучшее место для интимной беседы, – вежливым голосом произнёс Кацапов и

притворно улыбнулся.

– Пока вопрос. Но если твой ответ меня устроит – можно подумать и о разговоре.

– Валяй!

– Эта Надя – твоя девушка?

– Нет, она не моя девушка. Просто соседка. Ещё будут вопросы?

– Почему она вырядилась, как на свадьбу?

– Это тебе лучше у неё спросить.

– И всё же? Она так трепетно держалась за твою руку, а ты реально смущался, что мне подумалось, будто это твоя невеста.

– Она не прочь стать моей невестой, потому что влюблена в меня с детства, и ей очень приятно, когда я оказываю ей знаки внимания. Думаю, девушке просто стыдно явиться в гости к любимому человеку в домашнем халате и разбитых тапочках.

– Теперь понятно, – сказала Галка. – Тебе не хочется причинять боль влюблённой девушке, и ты её всячески потакаешь. Так?

– Я ей друг, и никогда не стану врагом.

– А мне ты кто? – в красивых глазах Галки сверкнули молнии.

– И тебе друг, – с невозмутимым спокойствием ответил Михаил. – Я часто тебя вспоминал, Галя, и по-прежнему отношусь с уважением. Но об этом у нас будет ещё возмож-

ность поговорить. А сейчас извини, мне надо посмотреть расписание автобуса и вернуться назад. Нас могут хватить-ся, и это уже будет не в нашу пользу.

Глава 13

Две с половиной недели ушло у Михаила на встречи с друзьями и родственниками. Один день пришлось выкроить на посещение родителей Афанасьева. Они проживали в маленькой деревушке в двух десятках километров от посёлка Лисьи Гнёзда. Их сын, капитан второго ранга, передал для них с оказией небольшую посылку и письмо в конверте. В качестве компенсации за эту услугу он щедро прибавил к отпуску Кацапова дополнительные десять суток.

Когда все запланированные встречи состоялись, Михаил, наконец, созрел для рыбалки. Шумные веселья с вином и водкой изрядно утомили его. Захотелось вдруг тишины и покоя.

– Ну что, сын, не пора ли сделать передышку? – спросил отец в начале второй недели отпуска. – Всех девок не перецелуешь, а водки больше ведра не выпьешь. Да и отпуск твой подходит к концу.

– Ты прав, батя. Пора на отстой, а то у меня в башке вместо крови муть бражная стоит, утомился я малость от ярости гармошки да звона стаканов.

– Знакомая песня, – усмехнулся отец. – Были когда-то и мы рысаками.

На следующее утро они отправились на рыбалку. К удивлению Михаила, отец выбрал совершенно новый маршрут.

Ранее излюбленными местами были омуты или перекаты в верховьях Усьвы, а в этот раз отец почему-то решил подняться по Чусовой до устья Шайтанки.

– Какая муха тебя укусила пуститься в те места? – спросил Михаил, не скрывая своего недовольства. – Туда чапать километров пятнадцать будет, не меньше. Это только от Архиповских барачков, и берег там крутой, с валежником. Кой-где придётся обходить скалы стороной, лезть наверх.

– Верно. И что? Ты, никак, разучился ходить ногами? – усмехнулся отец. – Раньше, помнится, мы с тобой пешкодралом и подальше ходили. И годков тебе было в два раза меньше.

– Тогда жизнь нас заставляла, на покос ходили. А сейчас-то ради чего ноги в задницу вбивать? – попытался переубедить отца Михаил. – Я там и мест-то рыбных не знаю.

– Вот и поищем вместе.

Михаил понял, что спорить с отцом бесполезно. Если тому втемяшилось в голову что-то – значит, отговорить уже никак не получится. Плавали, знаем. Значит у отца появилась какая-то тайная цель, смысл которой можно будет понять лишь по прибытию на место.

Утром, навьючив на себя объёмные рюкзаки, с удочками в руках, они с первым автобусом уехали в город. Там, пересев на другой маршрут, добрались до Архиповки, затем уже пешком миновали старые бараки, дачные домики, и побрели по правому берегу реки.

Сначала двигаться было сравнительно легко. Тропа была широкой, натоптанной. Потом, через несколько километров, она сделалась 'уже и окончательно пропала, идти пришлось узкой галечной полоской, которая то заходила в реку, и тогда нужно было брести по воде, а то вдруг обрывалась совсем, исчезая в тёмном омуте под размытым берегом. В этом случае приходилось вскарабкиваться на скалистую кромку берега и осторожно, цепляясь за кусты руками, обходить трудный участок поверху.

Преодолев одно из таких мест, Михаил не выдержал, съязвил:

– Стоило сюда переться, чтобы ползать по берегу на четвереньках по-обезьяньи? Тебе ведь уже не двадцать лет, и даже не сорок.

– За меня не беспокойся, я ещё не так стар, как тебе кажется, – не принимая критики в свой адрес, сказал отец. – Я таким же подобным путём когда-то прошёл вдоль Алдана почти триста километров. Причём, с пустым желудком.

– Тогда ты был молод и силён, и у тебя, наверняка, была цель. А для достижения своей цели человек способен на всё.

– Да, цель была. Выжить. За нами гнались бандиты.

– Что-то ты не рассказывал мне об этом, – удивился Михаил.

– Я тебе много чего не рассказывал.

– Почему?

– Потому что ты не интересовался моей молодостью, не

спрашивал, как я жил и чем дышал. Тебе это было не интересно. Но я тебя не укоряю и не виню, все дети такие.

– Ты прав, интерес возникает постепенно, когда у человека появляются взрослые проблемы, с которыми он не способен справиться самостоятельно. Ему приходится искать советы и тогда он вспоминает родителей. Задаётся вопросом: вдруг у них в жизни случилось нечто подобное? Вдруг имеется уже готовый рецепт?

Они вышли на небольшую отмель, галечник под сапогами шумно хрустел, будто недовольно урчал на людей, поправших извечную тишину этих мест. Берега, казалось, поменялись местами: скалы переметнулись на левый берег, а правый стал пологим, просторным и просматривался далеко вперёд.

– Ну вот, сейчас полегче будет шагать, – с облегчением выдохнул отец. – До поворота русла. Дальше скалы снова высунутся из земли и прижмутся к реке, но кромка берега останется широкой.

– Как ты всё помнишь? – спросил Михаил. – Сто лет твоя нога здесь не ступала.

– Не сто, а в половину меньше, – уточнил отец. – В двадцать четвёртом году я проделал впервые свой путь этим берегом. Только верхом на лошади. И прибрежная полоса была тогда шире.

Отец шёл впереди, Михаил двигался следом за ним, отстав на несколько шагов. Он крутил головой по сторонам, любуясь красотами пейзажа.

Солнце уверенно ползло к зениту, становилось жарковато.

Неожиданно отец остановился и обернулся. Михаил тотчас замер на месте.

– Сорок один год назад, в юле месяце, этим же самым путём шли под конвоем твои дед Марк и бабка Дуня. А мамку твою с дядей Иваном и другими мальцами в барже тащили по реке лошадьми, – сообщил отец и пристально заглянул в лицо Михаила. – Это я к тому, с какой целью потащил тебя сюда.

Воцарилось тягостное молчание, от которого Михаилу отчего-то сделалось неловко. Он не нашёлся сразу, что сказать в ответ. К стыду своему, ему до сих пор не были известны многие факты из жизни матери. Родители предпочитали молчать, он не спрашивал. Лишь перед отправкой на флот перед ним немного приоткрылся занавес семейной тайны. Это произошло в тот памятный вечер на летней кухне, когда отец давал наставления.

О том, что мать является дочерью кулака, высланного с Украины вместе с семьёй, а позднее осужденного, как враг народа, Михаил узнал раньше – случайно проговорилась ма-чеха друга. Он не стал выпрашивать у матери подтверждения факта, а просто замкнулся в себе, мучительно переваривая горькую новость. На душе стало гадко и противно от одной лишь мысли, что и в нём, стало быть, течёт кровь врага советской власти. А он совсем недавно стал комсомольцем, скрыв, оказывается, своё истинное лицо. Обманул дове-

рие товарищей, давших ему рекомендацию для вступления в комсомол.

Подтверждение слов мачехи друга, у которой язык был, что помело, произошло неожиданно. Спустя некоторое время предстояло получение паспорта. Мишка принялся собирать различные справки. Тут-то и выяснилось, что настоящая девичья фамилия матери вовсе не Ярошенкова, как было указано в её свидетельстве о рождении, а украинская Ярошенко. Жирной и потной тётке в ЗАГСе почему-то не понравился маленький дубликат свидетельства о рождении матери на кусочке серой бумаге размером в папиросную пачку, датированный мартом пятидесятого года. Она долго рылась в каких-то пыльных архивных папках и обнаружила несоответствие. Взглянув на Мишку недовольным взглядом, тётка стянула очки с мясистого красного носа и презрительно процедила:

– Подложный документ у твоей мамки. Скрыть она пыталась свою принадлежность к чуждым элементам общества, но у неё этот фокус не удался. Так и передай своей мамке.

Тётка взяла ручку, обмакнула её в баночку с чёрной тушью и зачеркнула в трёх местах жирной линией две последние буквы. Затем подула на исправления, приписала рядом «исправленному верить», поставила свой автограф и шлёпнула печатью.

– Хохлушка у тебя мамка, из раскулаченной семьи. Чёрное пятно в биографии не ручкой выправляют, а преданно-

стью партии и народу доказывают.

Мишка схватил все справки и пулей вылетел из кабинета. Сердце его бешено колотилось от унижения, кровь гулко стучала в висках.

Домой он вбежал так стремительно, будто за ним гнались невидимые хищники, и швырнул свидетельство на стол перед матерью.

– Зачем ты так поступила!? – гневно вскричал он. – Зачем скрывала от меня всё это!? Меня унизили, я готов был провалиться сквозь пол от стыда!

– Постой, постой, о чём ты сейчас говоришь? – мать схватила сына за руки, попыталась привлечь его к себе, успокоить. Мишка вырвался, отскочил от неё.

– Зачем скрывала, что ты не русская, а хохлушка, дочь кулака и врага народа!? Думала, я не узнаю?

– А ну прекрати кричать! – приказала мать, подступая к Мишке. Ладони её сжались в кулаки. – Сядь немедленно!

Мишка нехотя подчинился, сел на табурет. Мать придвинула стул, села напротив него.

– А теперь слушай.

И она уже спокойным голосом рассказала коротко о том, как происходила коллективизация, о которой в учебниках не написано ни единой правдивой строчки, что произошло с её семьёй, о страшном голоде и попрошайничестве, о доносах в НКВД, арестах, жестоких тройковых судах, полном беспорядке и постоянном страхе за судьбы родных и близких.

Он этого не знал.

– Как видишь, я ничего перед тобой не скрываю, – закончила мать своё повествование. – Просто мы с отцом хотели рассказать тебе после совершеннолетия. Тогда, когда ты будешь способен правильно оценивать поступки родителей. Но ты повзрослел раньше, чем мы думали.

Мишка посопел немного и, насупившись, молча вышел из дома.

Злость на мать не проходила ещё долго. Какими бы убедительными и оправдательными не прозвучали её слова, его отношение к ней перестали быть прежними. Какая-то невидимая черта пролегла между ними. Он не хамил и не грубил матери, по-прежнему послушно исполнял все её поручения по дому, на все вопросы отвечал ровно и спокойно, но уже не улыбался мило в ответ и не отвешивал шуточных комплиментов. Сомнения закрались в душу. Невозможно было одним днём избавиться от тех знаний истории, которые вложили в него советские книги.

– И сколько их было всего? – после затянувшейся паузы напомнил о себе Михаил, вновь шагая за отцом.

– Кого?

– Ну, раскулаченных этих...

– Много. Но тебе лучше у матери спросить об этом.

– Спрошу.

Они опять замолчали и шли долго, не разговаривая.

– До Шайтана пойдём, или затишок какой присмотрим,

где рыбка водится? – нарушил молчание отец.

– Тебе лучше знать, ты ж у нас Сусанин, – подковырнул Михаил отца. – Веди, куда нацелился.

– Тогда дойдём до скалы, где я рыбачил в те времена, когда бараки строил. Под камнем в те годы водилась всякая рыба – и язь, и окунь, и щука.

– Ты решил показать мне бараки, которые построил в молодости?

– Хотел посмотреть, что от посёлка осталось. На базаре знакомого как-то встретил, так он сказывал, будто на месте селения одни развалины виднеются.

– А что вдруг потянуло тебя развалинами полюбоваться? Или надеешься клад отыскать?

– Дурак ты, Мишка, всё-таки, хотя и вымахал выше меня ростом. Разве можно любоваться пепелищем людского очага? Можно ли радоваться разрушенному гнезду? Удивляюсь я, как могла появиться такая паскудная мысль в твоей зрелой голове?

– Об этом я как-то не подумал, – чистосердечно признался Михаил. – Прости.

– А ты, сынок, научись не путать местами язык с мозгом, тогда и прощения просить не придётся.

– Не понял?

– Что тут непонятного? Сначала подумай хорошенько, а потом давай волю языку. Так-то вот. А вообще-то, по правде говоря, засвербело у меня побывать в том месте, отку-

да начиналась просека всей моей жизни. Повспоминать, поразмышлять у костерка, заодно поучить тебя уму-разуму, да поведать о том, чего ты ещё не знаешь. Нужно успеть раскрыть перед тобой все семейные тайны. Это не прихоть, это долг каждого родителя перед своим чадом. Каждый человек должен знать свое родословие со всеми подробностями. По крайней мере я так понимаю. Ты вот после службы морской взовьёшь хвост трубой и умчишься в неведомые края. Ничего другого не останется мне, как вспоминать лишь, что сына моего Мишкой звали.

– Слова у тебя какие-то заунывные, батя, – усмехнулся Михаил. – Ты же сам недавно сказал, что ещё не стар и крепок. Думаю, не раз ещё поудим рыбку, поразмышляем о жизни.

– Может и не стар, может и поудим ещё. Только вот вряд ли подвернётся случай сходить в Шайтан. Один-то я не осмелился бы сунуться сюда даже сейчас. Места здесь глухие, опасно одному. Случись что со мной – никто не поможет. А навестить это место я просто обязан.

– Почему?

– Не торопись вопрошать, а торопись слушать, – ответил отец загадочно и умолк надолго.

До Шайтан-скалы они добрались во второй половине дня. Пока шли, несколько раз останавливались на привал. Жара взмывала им спины, пот застилал лица, с упорным постоянством одолевали комары-кровососы. Отец не выдерживал

первым. Он сбрасывал на землю рюкзак, снимал потную рубаху, затем подходил к воде и с какой-то яростью плескался в ней. Михаил заходил в реку ниже по течению, швырял воду пригоршнями в лицо и на грудь, не взирая на то, что был одет, и громко постанывал от блаженства.

Скалистый берег, до которого добрались Кацаповы, был высок и недоступен для подъёма. Нагретый жаркими лучами солнца, камень источал тепло, как стена хорошо протопленной печи.

– Вот здесь я и удил по вечерам, – с ностальгическим оттенком в голосе произнёс отец, снял рюкзак с плеч и поставил на землю. – И мечтал о будущем.

– Значит, здесь и поставим наш вигвам.

– Как ты сказал? – переспросил отец.

– Вигвам, говорю, поставим, – улыбнулся Михаил. – Так индейцы хижину свою называют. Большой шалаш по-нашему.

– А-а, – протянул отец. – Как юрта у якутов, значит?

– Примерно. Разве ты не слышал об индейцах?

– Нет, и ни к чему мне знать о них.

– А зря, – сказал Михаил. – Удивительный народ. С какой отвагой и самопожертвованием эти люди боролись за свою свободу и независимость! Читаешь и поражаешься их смелости и отваге.

– Э-э, индейцы, – презрительно проговорил отец. – Вот как бьётся русский мужик за свою землю – твоему индей-

цу и представить трудно! Ежели ты ещё не усвоил, то я тебе скажу: ни один из существующих на земле народов не наделён от природы такой храбростью, как русский. За всю свою историю он не проиграл ни одной крупной битвы. И восхищаться надо не каким-то индейцем, а простым русским мужиком.

– Тут я с тобой согласен, – сказал Михаил. – Храбростью и смекалкой русского солдата восторгаются даже вражеские генералы. Только вот русские командиры, к сожалению, не всегда ценят по достоинству своего солдата и не берут с него пример.

Дискуссия прервалась, потому что отец взял в руки топор и, ни слова не говоря, направился куда-то вдоль берега.

– Бать, ты куда?

– Одно местечко надо проверить. Скоро вернусь. Ты пока разбирай монатки, – ответил отец, не оборачиваясь.

Михаил занялся обустройством обиталища. Нарубил веток и тонких жердей, наломал пихтового лапника, нарезал ножом кучу травы.

«Куда он запропастился?» – спустя некоторое время с тревогой подумал Михаил, намереваясь пойти на поиски отца. Но тот сам вынырнул вдруг из-за деревьев, радостно сообщил:

– Нашёл я её! Совсем неприметной стала.

– Что ты нашёл?

– Могилку, ради которой и шёл сюда.

– Ты, батя, как всегда не перестаёшь удивлять меня, – про бурчал недовольно Михаил. – Ушёл, не сказав ничего, и куда-то надолго запропастился. Я тут не знал, что и подумать. Начал переживать за тебя, хотел уж было идти за тобой, а ты, значит, всё это время занимался поиском чьей-то заброшенной могилки? Нельзя было сказать мне об этом сразу? Неужели так приспичило, что нельзя было отложить ходку на завтра?

– Нельзя, сынок, никак нельзя. В сумерках её не отыскать, а завтра с утра может пойти дождь. Ползать по угору на карачках мало приятного. Можно и в реку скатиться.

– Чья хоть могилка? Можно узнать?

– Я и сам не знаю фамилии этой старухи, – ответил отец. – Совесть загрызла меня после того, когда она во сне ко мне вдруг явилась. Аккурат перед твоим приездом и приснилась. Без малого пятьдесят лет я о ней не вспоминал, а тут в образе ведьмы напомнила о себе. Я ей слово дал в двадцать четвёртом году, поклялся можно сказать, что исполню просьбу после смерти, и, получается, оплошал, не сдержал обещания.

– Вот те на! Ведьма, могила. Мистика какая-то!

– Ладно, потом расскажу. А сейчас давай обживаться. Вицы хорошо вогнал? Связал прочно? Не вырвет ветром? – отец потряс вогнанные в землю толстые ивовые прутья, изогнутые дугой в верхней части, проверил прочность связки концов между собой.

– Молодец, – похвалил отец. – Не забыл моё учение, од-

нако.

Он сразу включился в работу. Вдвоём они быстро изготовили шалаш, накрыв прутья травой и настелив внутри толстый слой лапника. Потом отец взялся за подготовку к рыбной ловле, а Михаил принялся стаскивать к шалашу со всей округи валежник и сухой хворост. У кромки воды подобрал несколько колечек старой бересты, выброшенной на берег ещё в половодье.

Когда наступил вечер, у них всё было сделано. Прикорм для рыбы, втиснутый в продырявленный носок, покоился на дне реки, несколько удилищ замерли в развилинах, воткнутых в кромку берега.

Михаил разжёг костёр, подкатил к нему две чурочки для сидения.

– Ставь чайник, – распорядился отец. – Кишки хоть смочим – урчат после жалкого перекуса, как ненасытная собака. Уху-то, пожалуй, придётся перенести на завтра. Ничего мы пока с тобой не выудили. Долгонько сюда добирались, упустили время.

– Можем и вовсе остаться без ухи, – усмехнулся Михаил. – Тут ведь как повезёт. У рыбы тоже глаза имеются. Ей хорошо видно из воды, какой сегодня рыбак устроился на берегу. Не понравиться ты ей – никакой приманкой не соблазнишься. Уйдёт от вонючего носка, как можно дальше.

– Мастак ты на колкости, как я посмотрю. Хлебом не корми – дай шило в бок воткнуть. Ну да и я не лыком шит.

На случай неудачи я бросил в рюкзак несколько банок рыбы под названием «тушёная говядина». Замечательная уха из неё получается, доложу я тебе. Наваристая, – изрёк отец с серьёзной миной на лице.

– А ещё что в твоём мешке припрятано? – прищурился один глаз, спросил Михаил.

– Картошка, хлеб, огурцы, кусочек сальца, варёные яйца, пять луковиц, луковое перо, лавровый лист, соль и сахар, – закатив глаза вверх, перечислил отец, так и не улыбнувшись.

– И всё?

– Всё.

– Прямо-таки всё-всё?

– А что ещё тебе нужно?

– Будто ты не знаешь, отчего уха становится особенно вкусной?

– Ох и хитрющие у тебя глаза, Мишка, – рассмеялся отец. – Точь-в-точь, как у шельмы.

Он запустил руку в рюкзак, извлёк бутылку водки, протянул сыну со словами: – На, сунь в реку, пусть остывает. К ужину охладится, надеюсь.

Отец поводил головой по сторонам, затем остановил свой взгляд на Шайтан-скале. Солнечный диск уже коснулся нижним краем верхушек деревьев, растущих наверху. Внизу под скалой легла широкой полосой серая тень.

– Совсем скоро мы с тобой попадём в фиолетовый мир, – неожиданно проговорил он, присаживаясь на чурочку у ко-

стра, крайне удивив сына столь странными словами. На его лице расплылась умиротворённая и счастливая улыбка. На какой-то миг Михаилу почудилось, что отец необъяснимым образом вдруг превратился в сказочного старика-лешего, о которых он так много читал в детстве. Только без бороды. Казалось, ещё мгновение и отец, перевоплощённый в лешего, взмахнёт хворостиной, что была у него в руках, как волшебной палочкой, и окружающий мир действительно превратится в прекрасное фиолетовое царство с синей рекой и изумрудными скалами.

– Ты сказал – фиолетовый мир? – спросил он отца.

– Именно так. Ты думаешь, твой отец чудит или сошёл с ума? Вовсе нет. Скоро сам всё увидишь. Солнце сейчас уже не сверкает золотом, как днём. Видишь – оно сделалось красным, а над ним зависла тучка. Как только оно упадёт за скалу – пихты и ели сразу станут фиолетовыми, и всё вокруг тоже приобретёт фиолетовую окраску. Это будет продолжаться до тех пор, пока красный шар не спрячется в тайге.

Михаил, как замороженный мальчишка, стал наблюдать за горизонтом. Он словно поверил в обещанную сказку и с нетерпением ждал чуда.

И оно произошло. Последние красные лучи солнца, пробиваясь сквозь синюю тучку, стали вдруг фиолетовыми, обратив в один миг и тайгу и всё пространство вокруг в фиолетовый мираж.

– Красота-то какая! – восторженно произнёс Михаил и

посмотрел на отца. Лешего он уже больше не увидел. Перед ним сидел пожилой человек со счастливой улыбкой на лице.

Картошка сварилась, Михаил выскреб из банки тушёнку, опустил в котелок, помешал ложкой. Чайник вскипел. Отец затолкал в него пучок зверобоя. На брезентовом плаще, растеленном на земле уже лежали варёные яйца, пучок зелёного лука, кусок мелко порезанного сала на четвертинке газетного листа, разрезанный вдоль на две части свежий огурец, и два крупных ломтя чёрного хлеба.

– Ну и? – вскинул головой Михаил, с улыбкой посмотрев на отца.

– Что «ну и»? Лезь в воду, неси зелье.

Пока Михаил лазил в реку, отец разлил в алюминиевые миски «уху», поставил на землю.

– Ну, батя, за рыбацкое счастье, что ли? – сказал он, протягивая свою кружку навстречу кружке отца.

– За удачу.

Они выпили, отец принялся хлебать нехитрый походный суп из говяжьей тушёнки в прикуску с луковым пером. Михаил уминал за обе щёки солёное домашнее сало.

– На угоре похоронена бабка, у которой я был квартирантом, когда бараки строил. Не знаю точно, сколько ей было лет в то время, но, на мой взгляд, возраст приближался к столетию, – без напоминания начал свой рассказ отец. – Она жила обособленно, ни с кем не общалась. Другие староверы стороной обходили её избу. Сказывали, будто её вера была

какого-то иного течения или толка. Я в этом ничего не смыслю. Да и общаться-то было практически не с кем – всего четыре избы в устье Шайтанки стояло. Ссылные-то были поселены в Верхнем Шайтане. Её развалюха пятой была, торчала на отшибе. Там поставил своё жилище её дед. По словам старухи, он скрывался здесь от царя.

– Не рассказывала, за что попал в немилость правителя? – спросил Михаил.

– С Емелькой Пугачёвым, говорит, за одно был. Потом, когда бунтаря схватили – подался в бега. Дошёл до этих мест и остановился. Река ему наша глянулась, а главное достоинство – глухомань. Одна дорога – река.

– Но избу поставил на всякий случай ближе к лесу, – усмехнулся Михаил. – Чтоб легче смыться в тайгу, если жандармы нагрянут.

– Наверно.

– Как же она одна жила? – удивился Михаил. – По-моему, здесь и мужик-то не каждый сможет прокормиться.

– Так и жила. Огородик у неё маленький был. Кур держала. Соль, сахар, спички на царские монеты меняла.

– Золотые монеты?!

– Дедово наследство, видать. Дар Пугачёва

– Вот это история! – воскликнул Михаил. – Как из книжки взятая.

Отец с усмешкой посмотрел на сына. Потом поёрзал немного на чурочке, погладил усы, продолжил:

– Она и мне дала немного тех самых золотых монет, за это и слово с меня взяла, что после её смерти я на могилке крест восьмиугольный поставлю. Добротный, из лиственницы, с крылышками по верху. Такой же, как у её деда. Я ему воздвиг за её монеты, ей крест этот очень понравился.

– Почему только на дедовой могиле установил? Остальные родственники, что, не заслужили? – съехидничал Михаил.

– Сгинули где-то мать с отцом. Ушли в город по неотложным делам и не вернулись. Так вот она и осталась одна.

– А её бабка?

– А бабка не дошла до Шайтана, когда ещё они с дедом бежали от жандармов. Умерла в дороге. В пути её и схоронили.

– Да-а, печальная история, – протянул Михаил. – Но ты почему не поставил ей крест, как она того хотела?

– Потому что не смог, – с сожалением признался отец. – Смерть пришла за ней, когда меня в армию забрали. А когда вернулся – голод свирепствовал, не до старухи было.

– А потом что?

– Потом я был в Якутии – золотишко мыл на Алдане, потом воевал в Монголии, потом отбывал пять лет на Печоре. А потом... потом у меня появилась семья, старуха выпала из памяти, и я про неё забыл.

– Почему ты назвал старуху ведьмой? – поинтересовался Михаил. Захватывающая история закончилась, а ему хотелось её продолжения, он принялся выпрашивать подробно-

сти.

– Старуха кержачкой была. Икона у неё в избе имелась, молилась она перед ней двуперстием, сам видел. Но по ночам иногда с ней странные вещи происходили.

– Какие? – встрепенулся Михаил, предвкушая продолжение интересной истории.

– В полночь на могилку деда ходила. Правда, редко такое случалось. Но однажды я видел её самолично. Луна стояла на небе во весь диск, яркая. Светло вокруг. Старуха вышла из избы – глаза мерцают в лунном свете, будто уголья в них вставлены, волосы взъерошенные, торчат в разные стороны, в руках суковатая палка. Чистая ведьма. Такой вот и приснилась она мне недавно.

– Для чего она ходила на могилу?

– А я почём знаю?

– И всё?

– И всё. Конец истории. Завтра наверх слазаем, там я лиственницу присмотрел, поможешь свалить и обтесать. Крест я сам излажу. Потом вкопаем вместе. Лады?

От горячей похлёбки и выпитой водки Мишку слегка разморило. Ему стало хорошо и покойно. Он встал, подошёл к удочкам, проверил наживку, подёргал за шнур прикорм. Всё было в норме, а поклёвок не наблюдалось. Хотя то тут, то там, крупная рыба шумно плескалась, выбрасывалась из воды, заглатывая над поверхностью мошкарку.

– Хороша Маша, да не наша, – сказал отец, когда Михаил

вновь устроился на чурочке против него.

– Не печалься, батя, всё только начинается. Просто наше время пока не наступило. Наберись терпения, подожди немного, и рыба будет у нас в садке. Много рыбы будет.

– Трепло ты, Мишка, – без осуждения, а скорее наоборот, с некоторым даже одобрением в голосе произнёс отец. – На флоте выучился кривляться?

– А где же ещё? На флоте без шуток нельзя. Особенно на лодке, когда два-три месяца не видишь простых вещей. Ни домов тебе и ни людей, ни деревьев, ни снега, ни травы. Ничего привычного для глаза. Одни трубы, агрегаты и провода вокруг них. Я уж не говорю о женщинах. Вот и приходится прикалываться друг над другом, чтобы не впасть в депрессию, – со вздохом пояснил Михаил.

– Скажи, сын, а что у тебя с нашей соседкой? – спросил отец.

– С Надюхой что ли?

– Ну, да.

– А что у меня с ней? – Михаил неопределённо передёрнул плечами. – Ничего существенного. Вместе проводим время, только и всего.

– Не морочь мне голову. Сам видел, как она у тебя на шее висела и в глаза заглядывала, а потом ещё и поцеловала, – сердито произнёс отец.

– Так ведь она меня поцеловала, а не наоборот. При чём, в щёку, а не в губы, в знак благодарности. Ты не переживай,

батя, внука в подоле она тебе не принесёт. Зуб даю.

– Тогда зачем мозги пудришь девке?

– Это допрос?

– Понимай, как хочешь. В моём понятии, если парень не любит девку – должен сказать ей об этом прямо и оставить в покое. Чтобы не втемяшилась ей в голову мысль о замужестве и других женских штучках. Так будет честно и правильно.

– Я так и поступил. Сказал честно и открыто, посоветовал не липнуть ко мне репейником, – Михаил, не моргая, смотрел в глаза отца и улыбался. – Всё в рамках твоей школы.

– И что?

– А ничего. По настоятельной просьбе соседки, как ты изволил выразиться, провожу с ней свободное время. Любит она меня и ей приятно быть со мной. А мне что? Я парень свободный, приехал отдыхать. Принял её предложение. Ходим, бродим вместе, развлекаемся, как можем. Что в этом плохого? Никаких претензий друг к другу. Вопросы ещё будут? Или тема закрыта?

Отец громко засопел, схватил палку и принялся зачем-то ворочать угли в костре. По его бессмысленным действиям чувствовалось, как внутри у него бурлило негодование. Он явно был недоволен бесшабашным поведением сына, его язвительным ответам, но главное, не мог понять странных, по его мнению, и безответственных отношений между молодыми людьми. В пору его молодости такие отношения были

недопустимы.

– Как-то не по-человечески у вас всё это происходит, – шумно выдохнув, произнёс отец. – Бесстыдство какое-то, ей богу. Я таких отношений не понимаю.

– В нашей жизни, батя, много чего происходит не по-человечески. Как во взаимных общениях людей, так и в отношениях власти к конкретному человеку. Иногда мне кажется, что я многого не понимаю в этой жизни, – тяжело вздохнул Михаил. – Ты вот до сих пор внушаешь мне, что нужно поступать честно, откровенно, по справедливости. Я всегда стараюсь придерживаться твоих правил, но иногда чувствую себя белой вороной в чёрной стае.

– Это не мои правила, – поправил отец. – Это правила жизни.

– Хорошо, пусть это будут правила жизни. Но тогда и сама жизнь, само общество во главе с властью, должны быть справедливы по отношению к человеку, который следует установленным правилам. Иначе у человека теряется смысл соблюдения этих правил. Не так ли?

– Возможно, – не совсем уверенно сказал отец. Он не мог понять, к чему клонит его сын.

– Почему сейчас, куда ни глянь, царит несправедливость и бесправие? Люди врут, обманывают друг друга, стремятся нахапать побольше, повкуснее пожрать. Почему так происходит? Я думаю, потому, что нашей власти наплевать на всё, что творится в душе каждого человека. Её представите-

ли первыми нарушают свои же правила.

– Тебе кто-то прищемил хвост?

– Почему ты так решил?

– Вижу. Иначе ты бы не задавался таким вопросом.

О справедливости задумывается лишь обиженный человек. Счастливому незачем задаваться вопросом о равенстве и справедливости. У него в голове кружатся совсем другие мысли, – рассудил отец.

Михаил встал, походил у костра, размышляя над словами отца, взвешивая про себя их значимость, затем опустился на корточки рядом с отцом, повернулся к нему лицом.

– Ты прав. До службы мне никто не прищемлял хвост. А если кто и осмеливался это делать – тут же получал сдачу. Конфликт разрешался быстро и просто. В армии сдачи кулаком не отвесишь, приходится сдерживать себя, иначе можно угодить под трибунал и отправиться в дисциплинарный батальон. Вот когда тебя начинает трясти от незаслуженного унижения – тут-то и появляются мысли о несправедливости. Лежишь после отбоя в кровати и размышляешь, как с достоинством ответить обидчику, не нарушив закон.

– С властью тягаться трудно, можно даже сказать, невозможно. Кулаком по морде не съездишь, а другие способы дать ответ в одиночку обречены на провал, – усмехнулся в усы отец. – Тут гибкость нужна и терпение. Возьми, к примеру, твоего деда Марка. Попробовал он не подчиниться требованиям власти, пошёл напролом. Что получилось в ито-

ге? Разорение крепкого хозяйства, ссылка, а затем десять лет колонии по ложному доносу. А его семья вон там, наверху, – отец поднял над головой большой палец, – начала отсчёт дням своей бесправной кочевой жизни. Рассказала тебе мать, как они мыкались по глухим посёлкам?

– Рассказывала, – пробурчал Михаил.

– Справедливость – это истина, правда. Она не доступна для сиюминутного понимания. Иногда проходят десятилетия, а то и сотни лет, прежде чем эта правда найдёт реальное отражение в умах людей. Так было, так есть, и так будет всегда, – убеждённо сказал отец. – Справедливость, как и равенство между людьми, нельзя развесить на весах, а затем поместить в головы обиженных и обидчиков. Не существует в мире такого весовщика, который бы справился с подобной задачей. У каждого человека своя правда, и справедливость люди понимают по-разному.

– Поражаюсь я твоим умозаключениям, батя, – с оттенком восхищения в голосе сказал Михаил. – Четыре класса образования, а льётся из тебя, как из уст мудрого философа.

– Ну, коли так, тогда давай, исповедуйся перед отцом, чем тебе не угодили отцы-командиры?

– Почему ты думаешь, что мне в душу плюнули офицеры, а никто другой?

– Э-э, сынок, будто я тебя не знаю. С рядовым матросом ты бы разобрался без советчика, я ничуть не сомневаюсь в этом. А тут, видать, твоё сердце ошпарил кипятком кто-то

из командиров.

Михаил с грустью взглянул на темнеющий горизонт, словно где-то там, в сером мареве небес находился тот самый невидимый советчик, который мог бы подсказать ему в эту минуту, как поступить. Стоит ли делиться с отцом о своих терзаниях после возвращения из Египта или же умолчать, сделать вид, что с моральным духом у него всё в порядке? Что никто не плескал на его сердце кипятком, в душу ему никто не плевал, а сам он не посыпал себе голову пеплом.

– Да, батя, было дело, – решился на откровение Михаил. – Хреново со мной обошлись. Я ведь не зря сначала умолчал о медали. Скверное настроение у меня становится, когда я её вижу. Потому и лежит на дне сумки.

– Вот те раз! – воскликнул с удивлением отец. – Ну, ну, рассказывай давай, в чём собака зарыта!

– Эта медаль вроде моя, и вроде как не моя...

– Что за ерунду ты несешь? Что значит: вроде как не моя. Есть удостоверение, номер медали, указ, в котором чёрным по белому прописано, за что ты награждён, что не так-то?

– Понимаешь, батя, всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что по прибытию на Север, я не попал сразу на лодку. Субмарина, на которой мне предстояло служить, затонула в море. Меня отправили в командировку в Египет. Там шла война между Египтом и Израилем. Я исполнял интернациональный долг, как когда-то ты в Монголии. Случилось так, что по пути на базу наш автомобиль по-

пал под бомбёжку израильской авиации. Водитель был убит, двух командиров, которые были в машине, тяжело ранило. Я спас их, доставил на базу. Ещё сумел сохранить секретные документы и оборудование. Они могли попасть в руки противника.

Отец слушал, приоткрыв рот от изумления. Руки его мелко дрожали. Ему было страшно от одной мысли, что его единственный сын, его любимец Мишка мог погибнуть, как тот водитель, о котором он обмолвился, мог остаться в песках далёкой и незнакомой пустыни.

– Почему ты сразу мне не рассказал? – спросил отец дрогнувшим голосом. – Матери мог бы не рассказывать – оно понятно, но мне-то почему не доверился?

– Потому что миссия моя в Египте была нелегальной, секретной. На нас даже форма была арабская, без знаков различия. Я и сейчас не имею право говорить с тобой о своей командировке.

– Ну и не говори ничего лишнего, – простодушно предложил отец. – Я всё равно в твоей технике ничего не смыслю. Расскажи мне, что тебя гложет, почему стыдишься своей медали?

– Один из командиров, которого я спас, был военным советником. Большой чин по военным меркам. Он сказал, что я совершил подвиг, и написал ходатайство о представлении меня к ордену Красной Звезды.

– И ты затаил обиду на то, что получил не ту награду? –

глядя на сына в упор, спросил отец.

– Нет, здесь всё намного сложнее.

Михаил замолчал, сглотнул накопившийся горьковатый комок в горле, уставился в пляшущие языки пламени. Перед глазами всплыли события двухгодичной давности...

... У капитана второго ранга Афанасьева они с мичманом Матуласом провели оба выходных дня. Хозяин сначала угощал коньяком, потом, когда коньяк закончился, перешли на спирт – «шило». На флотском языке его иногда называют более изысканно – напиток «ворошиловский». Расшифровывается – ворованное шило.

За два дня они проговорили обо всём на свете. Мишка узнал, почему мичман Матулас находится в теплых неуставных отношениях с капитаном второго ранга.

Выяснилось, что у Антонаса был старший брат Вацлав, который проходил срочную службу под командованием Афанасьева. В одном из походов на лодке произошла авария, погибло несколько матросов, одним из которых был брат Антонаса. Ценой своей жизни он спас командира. Афанасьев остался жив.

Виктор Петрович рассказал о своём детстве, которое прошло в деревне. С упоением вспоминал, как ходил в гости к родственникам по случаю престольного праздника в Антыбары – родной деревни отца Кацапова. Как позднее, уже повзрослев, охотился на лося, как отстреливал размножившихся и обнаглевших от голода волков, за что получал шед-

рое вознаграждение. И как однажды зимой, уже вовремя отпуска, осмелился разбудить медведя в берлоге. Шкура косолапого до сих пор находится в родительском доме, и Михаил, когда посетит их дом, может лично убедиться, что это не просто байка, а настоящий охотничий трофей, который можно потрогать рукой.

Отвечая на многочисленные вопросы земляка, Михаил доложил о всех изменениях, происшедших в родном крае за последние годы.

Утром второго дня Афанасьева вызвали по какому-то срочному делу на службу. Михаил остался вдвоём с Матула-сом.

– Почему ты не спрашиваешь об ордене? – спросил мичман.

– А чего спрашивать? И так всё ясно.

– И что тебе ясно?

– Представили к «звезде», получил Ушакова. По меркам штабной крысы подвиг оказался не таким героическим, как его оценил военный советник.

– Не совсем так. Рапорт советника затерялся где-то в пути. Когда я попросил Виктора Петровича подключиться к розыску, выяснилось, что в штаб флота ходатайство действительно не поступало. Афанасьев по своим каналам связался с советником, попросил продублировать. Тот после командировки в Египет пошёл на повышение и был переведён в Москву. Дела рядового матроса ему уже стали по барабану.

– Отказался оформлять повторно?

– Отказался, сославшись на то, что долг свой он исполнил, рапорт написал и отправил. Исправлять грехи почты не намерен. Раз затерялся первый рапорт, то и второй, по его словам, может постичь подобная участь. Пустую работу он делать не намерен.

– Отыскался рапорт? – полюбопытствовал Михаил.

– Нет. У меня сложилось впечатление, что кап-два его вообще не отправлял.

– Не может быть, – не поверил Михаил. – Мне военный советник показался порядочным офицером.

– Может-не может – чего теперь гадать? Это юные девицы могут себе позволить выдёргивать лепестки из ромашки и прыгать от счастья от глупого результата. Моряки обязаны опираться на факты. Короче, когда стало понятно, что от советника не будет поддержки, Петрович предложил мне написать рапорт от своего имени.

– Написал?

– В тот же день.

– И что? Сработало?

– Хрен на постном масле. Не стали рассматривать мой рапорт.

– Почему?

– Длинная история, Мишаня. Не думал я, что политуправление – это большой муравейник бюрократов. Снуют по коридорам с бумагами в руках, создают видимость своей зна-

чимости. А на деле вся их работа – один пшик. Недалёкие людишки с миражами коммунизма в башке и оторваны от реалий жизни. Один партиец принялся утверждать, что второй рапорт нельзя принять, потому что где-то существует первый. Если он обнаружится – может произойти накладка, и тогда его выпрут из штаба. Хотя, по моим понятиям, одно другого не исключает. Объект рассмотрения не меняется, и две «звезды» одновременно тут не прокатят. Во второй инстанции пояснили, что в штабе флота нет документального подтверждения нашего инцидента в Египте. Этому крючкотвору нужен документ, который подтверждал бы, что в том квадрате действительно имел место случай бомбометания израильского истребителя по нашей станции.

– Чушь какая, – зло усмехнулся Михаил. – Откуда может взяться такой документ? В пустыне мы были одни, в том квадрате даже зенитчиков не было.

– Я ему сказал примерно то же самое.

– И что?

– А ничего! Выслушал он меня, затем выдал такую ересь, от которой я долго плевался.

– Предложил поискать свидетелей? – рассмеялся Кацапов.

– Ну, нет, конечно, но что-то в этом роде.

– Как отреагировал Петрович?

– Выругался матом и сказал, что миссия советских войск носит секретный характер, никто и никогда не осмелится на

самостоятельные действия ради восстановления справедливости в отношении простого матроса. Отмахнуться, конечно, нельзя, поскольку это будет не по партийному, а вот сплести кружева, в которых можно запутаться, будет единственно правильным решением.

– Понятно.

– И знаешь, что самое интересное в этой истории?

– Что?

– Этот кап-три неподдельно сокрушался, что у нас нет акта, в котором были бы отражены осколочные повреждения станции. Он наивно полагал, что такой документ был бы весомым аргументом для рассмотрения рапорта. Как тебе такое?

– У меня нет слов.

– Афанасьев послал всех к чёрту и нашёл другой выход, – сообщил мичман с улыбкой. – После происшествия на вашей лодке, Виктор Петрович по долгу службы детально ознакомился с документами по расследованию причин аварии.

– И включил мою фамилию в представленный список для награждения, – уже безразличным и холодным тоном сказал Михаил, опередив мичмана.

– Да, так и сделал. А чтобы не было лишних вопросов у вашего командира – организовал весь этот спектакль. Ты что, не одобряешь нашу с ним работу? Награда, пусть и не та, которая должна бы украсить твою грудь, но это, всё-таки, почётная награда, и она нашла героя.

«Лучше бы ничего ты мне не рассказывал. И ещё лучше – если бы этой медали не было вообще», – подумал в тот момент Михаил, но вслух сказал:

– Спасибо за хлопоты. Никак не ожидал такой заботы.

Ему не хотелось обижать мичмана. По сути, тот не ставил перед собой никакой корыстной цели, никого не обманывал и ни у кого ничего не отнимал, старался не ради себя. Ему хотелось восстановления справедливости, и он добился результата. А вот почему военный советник повёл себя столь омерзительно – Михаилу было непонятно. Ведь он также спас жизнь ему, как и мичману.

В понедельник утром Матулас попрощался с Кацаповым, попросив передать письмо бывшему сослуживцу Хохрякову, а сам убыл в родной гарнизон. Виктор Петрович отправился на службу в центральный штаб.

Михаил до вечера слонялся один по пустой квартире Афанасьева. Читал книгу и тарачился в телевизор. Жены Виктора Петровича с дочерью не было – они вторую неделю отдыхали на одном из курортов в Сочи.

Афанасьев вернулся уже вечером. В руках у него был приказ на отпуск Кацапова и воинское требование на проезд в поезде.

На следующее утро с объёмной спортивной сумкой, которую одолжил ему Афанасьев, Михаил на автобусе отправился в Мурманск...

...Чего молчишь-то, рассказывай, что дозволено, – вывел

Михаила из воспоминаний голос отца.

– Да тут и рассказывать, в общем-то, нечего, – заговорил вновь Михаил. – Представление к ордену затерялось где-то в пути, а оформить его повторно мой спасённый офицер отказался. Посчитал не царским делом исправлял чьи-либо недоработки. Вот так он оценил заслуги своего спасителя.

– Да-а, дела, – нахмурившись сказал отец.

– Вот такие дела, – повторил Михаил. – Этому человеку присвоили очередное звание и перевели в Москву, в генеральный штаб.

– И что было потом?

– Вступился за меня наш дальний родственник.

– Родственник? Как его фамилия? – с удивлением спросил отец.

Михаил рассказал всё, что услышал от Афанасьева.

– Вот так чудеса! – воскликнул отец, выслушав до конца рассказ сына. – Бывает же такое! Это его родителям ты посылку передавал?

– Прасковье Родионовне и Петру Семёновичу, – с теплотой в голосе подтвердил Михаил и, повернув голову к реке, вдруг радостно воскликнул:

– Батя, чего сидим?! У нас клюёт!

Он опрометью ринулся к удочкам. За ним поспешил отец, подхватив на ходу сачок.

Через пару минут в просторном садке бился килограммовый язь.

– С первым уловом, батя! – поздравил Михаил отца, вытирая ветошью с ладоней рыбью слизь и чешую.

– Славная уха получится завтра, если даже больше ничего мы с тобой не поймаем, – прозвучали слова в ответ.

– О чём ты говоришь? – весело рассмеялся Михаил. – Рыбалка только начинается.

И действительно, пока черная пелена ночи окончательно не заволочла всё вокруг, у Кацаповых в садке терлись друг о друга три язя и два леща, не считая молодой щуки, которую Михаил подцепил на спиннинг.

Укладываясь спать, отец сказал, подмигнув:

– Дивный вечер сегодня, удачная рыбалка, а это значит – всё идёт по-человечески и справедливо.

– Это точно, – улыбнулся в темноте Михаил. – Всё по-человечески. Всегда бы так.

Отец заснул быстро, а Михаилу не спалось. Он долго лежал с закрытыми глазами, слушая негромкий хмельной храп родителя.

Глава 14

«Всё по-человечески», – мысленно повторил он через некоторое время, перелистывая в голове страницы дней проведённого отпуска. – «А по-человечески ли?»

... Две недели он встречался сразу с двумя женщинами. Точнее, с одной женщиной и одной, по его мнению, невинной девушкой. Первой была Галка Красикова, второй – Надежда Аристархова. Вечерами Михаил разрывался на части, не зная, кому из них уделить больше времени. Обе любили его, обе с нетерпением ждали встречи с ним, обоим было мало того времени, которое он им уделял. Михаил, как ему казалось, утолял жажду невостребованной любви и считал непозволительным оттолкнуть их от себя. Ему было жалко рабынь любви и не хотелось причинить им страдания словами отказа. Было понятно, что встречи с ним являлись для обеих кусочками счастья.

«Ничего. Мой отпуск закончится, я снова уеду на службу, и всё рассосётся само собой», – рассуждал он, ничуть не терзаясь совестью от того, что, по сути, обманывает обеих. Что произойдёт потом, когда он уедет из посёлка, его мало интересовало. Сейчас же он просто отдыхал, оправдывая свои встречи тем, что поступает честно, потому как ни одним словом или даже намёком не даёт повода надеяться ни одной из них на что-то большее в отношениях, которые сложились на

данный момент. Михаил вбил себе в голову, что исполняет роль временного утешителя, и эта роль вполне оправдана.

Чтобы не беспокоить родителей по ночам своими запоздалыми приходами, беззаботный отпускник перебрался спать на сеновал. Он даже проникал туда не через двор, а через дыру в заборе. Широкая доска висела на одном верхнем гвозде, нижний для маскировки не был вырван, его Михаил просто загнул.

Почти до обеда он отсыпался на душистом сене после бурных бессонных ночей. Затем обедал и отправлялся на реку – купался, не взирая на то, что вода в реке с первых дней августа стала уже холодной, валялся на горячем песке, доводя загар до черноты, отходил от изрядных выпивок накануне. За пару часов до ужина возвращался домой, общался с родителями и, если появлялась необходимость, помогал по хозяйству.

Поужинав, вновь уходил на реку, но в уже заранее в обусловленное место. Этим местом был мыс, который огибала Усьва перед слиянием с Вильвой. Тут был тихий угол среди гряды вековых тополей и густых зарослей черёмушника, куда никто не заглядывал. Здесь они и встречались с Надей. Гуляли, говорили, спорили, молчали, а помолчав, снова находили тему для разговора. И так на каждом свидании, которые проходили через день. Никаких объятий и поцелуев Михаил не позволял.

Он поставил девушке условие, что все их встречи будут

проходить на нейтральной территории, подальше от всевидящих глаз Зинаиды Мелентьевны, общение с которой не входило в его планы.

Михаил видел, с каким замиранием сердца подходила Наде к нему на свидание, как вопросительно заглядывала ему в глаза. Будто спрашивала: – Это не сон? Ты действительно стоишь передо мной? Тогда почему не отважишься поцеловать меня хотя бы в щёку?

С Красиковой всё было иначе. Она была полной противоположностью наивной Наде. Зрелая женщина размышляла трезво и взвешенно. Сказывался возраст и опыт общения с мужчинами. Решительная и целеустремлённая Красикова знала, чего ей хочется от любимого мужчины. Исстрадавшаяся без мужской ласки её душа требовала удовлетворения пылающей страсти.

Галка сразу набрасывалась на Михаила, едва он появлялся у неё в комнате, с жадностью целовала его и без промедления увлекала за собой в заранее приготовленную постель.

И лишь потом, когда укрощённая на время страсть утихла, Галка приглашала Михаила к столу, чтобы выпить по бокалу вина и немного перекусить. Через какое-то время страсть вспыхивала с новой силой, и они опять спешили в постель. Далеко за полночь, обессиленные, они забывались во сне.

Утром требовательно звонил будильник, Галка машинально стучала по нему, не в силах выбраться из постели,

и лишь спустя некоторое время, пошатываясь, отправлялась приводить себя в порядок.

Завтракать было уже некогда, они пулей выскакивали на остановку автобуса. Галка на заводском автобусе ехала на работу, Михаил садился на свою «двойку» и отправлялся домой. В избу он не заходил. Крадучись пробирался через дыру в заборе и в одно мгновение исчезал в проёме сеновала. Родители даже не догадывались о его любовных баталиях.

– Милый мой, любимый, как долго я тебя ждала, – с придыханием выговорила Галка в их первую встречу, которая состоялась буквально на следующий день после дружеской пирушки в родительском доме.

По сияющему лицу Красиковой было отчётливо видно, что это вовсе не изошрённая игра зрелой женщины, направленная на удовлетворение похоти, а откровенное признание о пережитой разлуке. Михаил не сомневался, что слова её были искренны, он видел в глазах огоньки настоящего счастья, в которых, на его взгляд, не было ни капли притворства.

– Ты, Мишечка, даже не представляешь, какое это мучение жить ожиданием встречи с любимым человеком, не знаешь, какая сладость охватывает тебя, когда эта встреча наступает, какое неопишуемое счастье испытываешь, очутившись в его объятиях...

– Но...

– Знаю, что ты скажешь сейчас, – опередила тогда Галка, прижав свой палец к его губам. – Не говори, пожалуйста, ни-

чего, я не хочу слышать лишних слов. Они мне не нужны. Пусть всё идёт так, как идёт.

И встречи пошли одна за другой, пока не наступила последняя ночь перед намеченной рыбалкой с отцом.

– Эта встреча будет последней, – сказал Михаил и заглянул в лицо Галки. На нём блуждала умиротворённая улыбка. После его сообщения оно вытянулось, улыбка сменилась гримасой, будто женщина почувствовала в себе подступающую боль, которая неожиданно напомнила о себе первым симптомом, и со страхом ждала предстоящие страдания. Ещё не осознав, насколько эта боль будет сильна и продолжительна, Галка спросила с надеждой:

– Ты пошутил, да? Это такой розыгрыш?

– Нет, это не розыгрыш и не шутка. Я должен чистосердечно признаться, что мы расстаёмся с тобой навсегда.

Гримаса на лице Галки сделалась ещё более болезненной, глаза округлились, на горле несколько раз судорожно шевельнулся кадык.

– И это придётся воспринять, как неизбежность, – продолжил Михаил. – После службы я решил покинуть Чусовой, и это моё окончательное решение. О нём я уже известил родителей.

– Ну и что? – собрав волю в кулак, невозмутимо отпарировала Галка. – Я сама к тебе буду приезжать, где ты бы не находился. Раз в полгода, допустим. Поделю свой отпуск пополам и дело в шляпе. Спишемся, свяжемся, созвонимся или

ещё каким-нибудь способом договоримся и встретимся. Вариантов встреч существует много. К примеру, можно вместе отдыхать в одном санатории или доме отдыха. А что? Сочетание полезного с приятным.

– Зачем? – опешил Михаил, смутно осознавая, что одной ногой увязает в зыбкой трясине. – Зачем это делать?

– Как зачем? – спросила Красикова с недоумением. – Чтобы насладиться друг другом. Ты соскучишься по мне, я – по тебе. Разве ты не радуешься нашим встречам? Неужели я плохо ласкаю тебя?

– Нет, ласкаешь ты распрекрасно.

– Ну, вот, видишь? – Галка натянуто рассмеялась. – Зачем лишать себя удовольствия? Я ведь не претендую на место твоей жены. Мне будет достаточно и тех дней, которые мы проведём вместе.

– Твои ласки хороши для меня, пока я свободен, – попробовал развеять Галкины грёзы Михаил. – Рано или поздно наступит время, когда у меня появится девушка, которую я полюблю по-настоящему.

– Ха! Когда это ещё произойдёт? Стоит ли загадывать вперёд на много лет? – вызывающе рассмеялась Галка. – И вообще, может так случиться, что ты задержишься в холостяках надолго. У тебя слишком высокая планка запросов на спутницу жизни. К тому же, как тебе известно, любовь по плану не приходит. Ждёт её человек, ждёт, а она, зараза, подглядывает за ним из-за угла и не подходит. Это ожидание

может затянуться на десятилетие, как очередь на жильё. И потом, почему ты уверен, что твоя девушка сможет любить тебя так же искусно, как я? Попробуешь пресный пирожок, и тебе непременно захочется сладкого пончика. Думаю, от твоей возлюбленной не убудет, если ты тайно утетишь мою любовь пару раз в году.

Разговор приобретал нелюбезный характер. Перспектива, которую излагала Красикова, вовсе не радовала Михаила. Более того, она была не только нежелательной, но и настораживающе опасной.

Почувствовав, как Михаил напрягся после её слов, Галка, не догадываясь об истинной причине его состояния, участливо спросила:

– Что с тобой, милый? Тебя не устраивает такой расклад? Тебе хочется как-то по-другому? Так ты скажи, как? Не стесняйся. Я сделаю всё, как ты скажешь, и исполню все твои заветные желания.

Красикова рассуждала так, будто вопрос о разрыве отношений ушёл на задний план. Это уже как бы даже не обсуждается. Речь может идти лишь о предстоящих трудностях в сохранении этих отношений.

Михаил долго не отвечал. Лежал, уставившись в потолок. Ему неприятны были намерения Красиковой, сравнимые с паутиной или капканом, к которым уверенно подводит его эта роковая женщина. В голове явственно наступало осознание того, что любовная петля сдавливает ему горло, отчего

становится трудно дышать. Он понял, что нужно переходить к решительным действиям, иначе можно увязнуть в трясине обеими ногами.

«Доигрался, Мишаня, – подумал он с тревогой. – Допрыгался со своими утешениями. Это тебе не Надюшка Аристархова. Эта женщина – хищница, и просто так свою добычу не отпустит. Безответная любовь, такая, казалось, безобидная, совсем неожиданно превратилась в коварную. Теперь она будет преследовать тебя всегда и везде».

Михаил, собравшись с духом, решительно заявил:

– Всё, Галя, кончай фантазировать. Мой отъезд ставит жирную точку на наших отношениях. Не будет больше никаких встреч.

– Как не будет? – испуганно встрепенулась женщина и резко приподнялась на локте. – Что ты такое говоришь, милый мой, хороший?

– Не будет, Галочка, не бу-у-дет! Я понятно говорю?

– Мишечка, родной мой, любимый, – запричитала Галина, глаза её увлажнились. – Да как же так? Я ведь не прошу многого, всего лишь несколько встреч в году. Это же капля в море. Не любишь меня – что ж, сердцу не прикажешь, понимаю. Но ведь ты был в моих объятиях, в жарких объятиях, и этого нельзя отрицать. Я ласкала тебя, ласкала с безумной страстью, и ты был безмерно счастлив. Я видела это по твоим глазам, в них тоже горел огонь желания, и они не обманывали меня. Почему ты вдруг решил поставить крест на

всём, что было между нами? Что изменилось, Мишечка? Какая кошка пробежала между нами?

Красикова жгучим взглядом прошла по лицу Михаила, надеясь отыскать на нём малейшие подтверждения в пользу своих слов. Прошло совсем немного времени, как она вдруг воскликнула:

– Кажется, я знаю эту кошку! Это же та невинность, которая предстала перед твоими друзьями в синем платье с кружевами. В ней весь секрет, да? Как я сразу не догадалась? Это она соблазнила тебя своей молодостью и девственностью, да? Теперь можно и от старухи отказаться?

– Что за чепуху ты несёшь, – сказал Михаил, поморщившись. – Надя – мой друг, понятно? Просто друг. Ничего у нас с ней не было и быть не может. Причина нашего с тобой расставания кроется совершенно в другом.

Но его слова только подстегнули оскорблённую женщину. Из её уст, как из рога изобилия, полились всевозможные обвинения претензии, одно горше другого.

Михаил не перебивал, лежал, уставившись в потолок, слушал и молчал. Когда обвинительный запал женщины иссяк, и она умолкла на некоторое время, утирая краем простыни заплаканные глаза, Михаил воспользовался паузой и задумчиво произнёс:

– Разные мы с тобой, подруга. Смысл жизни понимаем по-разному, и цели у нас разные в этой жизни. Вот в этом и заключается главная причина, по которой нам необходимо

расстаться.

– Что, что? – удивлённо округлив красные от слёз глаза, спросила Красикова. – Смысл жизни понимаем по-разному? Ты что такое навывдумывал?

– Да, это так.

– Хм-м, и в чём же твой смысл? Его запивают или заедают?

– Достижение поставленной перед собой цели.

– А у меня?

– Получение наслаждения от интимных отношений. А цель – сохранение этих отношений на долгие времена.

– Всё сказал, умник?

– Нет.

– Что ещё сморозишь?

– Скажу тебе одну умную вещь, – улыбнулся Михаил, почувствовав, что Галка успокоилась и даже скривилась в усмешке. – Пригодится.

Выплакавшись, Красикова действительно немного успокоилась и была способна слушать и слышать.

– У каждого человека есть внутренняя и внешняя жизнь, – спустя несколько секунд, глубокомысленно продолжил он. – Внутренняя – это мысли, чувства, страсти. Внешняя – повседневная деятельность в обществе. Как мне представляется, у тебя на первом месте внутренняя жизнь, а у меня – внешняя. Вот в чём разница между нами.

– Ты что, всё это время притворялся, когда заявлял, что

тебе со мной хорошо?! Ты владел мною с неприязнью в душе? – с неподдельным ужасом спросила Галка. – Как тебе удалось так ловко обвести меня вокруг пальца? Как тебе не стыдно?

– Нет, Галя, мне не стыдно ничуть, потому что я тебя не обманывал. Сначала я действительно воспринимал наши взаимоотношения с трепетом, был весь в твоей власти. Ещё бы! Ты стала моей первой женщиной, которую я познал. Незнакомые эмоции зашкаливали и плескались через край. Моя внутренняя жизнь была превыше всего, я жил одним днём, не задумываясь о будущем. А вот ты, моя ненаглядная, обманула меня.

– Я, обманула?! В чём?! – почти выкрикнула женщина, понимая, что такое заявление Михаила является окончательным приговором и расставание неизбежно.

– А ты вспомни свои слова, которые произнесла во время первой нашей встречи, – усмехнулся Михаил. – У тебя же не было в планах возобновления наших отношений. Или ты забыла за два с половиной года?

– Напомни.

– Говорила, что завидуешь той девушке, которая станет моей женой, потому как тебе самой не суждено быть со мной, что умом ты прекрасно понимаешь о непреодолимом барьере: ты старше меня на шесть лет, и у тебя есть ребёнок. Помнишь?

– Помню, – согласилась Галка. – Я и сейчас готова повто-

рить эти слова. И они не являются препятствием для наших встреч.

– А что ты сказала потом, помнишь?

– Не помню.

– А мне, в отличие от тебя, весь наш разговор врезался в память.

– Возьми и скажи, если это так важно для тебя, – вяло произнесла Галка.

– Ты сказала, что за три года всё в нашей жизни изменится. У меня появятся другие взгляды на жизнь, другие критерии на женщин, – напомнил Михаил и хотел было продолжить о том, как она назвала себя старухой, какой станет через три года, но вовремя спохватился, что не обидеть её, потому что Галка оставалась по-прежнему красивой и неотразимой.

– И всё рассосётся само по себе, встанет на свои места. И мы оба будем лишь вспоминать эти сладостные мгновения, – после некоторой заминки закончил Михаил.

– И что?

– Как, что? Этими словами ты сама положила конец нашим взаимоотношениям. И ещё это значит, что ты была права. У меня изменились взгляды на жизнь. По всей вероятности, с возрастом смысл жизни меняется, следовательно, меняется и цель. Как я понимаю, смысл жизни – это всё то, что делает человека счастливым. А чтобы быть счастливым – нужно поставить перед собой цель и двигаться к ней, не взирая ни на какие трудности.

– Даже если придётся растоптать любовь преданной тебе женщины, – в сердцах дополнила Галка рассуждения Михаила.

Не произнося больше ни слова, она выбралась из постели и отправилась в ванну.

Её не было очень долго. Михаил успел одеться и ждал её, уставившись в окно. Наконец, Красикова возвратилась в комнату, молча подошла к холодильнику и достала непочатую бутылку шампанского.

– Открой, – с нарочитой весёлостью приказала она.

Михаил скрутил на горлышке металлическую сеточку, осторожно вынул пробку, налил шампанское в бокалы.

– За что пьём? – спросил он.

– За умолкнувшие колокола любви, – неожиданно сказала Галка, сделав усилие над собой, чтобы не расплакаться. – Чтобы ты был счастлив...

... Сейчас, вспомнив в деталях последнюю встречу с Красиковой, он мысленно укорил себя:

«Всё-таки, Мишаня, ты поступил не по-человечески с ней, несправедливо и слишком жестоко. Надо было оставаться мужиком до конца, пока не закончился отпуск. Кто тебя, дурака, дернул за язык ляпнуть, что она обманула тебя? В чём её обман, ловелас хренов? В том, что вопреки своим обещаниям силком уложила в постель? И ты, конечно же, сильно сопротивлялся, вырывался из её объятий, уговаривал оставить тебя в покое? Так, да?»

И он опять отдался размышлениям. В его голове не находилось объяснения, почему при виде Красиковой у себя в гостях через два с половиной года, в его жилах вновь заволновалась кровь? Почему он не сказал ей, что между ними всё кончено, и продолжения не может быть? Ведь в тот момент он точно знал, что не испытывает к ней пламенного чувства, так по какой такой причине появилось вдруг нестерпимое желание очутиться в её объятиях, почувствовать вновь в своих руках её сильное упругое и трепетное тело? Нельзя сослаться и на то, что за время разлуки он соскучился по ней. Нет, и вовсе нет. Воспоминание о ней на службе всплыло лишь однажды, и это воспоминание не было слишком ярким переживанием, чтобы стать причиной его неудержимого желания вновь овладеть ею. И почему с каждой последующей встречей его страсть к этой изящной женщине без единого изъяна необъяснимо угасала, а последний утренний поцелуй на автобусной остановке и вовсе показался ненужным и даже отвратительным. Отчего так? Что всё это означает?

Михаил долго ещё задавал себе вопросы, на которые не находил ответов, пока, всё-таки, не уснул. Молодой организм взял своё. Да и выпитая водка внесла определённую лепту...

... – Эй, засоня! Слышишь меня? – раздался снаружи голос отца. – Пора просыпаться. Какой же ты рыбак после того, когда проспал утреннюю зорьку?

Михаил продрал глаза и, встав на четвереньки, быстро вы-

полз из шалаша.

Отец в высоких сапогах-броднях с закатанными чуть выше колена голенищами уже хлопотал у костра. На перекладине в пляшущих языках жаркого пламени висели знакомый котелок и чёрный от копоти чайник.

Утро было тихим и свежим. Небо сияло ослепительной синевой без единого облачка. Остывшее за ночь солнце успело выкатиться из-за Шайтан-скалы и, стремительно набирая высоту, торопливо разгоралось до белизны, выбрасывая из ослепительного диска на землю ярко-золотые лучи. По краям ивовых кустов, заступивших на несколько метров в реку, ещё курились остатки молочного тумана. Сонные волны лениво накатывались на прибрежный галечник, перекатывая обрывки донной травы, среди которой сновали стайки шустрых пескарей. Неопишуемая таёжная красота восторгала Михаила своим величием.

– Долго спишь, рыбачок, – бодрым голосом поддел отец сына. – Пока ты рассматривал красивые сны, я на восходе добыл пару язей на стрекозу.

– Чего меня не разбудил? – спросил Михаил.

– Хотел было растолкать, да ты слишком сладко спал. Не стал тревожить.

– Зря так поступил, батя, выговор тебе от меня. Покажи хоть свой улов тогда.

– Садок в реке, под кустом. Иди, смотри.

– А ты, как я вижу, перехитрил осторожного язя, – сказал

Михаил, взглянув на загнутые второпях голенища сапог, в которых перекатывались остатки воды.

– Да, донки почему-то мёртвыми сделались. Я взял маховую удочку, нанизал стрекозку, затем забрёл в воду чуть ниже поваленной пихты. Там омуток оказался. Ну, я и стал в него забрасывать. Одного взял сразу, другого через полчаса. А потом, как обрезало. Пробовал стрекозу заменить кузнечиком – всё равно бесполезно. Видать, куда-то в сторону отошёл на день.

Михаил подтянул садок к берегу и увидел в нём двух красавцев язей по килограмму каждый. Оба они испуганно плеснулись несколько раз, показав ярко-красные брюшные плавники на серебристом брюшке с жёлтым отливом в верхней части, а затем замерли, оставив для обзора лишь чёрно-синие спинки.

– Хороши, – с рыбацкой завистью похвалил Михаил и отправил садок обратно в ямку под ивовым кустом.

– Иди, плесни водицы в лицо, да завтракать будем, – сказал отец.

Михаил забрёл в реку, быстро умылся, присел к костру.

– Ну, и какие планы у нас на сегодня? – деловито спросил он, наливая в алюминиевую кружку уже заваренный чай.

– Ты можешь поудить с часик, а я поднимусь наверх – дерево свалю, потом кликну на помощь.

– Скажешь тоже! Старый будет лес валить, а молодой пузо греть? – недовольно пробурчал Михаил. – Негоже. Рыбалка

никуда от нас не денется, а вот ворочать брёвна старику, да в одиночку, будет надсадно. Вдвоём-то, думаю, гораздо сподручнее.

– Верно мыслишь, сын, – одобрительно отозвался отец. – Не откажись от твоей помощи.

Быстро перекусив, они вооружились пилой, лопатой и топором, обошли Шайтан-скалу, и поднялись наверх.

– Вот здесь она и лежит, – сказал отец, остановившись у большого продолговатого камня бело-розового цвета.

– Как ты определил? Здесь и намека нет на могилу, – удивился Михаил, пристально вглядываясь в траву вокруг камня в надежде отыскать могильный холмик.

– Очень просто. Этот камень я сам притащил сюда по просьбе старухи ещё при жизни. Она сама указала, где будет её могила.

– Ты притащил этот камень на себе?! – поразился Михаил.

– Нет, конечно. Лошадью, на верёвке, – пояснил отец, усмехнувшись. – Не настолько я был силён, чтобы состязаться с мерином.

– А камень-то для чего?

– Старуха сказывала, будто её душа будет прятаться в нём, и никто не сможет утащить гроб с её телом на судилище еретиков, – ответил отец с усмешкой.

– Какая дремучесть, – сказал Михаил, глядя на бело-розовый гранит.

Отец отошёл в сторону, крутнулся на месте несколько раз,

зачем-то посмотрел в небо. Затем вернулся обратно, взял лопату и вонзил в землю.

– Вот здесь должен быть крест, – сказал он. – Поставим восьмиугольный, как она просила, староверческий. Думаю, хоронили её правильно, ногами на восток, но камень так и остался рядом с захоронением. На могилу его не закатывали. А ну, ковырни-ка землицу, не ошибся ли я?

– Что ты намерен здесь отыскать? – с недоумением спросил Михаил, берясь за лопату.

– Как что? Гнилушки или труху. Крест подгнил у основания и упал, ушлые рыбаки или охотники его в костре вместо дров сожгли. А вот конец в земле должен остаться, – поучительно пояснил отец. – По нему и определим, прав ли я оказался.

Михаил принялся срезать лезвием лопаты траву вокруг. Когда земля обнажилась, стало заметно небольшое возвышение.

– Смотри, батя, кажется, холмик обнаружился, – сказал Михаил.

– Точно, с запада на восток. Её это могилка. Я сам её выкапывал. Заранее. Старуха нудила, нудила и вынудила. Боялась, что потом, когда она умрёт, старик, которому она завещала себя похоронить, поленится отнести её тело на это место, а закопает в огорожке где-нибудь рядом с избой и вся недолга, – сообщил отец. – И, всё-таки, сын, копни для верности.

И действительно, вскоре под лезвием лопаты обнажились остатки перепевшего дерева.

– Ну вот, бабка Агрофена, отыскал я тебя, – уткнувшись взглядом в землю в то место, где должна находиться голова покойницы, скорбно произнёс отец. – Поставлю я крест на твоей могиле, как обещал. Не голбец, а большой восьмиугольник, как у родителя твоего. Прости, что так долго собирался.

Они свалили лиственницу, ошкурили ствол, распилили по размерам, обтесали с двух сторон. Михаил вырыл глубокую яму под основание креста на восточной стороне могилы.

Ровно в полдень, когда расплавленное солнце находилось в зените, староверческий крест с крылышками был установлен. Михаил массивным обрубок ствола утрамбовал землю вокруг него, проверил на устойчивость – крест не пошевелился.

На верхней перекладине отец сделал надпись химическим карандашом: «На сем месте погребено тело рабы Божией Агрофены».

– Исполнил я волю твою, бабка Агрофена. Спи теперь спокойно и ко мне больше не приходи по ночам.

Отец постоял с минуту у могилы в задумчивости, затем развернулся и пошёл по направлению к бывшему посёлку, не оглядываясь. Инструмент остался лежать на земле.

– Бать, ты куда? – спросил Михаил вдогонку.

– Иди за мной.

Михаилу ничего не оставалось, как последовать за отцом.

Метров через триста они остановились. Здесь тучные и хмурые ели, попеременно с чахлыми пихтами, отвернули в сторону, перед взором предстала большая поляна, на которой отчётливо были видны развалины бывших барачников. По периметру разрушенных жилищ плотной стеной возвышались бурьяны.

– Видишь? – спросил отец, указывая рукой вперёд.

– Что? – вопросом ответил Михаил, не понимая, с какой целью был задан этот вопрос.

– Разорённые гнёзда человека. Это последнее пристанище ссыльных. Здесь они горе мыкали. В одном из барачников жила твоя мать. Это был клочок земли, который выделили большевики взамен отнятому у них крепкому хозяйству на родине.

Отец ничего больше не сказал, но его суровый укоризненный взгляд как бы говорил: «Что же ты стоишь? Подойди поближе, полюбуйся на руины, поищи клад в развалинах».

Михаилу во второй раз стало совестно за опрометчивое высказывание, которое вырвалось из его уст в начале пути, и он стыдливо опустил глаза.

– Помнишь, как ты обвинил мать в укрывательстве её украинского происхождения?

– Помню, – тихо проговорил Михаил, стыдясь поднять глаза на родителя, и не узнал своего голоса. Он был хриплым, из всего слова прозвучали лишь три последних буквы.

– Это был неблагодарный поступок с твоей стороны, и мать очень переживала. После этого случая, сынок, мне захотелось, чтобы ты своими глазами увидел, где и как прошло детство твоей матери, как они всей семьёй цеплялись за жизнь здесь. Чтобы знал, как жестоко обошлись с теми, кто не разделял взгляды большевиков. Отсюда начиналась и моя взрослая жизнь. На этом месте находится отправная точка семейной истории. Ты должен был непременно побывать здесь.

– Спасибо, батя, и ещё раз прости. Ты очень правильно поступил, что привёл меня сюда, – взволнованно произнёс Михаил. – Это действительно история моей семьи, которую я обязан знать.

– Твоей матери сильно повезло, – продолжил отец, будто пропустив мимо ушей слова благодарности сына. Если бы деда Марка не перевели на учёт в другую комендатуру – кто знает, что могло с ними случиться в будущем? Покидать поселение не разрешалось, а продуктов, сам понимаешь, добыть было негде. По этой причине половина поселенцев умерли с голоду, а часть из них, которые осмелились открыто проявить недовольство – были расстреляны. Твой дед Марк мог быть в их числе.

– Однако, он всё равно погиб, – печальным голосом сказал Михаил. – Иначе давно бы объявился. Тридцать пять лет минуло с тех пор, как его забрали.

– Нам ничего неизвестно о его судьбе, – с сожалением

проговорил отец. – И вряд ли мы узнаем о ней вообще. В НКВД умеют скрывать следы преступлений. Уж я-то знаю, как пропадают бесследно люди на зоне.

– А тебе как удалось выжить? – неожиданно спросил Михаил, поставив в тупик отца своим вопросом.

Отец с удивлением уставился на Михаила. Это был первый интерес, проявленный сыном к неизвестной жизни родителя.

«Похвально, – подумалось ему. – Не зря, стало быть, я притащил его сюда». А вслух произнёс:

– Наверное, потому что кровь в нашем роду особенная.

– Какая – особенная? Пятой группы что ли? – усмехнулся Михаил. – Так их всего четыре.

– О группах я ничего не знаю, а наша кровь – таёжная, – сказал отец. – Потому и особенная.

– Интересно, – сказал Михаил протяжно. – Что же это за кровь такая?

– А вот такая и есть. Человек, который родился и вырос в таёжном крае – вынослив и смел, терпелив и смекалист. Ему удаётся лучше, чем кому-либо другому приспособливаться в жизни.

– Бать, таких людей миллионы. По-твоему, у них у всех по жилам течёт особенная кровь? – попытался оспорить утверждение отца Михаил.

– Про всех говорить не могу, но меня лично тайга научила выживать в самых трудных условиях. Такие навыки имеются

не у всех.

– Так, в чём особенность этой крови? – не унимался Михаил.

– Эта кровь делает человека нестигаемым и сильным духом.

Михаил снисходительно улыбнулся и решил больше не задавать вопросов. Он понимал, что высказывания отца являются всего лишь выдумкой, красивым мифом, который придумал он сам для себя, и не имеют под собой никакой доказательной базы. Однако они заронили в его сознание некую частичку надежды на то, что слова отца могут оказаться пророческими, и учёные когда-нибудь, возможно, сделают открытие, доказав наличие особенностей в составе крови, характерной только для таёжного человека. Почему бы и нет? Ведь до 1900 года человечество знать не знало ни о каких группах крови, а сейчас о её составе известно столько подробностей, что невозможно запомнить.

Михаил вдруг вспомнил, как в поезде прочитал в одном из журналов любопытную статью о том, что у древних людей была всего одна группа крови – первая. В те времена человек питался исключительно сырым мясом. Потом добавилась растительная пища, и появилась вторая группа. Третья группа крови характерна для людей, живущих в горной местности. Что касается четвёртой группы – так она появилась сравнительно недавно, её обладателями является всего 6% населения. Поэтому, вполне возможно, что в утверждении

отца есть доля истины, которая остаётся пока непознанной.

Они вернулись назад, забрали инструмент и спустились к реке. Михаил посмотрел снизу на могучую Шайтан-скалу и не удержался, сказал:

– Всё может быть в нашем мире.

Отец обернулся к нему, удивлённо спросил:

– Ты это к чему сейчас?

– Так, мысль одна мелькнула в голове.

– Что за мысль?

– Подумал: мог ведь стоять на этой скале Ермак по пути в Сибирь? Как считаешь?

– Ничуть не сомневаюсь, что он взбирался здесь наверх, – заверил отец. – Впереди река делает изгиб, русло не просматривается. На мой взгляд, идти по реке вслепую довольно рискованно. Лучше взобраться наверх и осмотреться лишний раз.

– Это же так здорово! – воскликнул Михаил. – Значит, я находился сегодня на том месте, где почти четыреста лет назад стоял Ермак Тимофеевич и вглядывался вдаль.

– Этот камень много чего повидал за свою жизнь, – будничным голосом произнёс отец.

– Да уж, – согласился Михаил и направился извлекать рыбу из садка, чтобы почистить и приготовить уху.

Утром следующего дня, собрав все пожитки, они отправились в обратный путь. План, намеченный отцом, был выполнен полностью.

Глава 15

Аннушка поселилась в доме одинокой старушки по имени Алкын. В переводе на русский язык имя хозяйки означало – шустрая, быстрая, стремительная. Алкын шёл восемьдесят третий год, и она полностью оправдывала своё имя. Не смотря на преклонный возраст, она была живой, неутомимой, легко управлялась по хозяйству. Вставала с восходом солнца и сразу отправлялась во двор или в огород – там её всегда находили какие-нибудь дела.

В её хозяйстве имелись коза, десяток кур, собака и большой пушистый кот. Живность не ахти какая большая, однако требовала ухода и внимания.

Зная об одиночестве старушки, председатель колхоза Марат Галиев подселил к ней прибывшую по распределению молодую учительницу физкультуры Нурию Нуриевну Махамединову – такими были настоящие имя и фамилия Аннушки.

– Вот, бабушка Алкын, я тебе квартирантку привёл, – сказал председатель, внося во двор чемодан Аннушки. – Она будет обучать наших ребятишек физкультуре. Примешь на постой?

– Отчего ж не принять нужного людям человека? – сказала старушка, с хитрым прищуром вглядываясь в лицо приезжей. – Пусть поживет, сколько вытерпит меня. Если при-

живётся – стану внучкой называть, полноправной хозяйкой сделаю.

– Ну, тогда веди в дом, показывай жиличке её комнату. А я, пожалуй, пойду. Дел много. Ты, Нурия, устраивайся, отдохни с дороги, а завтра загляни в правление с утра, я тебя с директором школы познакомлю.

– Хорошо, Марат Талгатович, обязательно приду. Спасибо вам за хлопоты, – поблагодарила Аннушка председателя, который лично встретил её на автовокзале райцентра Барда и привёз на уазике в деревню с русским названием Березники, хотя, по словам председателя, деревня испокон веков была башкирской, и русские семьи можно пересчитать по пальцам

У старушки была светлая и просторная изба с тремя комнатами. Комнаты были проходные, в крайней от входных дверей жила сама хозяйка. Так ей было удобнее управляться с домашними делами.

– Занимай любую из двух, какая понравится, – сказала бабушка Алкын. – В них давно уже никто не жил.

– А где ваши дети, внуки? – не удержавшись, спросила Аннушка. – Почему вы одна?

– Мужа Аллах призвал на небеса десять лет назад, сына – тремя годами раньше вместе с женой и моим внуком, – дрогнувшим голосом сообщила старушка. – Ездили на море всей семьёй и разбились в дороге. Страшная авария случилась. Всех троих привезли домой и похоронили на местном клад-

бище. В Барде есть внучатый племянник, но он редко бывает у меня. Разве что, когда ему от меня что-нибудь потребуется.

– Простите, бабушка Алкын. Я ничего об этом не знала.

– Милая, за что мне тебя прощать? – удивилась старушка. – Ты и часу ещё не прожила в моём доме, ничего плохого не успела пока совершить.

Хозяйка познакомила квартирантку с элементами домашнего быта и отправилась снова во двор, где её ждали неотложные дела.

Аннушка выбрала дальнюю комнату и принялась разбирать свои вещи, которые уместились в чемодане и небольшой спортивной сумке.

На следующее утро она, как и обещала, явилась в правление колхоза. Директор школы – полная женщина лет сорока пяти, с крашенными хной волосами, – уже дожидалась её в кабинете председателя.

Они познакомились, любезно пожав друг дружке руки, и, чтобы не отвлекать председателя от дел, сразу направились в школу. Школа находилась неподалёку от правления. По дороге Аннушка удовлетворила любопытство директрисы, ответив на все её вопросы, и попутно узнала, когда начнутся занятия в школе, как они проводились ранее, и сколько детей будут заниматься физкультурой.

Потом вместе с директрисой осмотрела спортзал с инвентарём и снарядами, зашла в учительскую. Оставшись довольной, попрощалась с новой знакомой и вернулась в дом своей

хозяйки.

До начала занятий в школе оставалась неделя.

Вечером они сидели за столом вдвоём с бабушкой Алкын, пили чай и вели неторопливую беседу. Окна были открыты, в них струился тихий ветерок. В кухне было свежо и приятно, обстановка располагала к откровенному разговору.

– Бабушка Алкын, а вы по-русски говорите? – спросила Аннушка.

– Очень плохо, да и ни к чему мне теперь русский. В молодости не выучила, а сейчас для чего? Никуда не отлучаюсь из деревни, дальше своего Каен-Авыла не бывала за все пятьдесят лет.

Старуха внимательно посмотрела на свою квартирантку, затем спросила:

– А для чего тебе здесь русский? У нас все говорят на родном, башкирском.

– Дело в том, что я татарка, но выросла среди русских. Привыкла говорить на русском языке. А башкирский совсем не знаю.

– А дома как же общалась?

– Родители между собой разговаривали на родном, а я им отвечала на русском. В школе, а потом и в училище меня все звали Аней, Аннушкой, иногда Анной Николаевной. Я ведь на татарку вовсе не похожа, многие знакомые даже не догадывались о моей национальности.

– Не гоже подделываться под чью-то нацию, – укорила ста-

рушка. – Свой народ и язык надо уважать и ценить.

– Кого уважать-то, бабушка, если я татар в глаза не видела. На нашей улице не было ни одной татарской семьи.

– Тогда ответь мне, если вокруг тебя были одни русские, то за какие грехи ты попала в нашу глухомань? Или бежала от кого?

– Распределили меня в эту деревню, – сказала Аннушка. – Ваш председатель сделал заявку на учителя физкультуры, а в группе я была одна татарка среди русских парней и девчат. Вот и направили. Сказали, что деревня башкирская, но язык похож на татарский, освоюсь быстро.

– Освоишься, – заверила бабушка Алкын. – Я ведь тоже татарка. Когда муж привёз меня сюда после гражданской войны, так я сразу стала понимать здешний язык. Так и живу среди башкир шестой десяток.

Потом, словно спохватившись, добавила:

– А русские, которые в Каен-Авыле живут? Они все на башкирском общаются. Прижились.

– Бабушка, а что означает Каен-Авыл?

– Как что? Березники и означает. Каен – берёза, Авыл – деревня по-русски.

Старушка умолкла, задумавшись о чём-то очень важном. Возможно, вспомнила какое-нибудь событие из своей молодости.

Аннушка не тревожила Алкын, терпеливо ждала, когда та очнётся от своих мыслей и заговорит вновь.

Наконец, глаза старушки ожили, она спросила:

– А парень у тебя есть?

– Есть, – ответила Аннушка и тяжело вздохнула. – Он русский.

– От него ты бежала?

– Сама не знаю, бабушка, – чистосердечно призналась она.

– Влюбилась?

– Ага. Полгода назад.

– Родителям показывала?

– Не осмеливалась, всё время откладывала. Он понял мою боязнь и сам приехал на выходные, познакомился с обоими.

– И что родители сказали тебе?

– Они сказали, что парень видный, трудолюбивый, но родительского одобрения отношений с ним я не получу, – с сожалением проговорила Аннушка. – Он два дня провёл в нашем доме. Отцу помог сено привезти с покоса и сметать на сеновал.

– А твоему возлюбленному что они сказали?

– Ничего. Промолчали оба. Дождались, когда он уехал, и высказали мне свой протест.

– У вас с ним что-то было? – старуха пристально уставилась на Аннушку, будто пыталась заглянуть ей в душу и лично убедиться в правдивости слов, которые ожидала услышать от своей квартирантки.

– Нет, бабушка Алкын, ничего у нас с ним пока не было.

– Вот и хорошо, что ничего не было. Проще будет рас-

статься.

– Расстаться? – переспросила Аннушка, не поверив собственным ушам. В какой-то миг ей показалось, что старуха решила позабавиться немного, что пройдёт немного времени и она возьмёт её за руку, признается, что пошутила, и примется жалеть, и сочувствовать. Но бабушка Акын оказалась не такой доброй и жалостливой, как подумала о ней Аннушка. Она повторила безапелляционно:

– Да, девочка, тебе надо с ним расстаться.

– Но почему? Мы любим друг друга.

– А ты сама не понимаешь?

– Нет.

– В священном Коране сказано: «Не выдавать замуж за язычников, пока те не уверуют...» Значит, выйти за иноверца – грех. Так зачем тебе его совершать, если можно обойтись без греха?

– Но ведь есть же случаи, когда мусульманка выходит замуж за русского? – с надеждой спросила Аннушка.

– Есть, – сказала старуха. – Но тогда твой парень должен принять твою веру и заключить никях. Он пойдёт на это?

– Нет.

– Вот то-то и оно. Ты пойдёшь против воли родителей, не сможешь совершать намаз, тебе придется следовать во всём за мужем, потому что он главный в семье, – безжалостно говорила Акын. Её скрипучий голос вдруг зазвенел, будто сам Аллах придал ей силы для того, чтобы её устами удержать

неразумную девушку от свершения греха. – Он будет пить спиртное, есть свинину, а тебе придётся отводить глаза, готовить для себя отдельно? А ты подумала, в кого будут верить ваши дети? Один – а Аллаха, а другой – в Христа? Что из этого может получиться?

Аннушка сидела напротив старухи притихшая и подавленная словами старухи. Она живо представила, как могут развиваться дальнейшие события, когда и её родители, и родители её любимого против их близких отношений. Жизнь вполне может превратиться в кошмар, несмотря на то, что оба они далеки от религиозных обычаев. А старуха Алкын, как ни в чём не бывало, продолжала высказывать всё новые и новые наставления и советы.

Не желая больше слушать распалившуюся хозяйку, Аннушка поблагодарила её за чай, встала из-за стола и произнесла напоследок:

– Ты права бабушка Алкын. Ничего хорошего у нас с Мишей не получится, и я расстанусь с ним. На всё есть воля Аллаха.

– Вот так-то будет лучше, – просияла лицом старуха. – Не нужен тебе грех по жизни. Пойдёшь учительствовать – женихи сами тебя найдут. Их в нашем Каен-Авыле много, выберешь себе самого достойного.

За окнами надвигалась ночь, черня соседние строения и деревья.

Аннушка быстро разделась, нырнула под одеяло и закры-

ла глаза. Перед глазами одна за другой поплыли картины встреч с человеком, с которым ей предстояло расстаться...

... С Михаилом Кацаповым она познакомилась в пригородной электричке, когда возвращалась в Пермь от родителей после зимних каникул. Аннушка заканчивала педагогическое училище физкультуры и спорта. После выпускных экзаменов её ждала работа учителя физкультуры в одной из школ Пермской области. Она рассчитывала вернуться в родной Горнозаводск, а судьба не прислушалась к её желанию.

Кацапов тоже возвращался в тот день после каникул, которые провёл у родителей в Чусовом.

В вечерней электричке было немногочленно и всё пространство вагона хорошо просматривалось. Аннушка ехала с одноклассницей, которая, как и она, третий год проживала в Перми. Только училась подружка в строительном техникуме. Как круглая троечница Валька Стибелкина пролезла в техникум – оставалось только гадать.

Больше часа девчата ехали и не видели Михаила. Он сидел спиной к ним в самом конце вагона и читал книгу. Перед какой-то станцией он вышел в тамбур, а когда возвращался – его место оказалось занятым. Обе скамейки оккупировала шумная компания подвыпивших мужиков, возвращавшихся с охоты.

Михаил прошёл дальше и остановился в проходе, где сидели девчата. Крайние места пустовали.

– У вас свободно? – спросил он.

Девчонки, рассматривавшие совместно какой-то альбом с фотографиями, подняли головы, взглянули на него. Михаил устремил свой взгляд на Аннушку и, как потом признался ей, сразу почувствовал, как внутри у него словно что-то обрвалось. Круглолицая чернобровая девушка с тёмно-кариими глазами и роскошной копной тёмных волос ниже плеч, по его словам, сразила наповал своим обликом. Михаил признался ей, что о такой девушке мог только мечтать, её образ давно осел в голове. Иногда для наглядности он искал свой идеал на обложках глянцевого журналов, которые публиковали фотографии известных актрис. Но такого лица со смеющимися глазами, как у Аннушки, он не встречал. Она предстала перед ним, как представительница той единственной и неповторимой категории девушек, которые ему нравились.

Анна видела, как Михаил обомлел, и на его лице от смущения загорелся румянец.

– Свободно только для приличных пассажиров, – сказала она и, переглянувшись с подружкой, весело рассмеялась.

– Тогда это место для меня, – нашёлся Михаил и, не спуская глаз с Аннушки, устроился напротив неё.

– Одна-ако, – протянула подружка, усмехнувшись удивлённо, – вы, молодой человек, не переоцениваете свои достоинства?

– Нет не переоцениваю, – ответил Михаил уверенно. – Но и не люблю, когда меня беспричинно недооценивают. Скажу по секрету: я есть именно тот приличный пассажир, который

вам так необходим. По крайней мере, до конца поездки.

А потом всё пошло так, как это происходит у большинства молодых людей. После небольшой паузы началось вбрасывание отдельных нейтральных слов и фраз, как бы в никуда, с одновременным изучением исподтишка друг друга. Затем паузы между словами и фразами стали сокращаться, нашлись общие темы и вот уже робкий ручеёк беседы вдруг превратился в бурный поток непрерывного разговора.

– А вы, значит, студент? – спросила Анна.

– Да, сдал свою первую сессию в политехе, – ответил Михаил. – Завтра начинается второй семестр.

– Что-то великоват ваш возраст для первокурсника. Долго, видать, пришлось попотеть, прежде чем стал студентом? – поинтересовалась Валентина. Девушка была блондинкой с короткой стрижкой и вызывающе задранном вверх носиком-кнопочкой. В её язвительных голубых глазах метались молнии.

– Не угадала, поступил я с первого раза, вступительные экзамены сдал без троек, – будто не замечая издевки девушки, ответил Михаил. – Просто так вышло, что поступать пришлось уже после службы. Три года отдавал свой воинский долг перед Родиной.

– Во флоте, что ли, служил? – поинтересовалась подружка. По её игривому поведению Анна поняла, что Михаил понравился ей с первого взгляда, чего нельзя было сказать в тот момент о ней самой.

– Во флоте не служат, служат на флоте, – поправил Михаил, продолжая гипнотизировать понравившуюся ему Анну. – И на будущее: моряки не плавают, а ходят в море. Кстати, меня зовут Михаилом. А вас?

– А нас не для вас, – обидевшись на подковырку Михаила, попыталась острить подруга.

– Валюш, ну, ты что? – тут же укорила Анна свою подругу. – Ты, Михаил, не обращай на неё внимания. Она по жизни язва. А меня зовут... Аней.

Она помнит по сей день, как тогда на секунду замялась, прежде чем назвать своё имя. Ей показалось, что, если она произнесёт своё настоящее имя, глаза парня сразу потухнут, и он потеряет к ней всякий интерес, переключившись на взбалмошную Валентину. А ей почему-то этого сильно не хотелось. Вероятно, пробудилась женская ревность. Ведь она считала себя более привлекательной и умной, чем пышка Валентина.

До Перми они втроём проболтали обо всём на свете, и время пролетело совсем незаметно.

Михаил вызвался её проводить, но она отказала ему в категоричной форме. Анна проживала в посёлке Южный, в частном секторе, у дяди – родном брате отца, и случайная встреча с ним могла иметь непредсказуемые последствия.

Первой уехала на троллейбусе Валя, автобус на Южный ходил редко и Аннушке пришлось ждать продолжительное время. Они с Михаилом договорились встретиться через па-

ру дней. Он стоял и не мог оторвать своего взгляда от неё.

– Ну, что ты так смотришь на меня? – спросила она тогда. – Мне даже неловко как-то.

– Как – так?

– Будто рентгеном просвечиваешь.

– Ты не ошибаешься, – улыбнулся Михаил. – Так оно и есть. Я тебя действительно просвечиваю.

– Для чего?

– Хочу всё знать про тебя.

– Я и так про себя всё тебе рассказала.

– Неправда. Невозможно узнать всё о человеке за пару часов. Даже если люди знакомы несколько лет – всё равно в каждом из них будет оставаться маленькая тайна.

– Разве это плохо – иметь свою маленькую тайну?

– Нет. Если эта тайна носит безобидный характер и никогда не откроется для окружающих.

– А если вдруг откроется? – спросила Аннушка и внимательно проследила за выражением лица своего нового друга. Ей вдруг показалось, что Михаил по её смуглому лицу уже догадался, о какой тайне идёт речь, и готовится задать ей нежелательный вопрос.

– Надеюсь, у тебя нет такой тайны, которую можно сравнить с неразорвавшейся бомбой?

– Будем надеяться, – сухо проговорила Анна и замолчала.

Подошёл автобус, они попрощались, пожав руки друг другу, и она зашла в салон.

Через два дня состоялось их первое свидание. За эти два дня Анна о многом передумала. Один раз ей в голову пришла мысль о том, чтобы вообще не ходить на свидание с Михаилом. Не раскручивать наметившийся роман, чтобы потом не сожалеть, рыдая в подушку. Кроме одной тайны, связанной с её настоящим именем, имелась ещё одна, более существенная, о которой кроме неё самой никто не знал. Ни родители, ни даже самые близкие подруги.

Ещё в пятнадцать лет Анна стала женщиной. Это произошло в турпоходе на реку Вижай, куда они отправились шумной и беспечной компанией на майские праздники.

Анна росла хулиганистой и озорной девчонкой, и большую часть свободного времени проводила с мальчишками. Её прозвали сорвиголовой, и она гордилась этим прозвищем.

Заводилой в той компании был малознакомый парень на пять лет старше её. По слухам, он успел к тому времени отсидеть три года по малолетке.

Первого мая вечером в честь праздника на берегу реки у них состоялся пикник. Они пили пиво, вино и водку без разбора, горланили песни под гитару, плясали и просто прыгали, охмелев от свободы и счастья. До этого дня она никогда не пробовала спиртного. Этим воспользовался вожак и сумел совсем быстро спить её. Почувствовав, что сильно опьянела, Анна, пошатываясь, проковыляла в палатку, упала на матрац и мгновенно уснула. Через некоторое время туда незаметно прокрался и старшой.

Всё произошло неожиданно и быстро, она не успела толком очнуться от вязкого сна, чтобы воспротивиться насилию или просто закричать. Парень навалился на неё сонную всем телом, зажал рот ладонью и силой овладел ею.

Уже позже, застегивая ремень на брюках, пригрозил:

– Пикнешь слово – урою, останешься в тайге зверёе кормить.

Она проплакала всю ночь, а утром, собрав волю в кулак, вела себя так, как будто ничего не произошло.

Единственным утешением для неё стал тот факт, что того парня вскоре убили в пьяной драке. Наступило душевное облегчение, а тайна осталась только с ней.

Анна опоздала на первое свидание на полчаса. Преднамеренно. Она загадала для себя: если Михаил дожётся её – значит у него серьёзные намерения, она будет с ним встречаться. Если нет – то так тому и быть, значит он не её парень.

Михаил дождался, не ушёл. Увидев Анну в дверях автобуса, с радостным лицом бросился навстречу. Руки его были холодными, он сильно продрог. На улице стоял трескучий мороз.

– А я уже думал, что ты не придёшь, – сказал он, медленно ворочая стылými губами и заглядывая вопросительно ей в глаза. – Приняла меня за нахала и раздумала встретиться.

– Как видишь, пришла. Извини за опоздание, нехорошо получилось. Раньше не могла. Идём отсюда поскорее, ты совсем замёрз из-за меня.

– Есть немного, – признался Михаил. – Пойдём в кино? Там тепло и можно согреться. Возьмём билеты на последний ряд, поболтаем.

– Пойдём, – согласилась Аннушка. – Ей было абсолютно всё равно, куда пригласит её новый друг. В голове витали мысли другого порядка. Она надумала сознаться, что никакая она не Анна, и её настоящее имя Нурия.

А Михаил от радости не замечал её тревожного состояния. Ему казалось, что девушка стесняется его, поэтому он смеялся, шутил, сыпал комплименты, всячески пытаясь её развеселить.

Весь сеанс она чувствовала себя как на иголках. Когда они вышли из кинотеатра и направились к остановке автобуса, Анна обернулась лицом к Михаилу и решительно выпалила:

– Я должна раскрыть тебе свою тайну.

– Маленькую или большую? – спросил Михаил шутливо, ни о чём не подозревая.

– Пока маленькую, большую оставлю на потом.

– Говори, только шёпотом, чтобы никто, кроме меня не услышал.

– У меня другое имя, – заявила она.

– Какое?

– Нурия. А фамилия Мухамединова. Это чтобы ты знал, с кем встречаешься, и задумался, что ждёт тебя впереди, – она вытащила из внутреннего кармана пальто свой паспорт, протянула Михаилу. – На, убедись.

– Зачем? Я тебе верю. Пусть будет Нурия. Тоже красивое имя. А фамилию в дальнейшем можно поменять в ЗАГСе на фамилию мужа, – широко улыбнувшись, проговорил Михаил, чем сильно её удивил.

У Анны словно гора с плеч сошла. Пришло такое ощущение, что стало даже легче дышать. Она подумала: «Наверно, настоящий парень, и намерения у него серьёзные».

И уже весело сообщила:

– Но ты можешь по-прежнему звать меня Аннушкой. Так все меня зовут ещё со школы. Мне так привычнее. Нурия я только для родителей и дяди, у которого сейчас живу.

Потом свидания пошли одно за другим с перерывами в несколько дней. Так продолжалось до начала июня. Михаил влюбился в неё настолько сильно, что однажды обмолвился насчет женитьбы.

– Ты что?! – испугалась Аннушка. – Рано ещё. Тебе надо закончить институт, и только потом думать о женитьбе.

– Ну, тогда познакомь меня со своими родителями, – заявил он. – Пусть посмотрят на будущего зятя. А после этого сделаем для тебя смотрины у моих родителей. Идёт?

– Нет, нет, Миша, не нужно этого делать! Рано ещё. Мы встречаемся с тобой всего три месяца. Это не тот срок, чтобы думать о совместной жизни. Мы можем всё испортить.

– Ну хорошо, уговорила, – согласился Михаил и через неделю укатил в стройотряд на заработки.

Прошёл месяц, Аннушка свыклась с мыслью, что встре-

ча с родителями отложена на неопределённый срок, и ей не стоит опасаться этого события. О своём знакомстве с Михаилом она боялась рассказывать родителям, зная наперёд их реакцию. Но она не успела узнать характер Михаила.

В конце июля, когда она была у родителей на летних каникулах, Михаил сам заявился в их дом без предупреждения.

Она ещё спала, когда мать вошла в её комнату и принялась будить.

– Вставай, Нурия, тебя спрашивает какой-то парень.

– Какой ещё парень? – недовольно промычала со сна Аннушка.

– Не знаю, Михаилом назвался. Говорит, что твой друг.

– Что?! Михаил? Приехал к нам? – в ужасе вскрикнула она, и её сон сняло, как рукой.

«Боже мой, боже мой, – беззвучно шептали её губы, когда она в спешке набрасывала на себя халат и пыталась хоть чуточку привести себя в порядок. – Зачем он это сделал? Это же катастрофа!»

Улыбающийся Михаил стоял у калитки и о чём-то беседовал с её отцом.

Напуганная, она мелкими шажками двинулась навстречу.

Михаил увидел её, громко и радостно воскликнул:

– А вот и Нурия! Разбудил, да?

Отец посмотрел на дочь строгими глазами и удалился в дом, оставив их наедине.

– Миша, что ты натворил? Зачем ты приехал без преду-

преждения? Мы же с тобой договорились пока не обсуждать этот вопрос. Я ведь ни разу не говорила о тебе с родителями. Боже мой! Что сейчас будет? Уезжай сейчас же! Я постараюсь как-нибудь объяснить им о наших отношениях. Может быть, удастся обойтись без скандала.

– Не паникуй раньше времени, – одёрнул её Михаил. – Никуда я не уеду от тебя, пока не помогу твоему отцу привезти сено с покоса и сложить на сеновал. Это первое. Теперь второе. Между нами не было никаких отношений. Мы просто друзья, в Перми ходим вместе в спортзал. Так что бояться тебе нечего. Я сказал, что приехал к двоюродному брату в Пашию, но не застал его дома. Рассчитывал провести ночь в гостинице, но она на ремонте. Это очень просто проверить, как два пальца в снег сунуть. Попросился на ночлег до завтрашнего утра, а, чтобы не бездельничать – предложил свою помощь. У меня действительно есть в Пашие двоюродный брат и я действительно отправлюсь завтра к нему. Вопросы есть?

Анна смотрела на Михаила с неописуемым удивлением и, казалось, потеряла дар речи – настолько захватывающую историю выдумал её друг.

– Чего умолкла? – спросил он ласково. – Не веришь, что так легко отделалась? Это тебе, любимая, урок на будущее, чтобы ты больше ничего от меня не скрывала. Ясно?

– Ага, – сказала она, часто кивая головой в знак согласия.

– Ну, если «ага», тогда веди в дом. Я еще не завтракал.

И возьми вот это, – Михаил протянул армейский вещевого мешок.

– Что там?

– Продукты. Сыр, два кружка сухой колбасы, консервы кой-какие, коробка конфет к чаю. Дефицит, одним словом. Увидишь. Не могу же я потребовать у будущей тёщи, чтобы она накрывала на стол? – усмехнулся Михаил.

– Какой ты умный, Миша. Я тебя обожаю, – нежным голосом проворковала Аннушка. – Иди за мной.

Всё у Михаила прошло, как по нотам. Он помог её отцу и на следующий день до обеда покинул их дом.

– Вам понравился Михаил? – спросила она родителей за обеденным столом.

– Жаль, что он не нашей веры, – с сожалением вздохнула мать. – Хороший муж был бы у тебя, дочка. Красивый, внимательный и работающий.

– Цыть, старая! Не мусульманин никогда не будет мужем нашей дочери, даже если он предстанет передо мной из чистого золота, – стукнув ложкой по столу, сказал отец. – И чтобы я не слышал больше ничего об этом парне.

Это был тяжёлый удар для Аннушки.

Вслед за этим ударом последовал и второй.

Михаил объявился через три дня. Они с братом примчались на мотоцикле из Пашии. Подъезжать к дому не стали, остановились в конце улицы. Михаил знал, что Аннушка по утрам ходит к колодцу за водой и стал дожидаться её непод-

лёку. Завидев любимую, спрятался за срубом, словно озорничавший подросток.

– А вот и я! – вскрикнул он зычным голосом, выскочив из-за сруба, как чёрт из табакерки.

От испуга Аннушка шарахнулась в сторону, вёдра соскочили с коромысла и со звоном упали на землю.

– Ты...откуда здесь? – со страхом спросила она, пятясь от Михаила. – Что тебе надо?

– За тобой приехал, – радостно сообщил Михаил.

– Как... за мной? Никуда я с тобой сейчас не поеду.

– А сейчас и не нужно. Завтра я покидаю брата, уезжаю к родителям, забираю тебя с собой на смотрины. Приходи на вокзал к утренней электричке. Я буду ждать, – в категоричной форме заявил Михаил.

– Но я не могу, у меня нет причины, чтобы внезапно уехать из дома, – возразила Аннушка. – Что я скажу родителям?

– Придумай что-нибудь, ты ведь у меня умница, верно? У тебя впереди целые сутки. Это же целая вечность.

– Миша, я не смогу, – взмолилась она.

– Сможешь, моя хорошая. Докажи, что любишь меня, – рассмеялся Михаил, направляясь обратно к брату. – А теперь прощай. Нас не должны видеть вместе посторонние люди. Сплетни никогда не приносят счастья. Жду завтра на вокзале. Если не придёшь – выкраду вместе с вёдрами.

Аннушка, как принято говорить в таких случаях, вывер-

нулась наизнанку. Уговорила Валу Стибелкину разыграть спектакль перед родителями о срочной поездке в Чусовой, якобы на свадьбу к однокурснице. Вариант сработал, Аннушка уехала с Михаилом в Чусовой на два дня.

Стибелкина укрылась в доме и не показывалась на улице.

Родители Михаила встретили пару с радушием, хотя были оба крайне удивлены внезапным появлением сына с подружкой. О ней он обмолвился всего лишь однажды и то, как бы между прочим, без подробностей.

Нежданные гости появились перед обедом, мать в спешном порядке принялась накрывать на стол. Анна предложила свою помощь, но Василиса наотрез отказалась от предложенных услуг.

– Сама управлюсь, не на свадьбу накрываю, – сказал она с каким-то потаённым смыслом, известным лишь ей самой.

Пока мать колдовала на кухне, Михаил с Аннушкой вышли в палисадник, остановились у черёмухи. Ветки со спелыми ягодами соблазнительно свесились вниз и безмолвно призывали проверить их на вкус.

Михаил отломил несколько гроздей, протянул Аннушке:

– Попробуй, у вас я не видел черёмухи.

Аннушка собрала ягоды в горсть, отправила в рот.

– Очень вкусно, – сказала она. – Созрели. Мы с мамой раньше ходили за черёмухой в лес, а потом она молола ягоды на мясорубке и готовила начинку для пирогов. Пироги получались замечательные.

– Моя мать тоже пекла пироги с черёмухой, только они мне не нравились, – сказал Михаил – Мякоть впитывалась в тесто, оставались одни дроблёные косточки.

– Неправда, – не соглашалась Аннушка. – Выдумываешь всё.

– Правда, неправда – у каждого из нас осталось своё мнение, – сделал вывод Михаил. – Давай лучше подумаем сейчас, какую правду мы будем излагать за столом моим родителям.

– Надеюсь, ты не собираешься ошарашить их известием о свадьбе? – спросила Аннушка.

– А почему бы и нет?

– Ты что, серьёзно?

– Испугалась? – усмехнулся Михаил. – Не бойся, не ошарашу. Но намекнуть им, что у нас не просто дружба, а нечто большее, пожалуй, следует. Когда ещё подвернётся удобный случай?

– Скажи, а как ты вырвался из стройотряда? Как тебя отпустили? – попыталась уйти от неприятной для неё темы Аннушка.

– Интересно?

– Очень.

– На первом курсе студентам строительного факультета не разрешается работать в стройотряде, потому что предусмотрена геодезическая практика, – начал пояснение Михаил. – Я ходил на приём к декану и убедил, что практику мы с ре-

бятami пройдем в стройотряде. Месяц мы отработали на мелиорации болот, вели геодезическую съёмку заболоченных участков, сделали необходимый отчёт. Отвести документы в институт было поручено мне. На это время отводилось больше времени, чем я затратил на самом деле. Почему я воспользовался окном – думаю, объяснять не стоит. Но послезавтра я должен быть снова среди болот. Вернусь с первыми заморозками.

– Хм-м, не перестаю удивляться твоим скрытым качествам, – сказала Аннушка. – Казался мне всегда таким пинька-мальчиком, что я не переставала умиляться твоей наивностью. И вдруг невинный юноша прямо на моих глазах стал обнажать своё истинное лицо, начал показывать, насколько он расчётлив и изворотлив.

– Я не расчётливый и изворотливый, – недовольно произнёс Михаил. – Я просто разумно пользуюсь сложившейся ситуацией.

Из-за угла избы появился отец, махнул рукой, позвал:

– Молодёжь, айда к столу, мать зовёт.

– Ну, что? Пойдем на смотрины? – весело сказал Михаил.

– Как на самый трудный экзамен, к которому я совсем не готова, – обронила Аннушка на ходу, не разделяя весёлого настроения Михаила.

За столом Василиса сначала пристально всматривалась в смущённое лицо гостя, даже не пытаясь делать это скрытно. Потом перевела взгляд на сына, спросила:

– Надолго пожаловали?

– На денёк, повидаться с вами, раз такая okazия подвернулась. Аннушка возвращается домой в Горнозаводск, и мой обратный путь на шабашку лежит тоже через Горнозаводск. Мне нужно быть на кал'ыме послезавтра. Добираться до места очень сложно. В Перми встретились на станции совершенно случайно, разговорились. Выяснилось, что она может пристроить меня на попутный транспорт. В наш медвежий угол добраться можно лишь на тракторе или на лесовозе. Ни автобусы, ни паровозы туда не ходят. Вот и уговорил её заехать к нам, чтобы завтра вместе отправиться дальше, – скороговоркой сообщил Михаил, будучи уверенным, что таким образом не вызовет подозрения о чистом вранье, которое пришло на ум спонтанно.

– А в Пермь тебя каким ветром занесло? – спросил отец.

– Отчёт по геодезии возил. Срок сдачи истекал. Долго объяснять, батя, – быстро орудуя ложкой в тарелке с супом, ответил Михаил, не поднимая глаз на отца.

– Вы что, давно знакомы? – поинтересовалась мать, обратив свой вопрос к гостю.

Михаил быстро перехватил инициативу на себя, ответил:

– Давно, мама. Мы очень хорошие друзья. Почти год ходим вместе во Дворец спорта. Аннушка – кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике. Я продолжаю заниматься боксом.

– Это правда? – спросила Василиса, решив найти подтверждение сказанному у гостя.

– Да, Василиса Марковна, это так. Мы с вашим Мишей вместе занимаемся спортом, – не моргнув глазом, подтвердила Анна холодным официальным тоном, назвав впервые мать Михаила по имени-отчеству.

Потом было ещё много вопросов об учёбе, о родителях Аннушки, о её планах на будущее. Вопросы в основном задавала мать Михаила, отец больше молчал и слушал. А Василису интересовало всё об Аннушке, вплоть до наименования стирального порошка, которым она обычно пользуется.

Но этот допрос можно было сравнить с зачётом, сам экзамен был впереди, который Аннушка провалила.

После обеда молодые направились на речку погулять, а отец по распоряжению Василисы принялся топить баню.

– Саша, натопи получше, чтобы жару хватило на всех, – сделала напутствие Василиса.

– А пойдут ли молодые? Ты не спрашивала?

– Мишка пойдёт обязательно, а его подружку я возьму с собой, не откажется, – уверенно заявила Василиса.

– Надо было всё-таки спросить, – сказал отец. – Вдруг не пойдут? Чего зря дрова в небеса запускать?

– Оба пойдут, топи, не сомневайся.

Баня оказалась для Аннушки пыточной комнатой. Василиса специально заманила её с собой, чтобы удовлетворить своё материнское любопытство. Женское чутьё подсказывало ей, что подружка сына совсем не такая уж невинная овечка, какой предстала в их доме.

Аннушка сначала отказывалась идти в баню, ссылаясь на то, что несколько дней назад посещала подобное заведение у себя дома, но затем под натиском Василисы всё же согласилась составить ей компанию.

– Хорошо, Василиса Марковна, уговорили. Попарю вас веничком и потру спину. Сама только окачусь, ладно?

– Ну, вот и хорошо, – обрадовалась Василиса. – Сто лет меня никто по-настоящему не обхаживал веничком. Повезло сегодня, напарюсь от души.

Первый жар приняли Михаил с отцом. Когда они, распаренные, присели за столиком под берёзой, в баню отправились Василиса с гостьей...

... Из воспоминаний Аннушку вывел стон старухи в соседней комнате. Она прислушалась, стон повторился, усилившись по звуку.

– Бабушка Алкын! – позвала Аннушка хозяйку громким голосом.

Старуха не откликнулась. Аннушка соскочила с кровати, метнулась к ней в комнату. Кровать освещалась полной луной, и было видно, что старуха лежала на спине и мирно храпела.

– Бабушка Алкын, – вновь позвала Аннушка, легонько потряхнув старуху за плечо. – Вам плохо?

Старуха открыла глаза, испуганно посмотрела на квартирантку, не сразу узнав её. Затем осознала, кто стоит перед ней, недовольно пробурчала:

– Тебе чего? Почему не спишь?

– Бабушка Алкын, вы громко стонали, вот я и подошла.

С вами всё в порядке?

– Иди спать, Нурия, не тревожься. Со мной такое бывает.

Старуха повернулась на бок и затихла.

Аннушка вернулась обратно в постель. О скором сне можно было забыть.

Глава 16

На следующий день в Березниках появился Михаил Кацапов. Из Барды он отправился пешком по обочине накатанной дороги, но уже на первом километре его нагнал мотоцикл «ИЖ Планета» с коляской.

– Куда путь держишь, добрый молодец? – спросил остановившийся мотоциклист, когда облако пыли от железного коня снесло с дороги слабым ветерком в поле. – Ты, часом, не заблудился?

– Если дорожные указатели не врут – значит, иду правильно.

– Неужто в Березники? – удивился молодой мужик за рулём. На вид ему было не больше тридцати пяти лет. Внешность не башкирская.

– Угадал. Туда.

– Тогда садись, доедем с ветерком, – весело сказал мужик.

Михаил забрался в коляску, мотоциклист отпустил ручку сцепления и дал полный газ. Мотоцикл, словно застоявшийся конь, рванул с места и помчался дальше, оставляя за собой шлейф густой пыли.

– Какая нелёгкая тебя сюда занесла? – прокричал хозяин железного коня, перебивая голосом звук режущего мотора.

– Почему ты считаешь, что в твою деревню может занести лишь нелегкая?

– Потому что ты не башкир и не татарин, значит, у тебя нет ничего общего с нашей деревней, значит, ты чужой.

– Ты прав, ничего общего с вашей деревней я не имею. А вот разыскать одного человечка в ней мне крайне необходимо. Прямо позарез.

– Следовательно, что ли? – спросил мотоциклист.

Михаил быстро сообразил, что цель своего визита раскрывать первому встречному вовсе не следует, и ухватился за очень хороший вариант, который подсказал мотоциклист. Он решил подыграть мужику.

– По особо важным делам, – сказал он с нарочитой небрежностью.

– А что за дело?

– А вот это уже, товарищ, лишний вопрос, на который я тебе ответить не могу, – Михаил свёл брови к переносице, сделав лицо серьёзным и озабоченным. – Служебная тайна. Скажи-ка лучше мне, где у вас тут остановилась молодая учительница физкультуры по фамилии Мухамединова?

– Нурия Нуриевна? – обрадованно спросил мужик.

– Ты её знаешь? – удивился Михаил.

– Ха, ещё бы. Она будет преподавать физкультуру у моего оболтуса. О ней уже весь Каен-Авыл знает.

Михаил чуть было не прокололся, намереваясь спросить, что такое Каен-Авыл, но вовремя удержался от вопроса. Следовательно, направляющийся сюда по делу должен обязательно знать, что такое Каен-Авыл.

– Выходит, учитель – уважаемый человек в вашей деревне? – спросил Михаил.

– В Каен-Авыле проживает всего около пяти сотен человек, – прокричал мотоциклист. – Каждый друг друга знает в лицо. А тут новый человек появился, да ещё учитель нашей ребятни, любому не терпится с ней поздороваться.

– И ты с ней здоровался? Видел в лицо?

– А как же! – с гордостью ответил мотоциклист. – Минут пять общались.

– Как тебя зовут?

– Степаном. А тебя?

– Михаил.

– Очень приятно.

– Скажи мне, Степан, какое впечатление у тебя осталось о новой учительнице? Как она выглядит, как себя ведёт с народом? – тоном дознавателя спросил Михаил.

– Вы её в чём-то подозреваете? – удивился Степан.

– Нет, в нашем деле она проходит свидетелем. Просто мне хочется представлять, насколько можно доверять её показаниям.

– Хороший она человек, добрый и отзывчивый, врать не станет, не сомневайся. И красивая, – расплылся в улыбке Степан. – Не будь у меня семьи – приударил бы за ней однозначно.

– Она же мусульманка, а ты, как я вижу, русский, – заметил Михаил. – Не склеилась бы ваша любовь.

– Это почему же?

– Ну, как? Не положено у мусульман отдавать девушку за муж за русского.

– Я бы веру ихнюю принял, совершил никях, – не колеблясь ни на секунду, высказался Степан. – Я ведь только по паспорту русский, а фактически давно превратился в мусульманина. Даже в мечеть иногда захожу.

– Ну, тогда понятно, – раздумчиво проговорил Михаил, мысленно примеряя себя на место Степана, стоящего в татарской тюбетейке перед имамом в мечети.

«Нет, я не смог бы так поступить», – сделал он заключение про себя без всякого сомнения.

Мотоцикл на полной скорости влетел в деревню и вскоре остановился у добротного дома с глухими воротами, выкрашенными в зелёный цвет.

– Вот тут наша Нурия и остановилась у бабки Алкын, – громко проговорил Степан, не глуша мотор.

Михаил выбрался из коляски, потоптался на месте.

– Спасибо, Степан, – сказал он, пожимая руку мотоциклисту.

– Не за что, товарищ следователь, – живо откликнулся русский мусульманин. – Обращайся, если что. Степана Лабутина здесь все знают.

Мотоцикл развернулся и помчался в обратную сторону. Михаил решительно шагнул к воротам.

– Кто там? – послышался за воротами знакомый голос Ан-

нушки, после длительного и настойчивого стука Кацапова.

– Откройте, следовательно, – изменив голос, требовательно проговорил Михаил и замер в ожидании.

Звякнула щеколда на калитке, в открывшемся проёме в красном спортивном костюме появилась Аннушка. От неожиданности лицо её вытянулось и, как показалось Михаилу, слегка побледнело.

– Ты?! – испуганно выдохнула она и не двинулась с места, не бросилась гостю на шею.

– Я, Аннушка, опять я, и снова я, и всегда буду я, и только я, и никто другой кроме меня, – как пули из пулемёта, выскочили слова из уст Михаила. – Или ты не рада нашей встрече?

– Тебе не нужно было сюда приезжать, – голосом обречённого человека выдавила Аннушка из себя.

– Что ты такое говоришь, любимая? – перейдя почему-то на шёпот, сказал Михаил. Он был в полном непонимании от того, что с ней происходит. – Я приехал сюда, чтобы увидеть тебя. Я очень соскучился по тебе, ведь с последней нашей встречи прошла целая вечность.

– Не говори ничего, проходи в дом, – пригласила она Михаила. – Там поговорим.

Михаил, ничего не понимая, последовал за Аннушкой. Её необычное поведение сильно его настораживало. Постоянно смеющиеся глаза девушки впервые были равнодушны и холодны.

– Что произошло, Аня? – попытался выяснить на ходу Михаил.

Ответа не последовало, молчание продолжалось до того момента, пока они не прошли в её комнату.

– Ты объяснишь мне, наконец, что с тобой происходит?! – набросился он на Аннушку, едва она затворила за собой дверь.

– Успокойся, я всё сейчас объясню, – сказала она. – При-
сядь.

Михаил оглядел комнату, послушно присел на стул в углу.

– Нас не должны видеть вместе, – начала разговор Аннушка. – Это будет лучше для нас обоих. Моя хозяйка ушла к подруге и пока её нет, ты должен уйти.

– Тебя что здесь, околдовали?! – взвился Михаил, не выдержав странного отношения к себе. – Или у тебя крыша съехала?

– Не кричи. Делай, что я тебе говорю.

– А если не сделаю, меня побьют татары и бросят в яму? Выкуп затребуют? – съязвил Михаил. – Как в «Кавказском пленнике» у Толстого? Средневековье, какое-то, ей богу.

– Зря смеёшься, – сказала Аннушка. – В деревне не любят, когда с татарской девушкой русский общается. А у тебя и вовсе перебор – явился в дом без приглашения, причём, в отсутствии хозяйки.

– Ах, вот в чём дело! – воскликнул Михаил и повеселел. – А я-то, грешным делом, подумал уже, что ты парня здесь на-

шла. Тогда можешь быть спокойна. Я легенду для нас придумал.

– Какую ещё легенду?

– Ну, как в детективах про разведчиков или милиционеров, засланных в банду.

– Что ты несёшь?

– Я серьёзно, Аннушка, – Михаил встал, хотел подойти к любимой и обнять, но та остановила его приказом: – Не подходи к окну, сиди, где сидел.

– Ёшкин свет! – ругнулся Михаил, присаживаясь обратно на стул. – Что здесь происходит вообще? Ты можешь меня выслушать?

– Говори, я слушаю.

– Меня до деревни довёз один ваш житель, русский. Степаном зовут. Так вот ему я представился как следователь, которому необходимо допросить свидетельницу по одному уголовному делу. Некую Нурию Нуриевну Магомединову. Тебе известна эта персона?

– Ты как всегда в своём ампула фантазёра, – сказала Аннушка, и натянуто улыбнулась. – Но это ничего не меняет. Дураку понятно, что следователю достаточно одного-двух часов, чтобы допросить свидетеля и оформить протокол. Сутками девушек не пытаются, а занимаются анализом полученной от неё информации. Причём, в конторе, а не в доме свидетельницы.

– Всякое бывает, когда следователь ведёт очень запутан-

ное дело, приезжает за уликами издалека, для него важна каждая мелочь, – попытался отшутиться Михаил. – Свидетелю не всегда удаётся вспомнить сразу все детали преступления.

– Не говори ерунду, – сказала Аннушка. – Вставай, пошли.

– На расстрел?

– Отведу тебя в одно укромное место, там мы продолжим наш разговор.

Дом старухи Алкын был последним в улице, дальше протекала река. Аннушка повела Михаила к ней. По дороге она спросила:

– В деревне ни с кем больше не общался, кроме Степана?

– Нет. Пулей пролетел на его драндулете, окутанном облаком пыли, – в который раз усмехнулся осторожности своей возлюбленной Михаил. – Никто меня не разглядел.

– Это хорошо.

– Чего хорошего? Прячусь, как преступник, будто ворую любовь у замужней женщины. Интересно, как бы ты вела себя, если бы приехала учительствовать уже замужней? Также сторонилась бы меня, законного мужа, из-за того, что я не мусульманин?

Аннушка надула губы и ничего не ответила.

Место на берегу реки, куда они пришли, действительно было укромным. Здесь берег приподнимался вверх и был облеплен густым кустарником. Среди этих зарослей имелась

небольшая проплешина.

– Это и есть твоё убежище? – спросил Михаил.

– Да. Здесь я провожу своё свободное время. Место безлюдное, ничто не мешает размышлять.

Аннушка достала из сумки небольшой коврик, расстелила на земле. Их глаза встретились, не сговариваясь, они разом опустили на цветастый кусок плотной ткани.

– Ну, рассказывай тогда, как устроилась, какие крамольные мысли посещают твою светлую голову, – первым заговорил Михаил. Он сломил веточку, сделал из неё прутик, принялся ковырять им землю.

– Я здесь о многом передумала, Миша, – вздохнув, сказала Аннушка. – И решила рассказать тебе всё, чего ты не знаешь.

– Речь пойдёт о той большой тайне, которую ты откладывала на потом?

– Ты запомнил мои слова?

– Да, но я тогда сразу догадался, о чём ты боялась мне сообщить.

– И о чём ты догадался?

– О том, что тебя однажды обесчестили, – сказал Михаил. – И тебе страшно было признаться мне.

– И об этом в том числе.

– Боже, как много тайн ты собралась мне сегодня открыть.

– Рано или поздно мне пришлось бы объясниться с тобой, – бесстрастно вымолвила Аннушка. – Сегодня такой мо-

мент настал. Мы поговорим откровенно.

– Ты решила расстаться со мной? – Михаил повернулся к Аннушке, уставился пронзительным взглядом в её лицо.

– Да, я так решила, – сказала она, не отводя глаз. – Я поняла, что наша любовь зашла в тупик, и у нас не может быть будущего. Если до приезда сюда я ещё сомневалась в этом, то сейчас окончательно утвердилась.

– Аннушка, милая, послушай меня. Любой туман, даже самый густой, не является препятствием для движения вперёд. Это ведь не глухая стена, которую нельзя преодолеть. Для выхода из тумана существует два варианта: либо продолжать путь наощупь и набить себе шишек, либо дождаться, когда туман рассеется.

– Красиво говоришь, Миша. Но наш туман, к сожалению, не рассеется, он поглотил уже мой разум и сердце, между ними не осталось противоречий, мои чувства к тебе угасли.

– Что ты говоришь, Аннушка? Такого не может произойти внезапно. Ты же любила меня всё это время, и любишь сейчас, я в этом несколько не сомневаюсь.

– Какой же ты самоуверенный. Припомни хотя бы одно наше свидание, на котором я призналась в своей любви к тебе?

Это был удар ниже пояса. Михаил опешил, принялся воскрешать в памяти все их свидания. И сколько бы он не ворошил их в памяти, нужно было признать: ему никогда не приходилось слышать от неё слов любви. Однако, она ни ра-

зу не давала повода засомневался в её чувствах. Ему всегда казалось, что всё было написано на её лице и вовсе необязательно подтверждать чувства словами.

– Неужели ты способна сжечь веру в наше счастье? – спросил Михаил. – Вот так просто? Взять спичку, чиркнуть о коробок и поджечь мост любви, на котором мы стоим?

– Этой веры уже не существует, её вместе с мостом сожгли наши родители, – с трудом сдерживая раздражение, заявила Анна. – Ты, похоже, ничего не знаешь.

– Чего я не знаю?

– То, что сказал мой отец после твоего отъезда, и что поведала мне в бане твоя мама.

– Что такого страшного они наговорили, что ты сразу решила расстаться со мной?

– Мой отец сказал, что ни при каких обстоятельствах не разрешит выйти замуж за русского, даже если этот русский будет золотым.

– Так и сказал? – не поверил Михаил. – Мне показалось, мы с ним расстались друзьями.

– Как видишь, твоё впечатление оказалось ошибочным. Даже помощь по хозяйству, которую ты оказал, не дала тебе пропуск в его дом, не проторила дорожку к моему сердцу.

– Понятно. А что же наговорила моя мать?

– Дала мне от ворот поворот, – с горестью сообщила Анна. В глазах накатила непрошенная слеза, вероятно ей вновь вспомнился неприятный разговор с его матерью

– А конкретнее?

– Конкретнее? – Аннушка на миг задумалась, стоит ли воспроизводить те унижительные слова, которые ей пришлось выслушать. – Сначала измусолила всю меня взглядом, как диковинный товар на полке магазина. Потом, убедившись, что я не русская и уже не девственница, высказала это вслух непристойными словами, которые я не хочу повторять. Самое обидное в том, что это я, оказывается, тебя обманула и пытаюсь соблазнить, и пока не забрюхатела – должна оставить тебя в покое. А если ты провалишься в мою яму, и у нас появится ребёнок – признавать татарчонка своим внуком она не будет и побрезгует держать его у себя на руках. Ну и прочие оскорбительные слова.

– Вот оно что... – чуть слышно проговорил Михаил, уставившись в мирное течение реки. – Никогда бы не поверил, что моя мать способна на такое...

– Безумная материнская любовь непредсказуема, – отметила Аннушка. – Твоя мама, увы, не исключение. Вот теперь и поставь себя на моё место. Отречься от собственных родителей, быть заклятым врагом свекрови, стать презрением в деревне, где мне необходимо отработать три года? Я не способна на такой подвиг, Миша. Ты очень много требуешь от меня.

Михаил молчал, не в силах возражать. Его прутик проковырял в земле глубокую ямку и сломался. Он с раздражением отшвырнул его в сторону, лёг на спину, уставился в небо

и молчал.

Говорить, как ему казалось, больше было не о чем, уговаривать – бессмысленно. Пришло чёткое осознание неизбежного конца счастливых дней, полных ожидания чего-то нового, радостного, трепетного. Появилось такое ощущение, будто наступает конец света. Казалось, пройдёт ещё некоторое время, и неизбежная катастрофа охватит всё вокруг. Тёмные тучи заволочут небо и надолго спрячут солнце. Исчезнут навсегда большие и малые житейские радости, улыбки и смех никогда не появятся на лицах людей. Вокруг воцарятся бесконечная тёмная ночь и хаос. Потеряются цель и смысл самой жизни.

Душа Михаила негодовала о несправедливости судьбы, разум не соглашался с нарушением внутренней гармонии. Теперь он сам попал в безжалостный капкан односторонней любви, в который угождает множество людей. Теперь ему придётся испытать на собственной шкуре, что такое любить по-настоящему и быть отвергнутым. Перед глазами тотчас встало печальное лицо Нади Аристарховой, затем его сменил облик Галины Красиковой с красными от слёз глазами.

Шло время, они продолжали молчать. Михаил с закрытыми глазами лежал на спине, Анна сидела рядом, уставившись в одну точку. Каждый думал о своём.

Солнце исчезло, его затянуло тучами, невесть откуда появившимися на небе. Ни Михаил, ни Анна не придавали значения этому обстоятельству, они просто не замечали ничего

вокруг.

И вдруг блеснула ослепительная молния, с оглушительным грохотом расколов небо.

Михаил резко приподнялся, с тревогой посмотрел на Анну.

– Бежим! – крикнула она в испуге.

Михаил, словно подпружиненный, вскочил на ноги, Анна быстро сложила коврик, сунула в сумку, и они побежали.

Дождь хлынул внезапно, его струи были очень плотными и холодными, уже через минуту оба беглеца промокли насквозь так, будто вышли из реки. Забежав во дворе под навес, оба дрожали от холода.

– И как ты поступишь теперь со мной? – спросил Михаил, снимая с себя верхнюю одежду, намереваясь выжать.

– Заночуешь у меня, – уверенно заявила Аннушка и принялась снимать с себя спортивный костюм. Затем, оказавшись в трусиках, посмотрела на Михаила и ловким движением стянула мокрую футболку.

Михаил впервые видел Анну в полуобнажённом виде и не мог оторвать взгляда от её смуглого и сильного тела. Тренированная спортивная фигура была великолепна. У него от восхищения учащённо забилось сердце.

– Помоги выкрутить, – не стесняясь своего обнажённого тела, сказала она, протягивая куртку. Он понял, что для неё это было обычным явлением, вроде как стоять перед стартом на стадионе в шортах и обтягивающей грудь футболке.

Они выжали одежду, развесили на верёвках под навесом.

– Стой здесь, я принесу тебе сухое бельё, – сказала Анна и исчезла в дверях. Михаил стал прохаживаться по двору, делая различные упражнения, чтобы согреться.

Через пару минут Анна высунула голову в приоткрывшиеся двери, скомандовала:

– Заходи в дом.

– Но... – Михаил хотел спросить, как же он предстанет перед старухой в одних плавках, и не успел: дверь захлопнулась. Он несмело поднялся на крыльцо, потянул дверь на себя. Старухи в доме не было.

– Тебе повезло, – сказала Анна, протянув ему чистую футболку и тренировочное трико. Сама она уже переделалась. – Старухи сегодня не будет.

– Куда она подевалась? – поинтересовался Михаил, чувствуя в себе прилив скрытой радости.

– Азат заезжал без нас, увёз её к себе в Барду. Записку вон на столе оставил, написал, что утром привезёт обратно. Она ему для чего-то срочно потребовалась. Алкын сказывала, у него кто-то родился недавно.

– Кто такой Азат?

– Внучатый племянник, кажется, – припомнила Анна. – Других родственников у старухи нет.

– А ты не рискуешь своей репутацией, оставляя меня на ночь? – спросил Михаил с улыбкой, не сводя с Аннушки глаз.

– Не выдворю же я тебя из дома в таком виде, – ответила Анна. – Подойди к зеркалу, полюбуйся на себя. Мокрая курица и та лучше выглядит. Да и жалко мне тебя.

– Жалко, говоришь?

– Да, жалко. Что я, не человек что ли отпускать тебя в распутицу в мокрой одежде, пешком, да на ночь глядя?

– Спасибо и на этом, – усмехнулся Михаил. – Коли так – давай в чём-нибудь помогу тогда. Не сидеть же мне, сложа руки до ночи.

– Ужином надо заняться, картошку мне почистишь, – распорядилась Анна. – В ведре под умывальником стоит, почисти штук десять.

– Слушаюсь. Картошку жарить будешь, или сваришь?

– Пожарю, жареную я больше люблю. А ты?

– Я тоже жареную уважаю, – сообщил Михаил. – Слушай, у меня в портфеле тушёнка имеется. Может, вскроем баночку для сытости?

– Говяжья?

– Нет, свиная. Но она не жирная, одно мясо практически. Я одну банку умял в дороге за милую душу.

– Тогда готовь себе отдельно, – последовал ответ недовольным голосом.

До Михаила не сразу дошло, почему Аннушка переменяла тон.

– Ты бы ещё бабке Алкын свою тушёнку предложил, – пробурчала Анна. – Мгновенно бы схлопотал ухватом по

спине.

– Прости, Аннушка, не подумал как-то, что ты тоже придерживаешься мусульманских обычаев насчёт свинины.

– Прощаю и скажу больше: если старухе станет известно, что ты ел свинину из её посуды – она вышвырнет её на помойку, как осквернённую.

– М-м да, неловко как-то получилось.

Так, слово за слово, они возобновили общение, не касаясь темы расставания. Поужинав, сели смотреть телевизор, расположившись в разных креслах на значительном удалении друг от друга. Так что, если бы Михаилу вдруг взбрело в голову протянуть руку к любимой, у него ничего бы из этого не вышло. Потом Михаил сбегал во двор, принёс влажную одежду. Анна установила гладильную доску, принялась сушить её утюгом.

Дождь давно закончился, за окном стояла тишина, на землю опустилась тьма, растворив в себе все предметы и строения.

Аннушка раскрыла старенький диван, достала оттуда постельное бельё, принялась стелить простынь. Когда постель была готова, сказала непривычно по-домашнему:

– Спать будем вместе. Не могу я себе позволить тайно от старухи ковыряться в её сундуке, а второй комплект белья лежит грязный в стиральной машине. Только чур: спим спиной друг к дружке. Договорились?

– Но я во сне ворочаюсь, – съязвил Михаил. – И не могу

себя контролировать.

– Во сне ты безопасен, – прозвучало в ответ. – И ещё. Встаёшь по будильнику в четыре утра и пока деревня спит – покидаешь этот дом.

– Ясно, – усмехнулся Михаил. – Ложись первой, и отворачивайся к стенке. Потом уж я пристроюсь по-сиротски.

Через четверть часа Михаил потушил свет в комнате и уместился на диване с краю...

Глава 17

– Ты что, ограбил кого-то? – с тревогой в голосе спросил отец, холодно блеснув глазами.

– С чего ты взял? – рассмеялся Михаил.

– А как ещё иначе можно отхватить такую кучу деньжищ?

– Заработать.

– Мешок денег? Заработать?

– Да, батя, заработать честным путем, если трудиться четыре месяца по шестнадцать часов в сутки и без выходных, – сбросив улыбку с лица, серьёзно проговорил Михаил. – В этом мешке только половина того, что мне причитается.

– Половина?! – удивленно воскликнул отец, с недоверием заглядывая в раскрытый рюкзак.

– Да не разыгрываю я тебя, – сказал Михаил и, перевернув рюкзак, высыпал деньги на стол. – На, смотри, всё без обмана.

– Сколько тут?

– Четыре тысячи, – с гордостью сообщил Михаил. – А много потому, что банк выдал рублёвыми купюрами, да немного трёшками. Незапланированная выдача произошла.

– Это что же получается? – отец отвёл взгляд в сторону, наморщил лоб, производя в уме какие-то расчёты. – На эти деньги можно купить легковушку «Жигули», мотоцикл «Урал», корову и ещё много останется на безбедную жизнь?

– Да, батя, ты правильно посчитал. Только ничего из перечисленного я покупать не собираюсь. Эти деньги я вам с матерью дарю. Положите на сберкнижку, потом снимайте, сколько потребуется, и забудьте, наконец, о бедности. Поживите хоть на старости красиво и без забот.

Из глаз отца выкатились две скупых слезы, он тут же смущенно смахнул их рукой.

– Мать, иди сюда! – крикнул он из комнаты. – Посмотри, что сын тебе привёз.

– Василиса копошилась на кухне, разогревая поздний ужин для сына. Он приехал последней электричкой из Перми, часы показывали уже половину первого ночи.

Они с отцом уже спали, когда Михаил, привычно перемахнув через забор, постучался в окно из палисадника. Отец отворил дверь, радости не было предела, потому что сын не появлялся в отчем доме с праздника Победы. Это был святой день для их семьи, и Михаил каждый год 9-го мая устремлялся в родной посёлок, чтобы быть за праздничным столом вместе с родителями.

Василиса вся извелась, думая о Михаиле. Он сильно изменился за последние два года: стал молчаливым, с ней не шутил, как прежде, не подтрунивал над её недостатками, взгляд сделался чрезмерно сосредоточенным и холодным, говорил с ней строго и лаконично.

– Чего ты хотела? – высказал ей Александр, когда она однажды поделилась с ним о своих наблюдениях за сыном. –

Парень прошёл суровую школу жизни – был на войне, повзрослел, возмужал, заматерел, одним словом, смешки и шуточки остались в прошлом. Привыкай. В семье появился второй мужик после меня.

Василиса согласно кивала мужу, но нутром чувствовала, что отношение сына к ней изменилось совсем не потому, что произошло взросление. Она была почти уверена, что причина кроется в его разлуке с этой Анной, в которую он по глупости втюрился на первом курсе.

Два года назад Михаил заезжал домой перед отправкой в колхоз на один день. Тогда между ними состоялся неловкий разговор. Сын заявился нервный, взвинченный, беспричинно нагрубил, когда она решила сложить его вещи.

Василиса отошла в сторонку и поинтересовалась с осторожностью, что стряслось, почему он так себя ведёт? Михаил обернулся и с издёвкой заявил:

– Благодаря твоим стараниям, мама.

– Что ты такое несёшь? – возмутилась она. – Какой петух тебя клюнул? А ну, признавайся!

– Клюнул, мама, – ответил сын с раздражением. – Больно клюнул, прямо в самое сердце. И этого петуха зовут Василиса Марковна Кацапова.

Она сразу догадалась, что причиной грубого поведения сына явилась эта смазливая и беспутная татарка. Это она в отместку наплеала сыну небылиц с три короба про разговор в бане, хотя поклялась не передавать его содержание Михаилу.

– Ты злишься из-за своей татарки? – спросила она прямо.

– Мама, прошу тебя впредь не называть Анну татаркой, – шумно выпуская воздух через нос, сказал сын. – Это звучит оскорбительно. У нас в Советском Союзе все национальности имеют равные права, такие же, как, впрочем, и у украинцев. Она единственная девушка, которую я полюбил. Кто тебя просил вмешиваться в наши отношения? Какое тебе дело, кого я полюбил? Это моя личная жизнь, понятно тебе?

– Сынок, если бы она была христианкой – я бы, возможно, смирилась, несмотря на то, что ты у неё не первый. Но она мусульманка, как ты представляешь себе совместную с ней жизнь?

– Сейчас другие времена, – сказал Михаил. – Всё, о чём ты сейчас сказала – предрассудки. Из-за этих самых предрассудков я потерял любимую девушку навсегда. А вот этого факта ты как раз и не понимаешь.

Михаил не стал больше с ней общаться. Обидевшись, собрал вещи и уехал. О разговоре с сыном она рассказала мужу лишь спустя четыре месяца, когда Михаил не счёл нужным появиться за это время в отчем доме.

– Жениться на татарке, конечно, не лучший вариант, – отозвался тогда её Александр. – Но лучше было бы не вмешиваться. Разобрались бы сами. Молодёжь сейчас живёт без религии. Татары не посещают мечеть, русские – церковь. Всё сейчас перемешалось.

– Ты считаешь, мне не нужно было вмешиваться?

– Что сделала, то сделала, – вздохнул с сожалением Александр. – Теперь остаётся пожинать плоды своего вмешательства.

– Думаешь, он не простит мне? – с сокрушённым видом спросила Василиса.

– Мишка у нас отходчивый, – обнадёжил Александр. – Пройдёт время – оттаёт. Оглянется вокруг, пошевелит мозгами и отойдёт. Юни не распускай раньше времени, да не усяюкай с ним. Он этого не любит.

– Хорошо бы так-то, – с надеждой высказалась Василиса.

И вот теперь, похоже, настал тот долгожданный день, о котором она мечтала целых два года. Сын был радостный, при встрече впервые за два года слегка обнял её. Правда, не так, как делал это до разногласий, крепко прижимая её к себе, но и таким объятиям Василиса была несказанно рада.

– Что там он привёз? – проговорила она громко и направилась в комнату. Увидев большую кучу денег на столе, со страхом ахнула:

– Откуда они у тебя?! Чьи это деньги?!

Отец, довольный произведённым эффектом, рассмеялся:

– Наши они, сын заработал для нас с тобой. Своим горбом и честным трудом. Гордись, мать, нашим Мишкой! Выйдет он в люди!

– Зачем нам столько? – удивилась Василиса. – Потратить всё на себя. Тебе они нужнее.

– Ты мать не поняла, – опять рассмеялся отец. – Мишка

заработал восемь тыщ! Четыре отдаёт нам, чтобы мы положили себе на сберкнижку и тратили, сколько душа попросит.

– А ты, старый, и обрадовался сразу.

– Ну, не плакать же, когда деньги с неба свалились.

– Это правда? – спросила мать, взглянув на Михаила.

– Да, мама. Эти деньги ваши. Себе я оставляю половину. Положу на книжку, буду добавлять к стипендии. Хватит нам побираться, да пересчитывать кучки десятикопеечных монет.

– Копейки – тоже деньги, – не согласилась Василиса.

– Ты права: копейка рубль бережёт, – сказал Михаил. –

Ты меня покормишь?

– Конечно. Иди на кухню, я приготовила твои любимые макароны с мясом.

Он быстро умял макароны, запил чаем, и сказав «спасибо», отправился в свою комнатушку. Мать ещё повозилась некоторое время с посудой, потом ушла спать в большую комнату. В доме наступила тишина.

... Михаил не кривил душой, когда говорил про пересчёт десятикопеечных монет. Из-за нехватки денег семье приходилось постоянно экономить на всём, и, по возможности, добывать ещё дополнительные копейки в общую копилку. Кормилец был один – отец, имеющий маленькую зарплату, остальные являлись иждивенцами. Мишке не хотелось быть нахлебником. Он искал любой способ, чтобы внести свой посильный вклад в семейный бюджет.

Он отстреливал ворон из рогатки неподалёку от скотобойни, где сбрасывались отходы, отрубал у них лапки и относил в санитарную службу, где получал вознаграждение по тринадцать копеек за пару. Это была неблагодарная работа. Огромные стаи жирного воронья с диким карканьем кружились над зловонными внутренностями животных. Чтобы бить по птицам прицельно, нужно было подходить поближе, пробираться среди этого смрада, кишашего червями, рискуя в любой момент поскользнуться и упасть в вонючее месиво. Падения нельзя было допустить, в противном случае точно не миновать гнева матери и, что ещё хуже, можно навсегда получить запрет на такое ремесло.

Кроме охоты на отъевшихся ворон, он иногда плёл корзинки из ивовой лозы и пытался продавать их по рублю за штуку на автобусной остановке, но торговля, почему-то, шла плохо, либо не шла совсем.

Иногда на реке удавалось забить ондатру, и он, разделав тушку, с радостью отвозил шкурку в заготконтору. Гонорар получался приличным. Зимой бегал на лыжах в тайгу и ставил петли на зайцев. Мясо шло на стол, шкурки отвозил на колхозный базар, где менял их на продукты.

Самым удачным и прибыльным делом для него являлся сбор стеклопосуды. Для этого не требовалось особых усилий. Ходи себе по посёлку да внимательно поглядывай по сторонам.

Михаил подбирал всякую стеклотару, которую принима-

ли в магазине. Главной задачей было разглядеть, чтобы края банок и горлышки бутылок не имели сколов. Иногда из-за грязи мелкие сколы увидеть не удавалось, приходилось применять пальцевой метод.

Во дворе у него стояла ёмкость из жести, в которой он отмачивал этикетки или въевшуюся грязь на банках и бутылках, пролежавших в канавах или в траве длительное время.

Бутылка стоила десять копеек. Вырученные монеты опускались в копилку, изготовленную отцом. В конце месяца копилка вскрывалась, вёлся подсчёт дополнительного дохода.

У маленького Мишки была заветная мечта: когда вырастет – обязательно заработает мешок денег и отдаст отцу, чтобы тот не убивался на работе от зари до зари, а мог ходить с матерью в кино по выходным, как это делали соседи. Чтобы смог купить мотоцикл с коляской и свозил бы его в большой город Пермь, где есть цирк и зоопарк.

И вот мечта его сбылась. Он заработал кучу денег и отдал долг родителям. Пусть поступают с ними, как посчитают нужным. Пусть это будет частичная компенсация за все муки, которые выпали на их долю.

Михаил отдал деньги с чувством необыкновенной радости, но у него не было уверенности в том, что мать позволит себе потратить даже малую часть полученной суммы. Она, конечно же, откроет счёт в сбербанке, но деньги будут лежать без движения до какого-нибудь значимого события. Скажем, до свадьбы дочерей, или же его собственной.

... Сон не шёл, Михаил перевернулся на бок, открыл глаза. Свет от яркого фонаря на автобусной остановке пробивался сквозь тонкие занавески на окне, оставляя на противоположной стене жёлтые блики.

«Свадьба, – неожиданно для себя остановился он на этом слове и задумался. – Неужели я способен решиться на такой шаг? А что? Возраст подходящий, почему бы и нет? Разгульную жизнь пора стопорить, ни к чему хорошему она не приведёт».

Михаил мысленно проследовал по цепочке событий, которые произошли в его жизни за два истекших года...

... С того раннего утра, когда он покинул деревню Березники, распрощавшись с любимой девушкой, у него, казалось, померк свет перед глазами. Всё вокруг будто плавало и кружилось, мир стал казаться серым и невзрачным. Ничего не интересовало и не радовало, сознание поразила полная апатия.

Вернувшись в общежитие, он не находил себе места. Комната была пуста, из коридора не доносилось ни единого звука, до отъезда в колхоз на картошку оставалось ещё несколько дней. Те несколько дней, которые он выкроил после стройотряда, рассчитывая провести их вместе с Аннушкой...

Не выдержав тоскливого одиночества, он накупил вина, и весь день цедил его, закусывая свиной тушёнкой, которая осталась в портфеле целёхонькой, и тупо пялился в экран

телевизора.

На следующий день, заглотив стакан опостылевшего пойла, отправился на набережную Камы и бродил бесцельно из конца в конец до позднего вечера. И всё думал, думал, думал...

Из тягостного состояния он вышел в колхозе. Студенты, вырвавшись на свободу из-под родительской опеки, чувствовали себя вольготно и готовы были ходить на головах. Все они были моложе Михаила на три года, за исключением старосты, которому суждено было отпраздновать свои двадцать пять лет на уборке картошки.

С дня рождения старосты и началась его беспечная и беспутная жизнь. Лёха Быков – староста группы – умудрился проникнуть в душу Кацапова и выпытал причину подавленного настроения.

– Брось ты переживать! – хлопнув Михаила по плечу, беззаботным голосом проговорил он. – Я, в отличие от тебя, побывал два года женатиком и успел уже развестись. И ничего, не рву на себе рубаху от обиды, что мой сын, как только начнёт говорить, станет называть папой ненавистного мне человека. Подумал за стаканом водки о том, что разбитый горшок уже не склеить, и плюнул на всё. Сейчас живу и наслаждаюсь холостяцкой жизнью. А тебе нужно трижды плюнуть через плечо, и поблагодарить своего ангела-хранителя за то, что уберёт тебя от печального финиша.

Лёха достал из кармана пачку папирос, ловким движени-

ем выбил из неё одну штуку, привычно ткнул в уголок рта, прикурил. Выпустив вверх большой клубок дыма, тоном знающего человека сказал:

– Девоч на наш век хватит. И любимых и любящих. Присмотри-ка к нашим девочкам. Вон, сколько их, необъезженных кобылок, которые вовсе не прочь с тобой познакомиться поближе. Это только на вид они скромницы, а в укромном местечке ведут себя совсем иначе.

– Тебе-то откуда известно? – спросил Михаил, выслушав длинный и поучительный монолог старосты.

– Плавали, знаем, – уклончиво ответил он.

«Плавает только г... в проруби», – хотелось ответить Михаилу в сердцах, но он сдержался. Зачем вонзать шпильки в бок человеку, который не служил на флоте?

А Лёха, как оказалось позже, знал, что говорил.

Жили студенты в недостроенной школе в большом холодном зале. Пол был выстелен соломенными матрасами – спали вповалку, не раздеваясь. В углу у окна почти непрерывно топилась печь-буржуйка. Погода уже через несколько дней после приезда установилась холодная, пошли нудные затяжные дожди.

Картофельное поле быстро развезло, ноги разъезжались в вязкой глине, лезвие лопаты не лезло в землю, превращаясь в плотный комок, копка картошки давалась с большим трудом. Одежда неминуемо намокала, её приходилось часто сушить.

Староста установил график дежурства, или как он выражался – дневальства. Дежурили парами, менялись каждые два часа.

Чтобы избежать заболеваний, Михаил предложил простой профилактический способ. Как только прошёл первый дождь, и все промокли до нитки, он, не говоря ни слова, направился в сельский магазин и вернулся с полным ведром разливного портвейна. Поставил его на табурет в углу, рядом водрузил алюминиевую кружку, зычно потребовал:

– Кто не хочет болеть – подходи на причащение!

Уговаривать никого не пришлось. Однокурсники выстроились в очередь. Кацапов сначала сам черпал вино кружкой, и подавал первому в очереди, а потом махнул рукой и сказал:

– Пейте самостоятельно, друзья, я у вас не нянька.

С этого дня и повелось ходить за вином к открытию магазина. Ходили сразу с двумя вёдрами – одного на всю группу было недостаточно. Доставкой занимались дежурные. Покупали на деньги Михаила – их у него было достаточно после работы в стройотряде. Утром, перед уходом в поле, он выкладывал на стол нужную сумму сразу на два ведра и не забывал напомнить заступающему дневному:

– Дорога скользкая, иди осторожно, чтобы не расплескать.

Не донесёшь – вычту из стипендии.

На день рождения старосты Михаил приобрёл у деревенских три живых гуся. Желающих отрубить у них головы не нашлось, как и не нашлось тех, кто хотел бы видеть этот про-

цесс. Пришлось уйти за угол школы и сделать это самостоятельно.

Зато общипать перья вызвалось сразу несколько девчонок. Одна из них, Софья Семядолина, кареглазая крепышка с пышной копной черных кудрявых волос на голове, взяла ещё тёплого гуся, осмотрела со всех сторон и спросила:

– Это гусыня, да?

– Почему так решила? – удивился Михаил.

– А где у него этот...ну, чем он гусыню щекочет, когда взбирается на неё?

Раздался дружный хохот. Не удержался от смеха и Михаил. Ему, выросшему в посёлке, было странно слышать от совершеннолетней девчонки столь наивный вопрос.

– То, что ты имеешь в виду, я отрубил под корень, – на полном серьёзе ответил Михаил.

– Жаль, не разу не видела, – с сокрушённым видом сказала Соня. – Куда ты его выбросил?

– В кусты зашвырнул, попозже могу показать. Он ничем не отличается от человеческого, только в размерах меньше.

– Мужской-то, надеюсь, тебе приходилось видеть? – с плутовской улыбкой на лице подключился к разговору Лёха и незаметно подмигнул Михаилу.

– А как же, – совершенно не задумываясь над ответом, тут же подтвердила девушка, и спохватилась, что сболтнула лишнее. Выпитый портвейн, вероятно, частично удалил тормоза из её сознания.

Взрыв громкого смеха сотряс воздух.

– В кабинете биологии, – тотчас пояснила Соня, чем звала ещё более дружный хохот.

– Да, ну вас, – сказала она сердито и отошла с гусем в сторону. Села на чурочку, подставила тазик и принялась ощипывать птицу.

День рождения Лёхи удался на славу. Было шампанское и шоколадные конфеты, по которым соскучилась вся женская половина. Питались студенты простой деревенской пищей, состоящей из щей или горохового супа на первое, варёной картошки с куском варёного сала или перловой каши со шматком сала сверху на второе.

Был сыр, колбаса, маринованные огурцы с водкой и рыбные консервы, за которыми староста съездил аж в райцентр по такому случаю.

Раздобыл он и кассетный магнитофон, под который однокурсники, убрав с пола матрасы, принялись танцевать, привлекая громкой музыкой деревенскую молодёжь.

– Ну, а теперь пойдём за мной, – шепнул на ухо Кацапову Лёха, когда веселье было в разгаре.

– Куда? – удивился Михаил.

– Покажу тебе тот самый укромный угол. Думаю, он тебе сегодня пригодится. Сонька, вон, уже вешается на тебя, пора прогуляться с ней, пока она ещё соображает.

– Ты это серьёзно?

– Серьёзней не бывает. Сонька – горячая штучка. Кто из

парней ей понравится – не отлипнет, пока не добьётся своего.

– Ты что, кувыркнулся с ней? – не поверил Михаил.

– Год назад, – сознался Лёха. – Когда распрощался со своей ненаглядной – муторно было на душе. Страдал, по ресторанам таскался, чтобы развлечься. Там однажды и встретил нашу Сонюшку.

– И что?

– Сидела, скучала, ждала, когда к ней кто-нибудь из мужиков подсядет. А я уже под шафе был – море по колено, подсел к ней, заказал вкусенького, разговорились понемногу. После ресторана увёл к себе. Друг одолжил мне после развода свою комнату на время. Недели две с ней встречались, потом она меня бросила.

– Почему?

– Деньги у меня закончились, нашла другого.

– И меня, значит, она присмотрела с той же целью? – спросил Михаил. – Чтоб деньгами попользоваться?

– Она ведь из Москвы приехала, привыкла к красивой жизни и никак не может перестроиться. А, вообще-то, мой друг, ты сам сможешь сегодня у неё спросить обо всём, – усмехнулся Лёха, и, заметив, как Михаил сжался в комок от его слов, добавил весело:

– Да не парься, ты. Сонька хотя и с норовом, но девка понятливая, проблем тебе не создаст. Возьмёт своё и отчалит в сторону. Она будет тебе реальным лекарством от любви.

Поверь.

Они подошли к бревенчатому строению на краю чьего-то деревенского огорода.

– Вот твоя комната свиданий, – сообщил Быков, высветив фонариком верх чёрного от времени строения. – Там сеновал, тепло и уютно. Лестница лежит за забором. С Кузминичной я договорился, три рубля ей всучил – кудахтать не будет.

– Когда ты всё успел? – поразился Михаил.

– Холостяцкая жизнь вынуждает заботиться о себе, – рассмехался Лёха. – Не могу я, понимаешь ли, долгое время оставаться без женщины. Привык за время семейной жизни.

– И с кем ты тут... бываешь?

– Не бываешь, а был однажды. С Феней, которая портвейн отпускает. У неё, кстати, подружка есть. Деваха – кровь с молоком! Я ей о тебе рассказывал.

– Для чего так расстарался?

– Как для чего? Запасной вариант создал, если Сонька тебе не понравится, – простодушно ответил Быков. – Нас с тобой в группе только двое настоящих мужиков, которых по-настоящему интересуют женщины, остальные – сопливые юноши. Для них смелый поступок – выпить стакан портвейна, а поцелуй однокурсницы в щёку – уже подвиг.

Они вернулись в школу, где продолжалось веселье. Софья, раз за разом, без всякого стеснения сама приглашала на танец одного лишь Михаила.

Через час они взбирались по лестнице на сеновал.

Весь месяц вечерами в деревне они гуляли с размахом. На изощрённые развлечения ушли все деньги Михаила, которые он прихватил с собой в колхоз. Хорошо, что это была лишь часть той суммы, которую он заработал. Остальные деньги предусмотрительно были отправлены на хранение в сберкассу. Из них он запланировал делать себе прибавки к стипендии, чтобы не прибегать к помощи родителей.

Уборка картошки закончилась в начале октября, остатки её выкапывали уже под мокрым снегом. Удивительно, но никто из его однокурсников благодаря «профилактике» не заболел.

Соня Семядолина перестала его интересовать уже после нескольких встреч. Расстались мирно, по обоюдному согласию. С неё Михаил переключился на подругу продавщицы Фени, с которой трижды переночевал в скирде сена за околицей. Затем и она наскучила.

Ни тоски по ним, ни сожаления о произошедшем Михаил не испытывал. Он уверенно шагал вперёд, не оглядываясь назад, словно хотел своими поступками кому-то что-то доказать.

После этих девиц были новые знакомства, новые подруги заглядывали ему в лицо. Не испытывая к ним страстного влечения, он понимал, что бурного романа не предвидится, и легко расставался с ними. В нём зародилось непонятное чувство, объяснить которое он затруднялся. Оно напомина-

ло азарт охотника, который однажды добыл самый восхитительный трофей и каждый новый экземпляр казался ему несравнимо хуже первого.

Так и шёл охотник неизведанной таёжной тропой в надежде добыть сородича великолепного качества.

Почти все его друзья переженились, Михаил насчитал двадцать свадеб, на которых побывал. Найдя жильё вне общежития, его однокурсники не выписались. В комнате Михаил обитал один.

– Моя свадьба будет следующей, – заявил он полтора месяца назад последнему обитателю комнаты, у которого был свидетелем.

– У тебя есть невеста? – удивился тот. – Почему ты здесь не с ней?

– Невесты пока нет, но она обязательно появится с самое ближайшее время, – твёрдо заверил Михаил своих друзей.

... – Вот возьму и женюсь, – пробормотал он и отвернулся к стене.

Глава 18

Декабрьская ночь была удивительной и необыкновенной. Луна на чёрном небе казалась красной. Свет, исходящий от неё на землю, искажал истинные цвета вокруг. Привычные глазу жёлтые стволы могучих сосен окрасились медью с теневой стороны, а, подсвечиваемые уличными фонарями, покрылись тусклым золотом с другой.

По безлюдной заснеженной аллее парка, взявшись за руки, не спеша шагали двое. Иногда они останавливались, скидывали вверх головы и смотрели на деловито снующих белок. Если белка, набравшись смелости, сбегала вниз по стволу, они с осторожностью подступали к ней, девушка протягивала ладонь с орешками. Белка выхватывала пару орешков и стремительно убегала назад, в мгновение ока взбиралась по стволу и исчезала из виду среди густых ветвей.

Молодые люди, улыбнувшись беззвучно друг другу, снова брались за руки и шли дальше.

– Слушай, Миш, – взметнув взгляд на багровое светило, обратилась девушка к парню. – Почему сегодня луна такая красная, не знаешь?

– Знаю.

– Расскажи.

– Учёные объясняют это явление скоплением мелких частиц пыли в нижних слоях атмосферы, – пояснил парень. –

А вот про приметы, связанные с появлением красной луны я тебе не расскажу, – интригуя свою спутницу, добавил он игриво.

– Почему? – удивилась девушка и преданно заглянула ему в лицо.

– Не хочу расстраивать. Ты, Ирочка, как я убедился, веришь в приметы, и, чего доброго, начнёшь ещё переживать, у тебя испортится настроение, оно отразится на мне.

– Хочешь сказать, с появлением красной луны связана нехорошая примета?

– Да. Моя бабка по отцовской линии была очень верующим человеком. Так вот она, завидев на небе красную луну, становилась к ней лицом, что-то бормотала себе под нос, а затем трижды сплёвывала через левое плечо.

– Серьёзно? – не поверила девушка.

– Сам видел, когда был подростком.

– Может, расскажешь о приметах? – спросила Ирина и, не дожидаясь ответа, затрясла спутника за рукав:

– Пожалуйста. Это очень интересно.

Сначала Михаил хотел сказать, что древние люди воспринимали это явление, как признак грядущих неудач и кровопролития, но в последний момент передумал и стал сочинять на ходу.

– Одно из древних поверий гласит: если молодые люди в этот день решат навсегда соединить свои сердца вместе, то их любовь будет прочной, как металл.

– А почему именно металл?

– Потому что красная луна похожа на расплавленный металл, а древние люди считали металл самым прочным материалом. В этот день сердца влюблённых возносятся на луну и закаляются в её недрах, как клинок воина в горне. Потом эти сердца возвращаются назад и становятся недостижимыми для злых духов, – без заминки изложил выдуманное предание Михаил. Затем привлёк Ирину к себе и поцеловал.

– Но это же очень красивое поверье, – сказала Ирина. – Вначале мне показалось, будто ты начнёшь запугивать кровавыми событиями и страшными неудачами. А ты вон какую чудесную сказку рассказал. Значит, про бабушку ты пошутил?

– Естественно, моя хорошая, пошутил. Разве могу я позволить себе предвещать жуткие страсти в такой особенный и волнующий день?

– Чем же он особенный? – удивилась Ирина.

– А вот такой, – Михаил повернул Ирину к себе и, пристально взглядываясь в её лицо, торжественно произнёс:

– Иринушка, милая! В ночь красной луны на чёрном небе я предлагаю тебе стать моей женой. Ответь честно: ты согласна?

Произнеся эти важные и ответственные для себя слова, Михаил ожидал услышать непременно «да». После трёхмесячных ухаживаний за девушкой, он был вполне уверен, что она не станет возражать. Однако вопреки ожиданию услы-

шал неожиданный вопрос.

– А где мы будем жить? – спросила Ирина ровным, и, как показалось Михаилу, по-хозяйски холодным и взвешенным голосом.

В первую секунду у него внутри прокатилась неприятная волна досады, но она тут же исчезла.

«Вопрос правильный и своевременный, – быстро рассудил Михаил. – Она давно согласилась быть моей женой и, в отличие от меня, уже устремлена в будущее. Разве это плохо?»

Ему действительно пока не приходила в голову мысль о совместной жилплощади. Наверно, потому что первым этапом он считал согласие на брак, а уж затем, в отрезке времени до регистрации в ЗАГСе, решать вопрос о жилье.

В том, что проживание в общежитии исключено – у него не было никакого сомнения, хотя сложившаяся ситуация позволяла это сделать на какой-то промежуток времени. Но механизма поселения жены в комнату общежития не существовало. Не мог же он сообщить коменданту о своём одиночестве в комнате? Стоило только заикнуться, как на следующий день вместо жены заселят сразу несколько очередников из числа студентов.

Не могло быть речи и о проживании у родителей Ирины, хотя и в этом варианте жилплощадь позволяла принять молодых.

Будущая тёща, возможно, и смирилась бы с ущемлением

личной свободы, но был ещё алкоголик-отец. В пятницу он напивался до безобразного состояния и все выходные бузил, устраивая в квартире бесконечные разборки.

В рабочие дни он вёл себя скромнее: выпивал за ужином бутылку «Агдама», затем запирался в своей комнате и никого туда не пускал. Жить в одной комнате с тётшей и терпеть дебоши пьяного тестя выглядело бы, по правде говоря, настоящим самоубийством. Более того, с первых дней знакомства с ними Михаил сделал для себя вывод: он, увы, не совсем желанный зять для них. Оба родителя имели в прошлом дворянские корни, и союз их дочери с простым деревенским парнем с неопределённым будущим их не прельщал.

Если Елизавета Павловна восприняла знакомство дочери как свершившийся факт, то Пётр Семёнович словно не замечал Михаила вообще. Для него друг Ирины был пустым местом. Пётр Семёнович не здоровался с ним, не поддерживал разговор, который затевала Ирина, и не провожал в прихожей, когда они уходили.

– Жить? – переспросил Михаил, размышляя над вопросом.

– Да, жить, – повторила Ирина. – Ты ведь прекрасно понимаешь обстановку.

– Если ты задаёшься вопросом о жилье, значит согласна стать моей женой?

Ирина ответила не сразу. Чувствовалось, что в её голове происходит какая-то невидимая работа мыслей. Наконец,

она, не поворачивая лица, ответила уверенно:

– Да.

Михаил привлёк её к себе, поцеловал.

– Спасибо, Иришка, – сказал он. – А поиском жилья я займусь. У нас оно будет, можешь не беспокоиться.

– Я надеюсь.

Они дошагали до конца парка, перешли через дорогу на остановку троллейбуса.

– Тогда завтра идём подавать заявление в ЗАГС? – спросил Михаил.

– Идём, – неизменным ровным голосом ответила Ирина. – Не провожай меня. Я доеду самостоятельно.

– Как скажешь. Тогда до завтра?

– Да. Встречаемся у ЗАГСа. Не забудь взять свой паспорт.

Подошёл троллейбус, Михаил чмокнул Ирину в щёку, она ступила на подножку. Двери захлопнулись, Ирина уехала. Михаил направился в общежитие пешком.

Он шёл и вспоминал, как впервые повстречался с Ириной Куроедовой.

... Два года назад он вернулся из стройотряда в конце сентября. Родители уже успели выкопать картошку без него, ему оставалось лишь перекопать огород на зиму.

Мать обмолвилась, что с уборкой им помогала Люба – его старшая сестра. Она, якобы, на подмогу привозила с собой подругу, которая работает с ней в одной лаборатории. И что эта девушка очень красивая, понравилась и ей самой, и отцу.

– Чем же она понравилась вам? – спросил Михаил без особого любопытства, а так, больше для поддержания разговора с матерью, с которой всё ещё продолжались натянутые отношения.

Мать обрадовалась появившейся возможности поговорить с сыном.

– Стройная, черненькая, волосы длинные, не как сейчас все девки гонятся за модой и стригутся под парней, – принялась рассыпаться мать мелким бисером перед ним. – Послушная и работающая, несмотря на то, что городская. Если чего не знает или не умеет – спросит, не постесняется. Старших почитает. Мы на пару с Любой копали, она – с отцом. Он довольный ей остался, можешь сам у него спросить.

– Уж не предлагаешь ли ты мне присмотреться к ней? – съязвил Михаил, вспомнив, как она характеризовала Аннушку. Полная противоположность. Тогда и голос был другим – сухим и отрывистым, совсем не вкрадчивым, как сейчас, и взгляд был не заискивающим, а холодным и даже презрительным.

– Теперь ты сам, сынок, решай, с кем тебе шагать по жизни, – неожиданно выдала мать, поджав губы обиженно.

Михаил даже подумал, что она отважится и попросит извинения у него за свой поступок, но такого не произошло. Василиса лишь добавила:

– Люба обещала приехать на выходные, возможно и Ирина с ней пожалует. Уж больно ей наша природа здесь понра-

вилась, и река в особенности.

Сестра сдержала слово перед родителями, появилась на следующий день. С ней приехала тоненькая черноволосая девушка с чертами лица, удивительно похожими на Анну. Такой же рот с припухлыми губами, небольшой прямой носик и карие смеющиеся глаза. Только ростом девушка была намного ниже, и фигура её выглядела довольно хрупкой. Она больше походила на школьницу, нежели на взрослую девушку.

«Вот это да! – поразился Михаил, вглядываясь в лицо гостыи. – Умеет же природа забавляться с человеком».

– Привет, братик, – поздоровалась Люба и, заметив, как уставился он на подругу, спросила с улыбкой: – Что, нравится?

Михаил отреагировал на вопрос по-своему. Он шагнул навстречу гостые, протянул руку, представился:

– Михаил.

– Ирина, – смущённо ответила девушка, протянув ему маленькую ладонь, и улыбнулась точно также, как улыбалась Аннушка на свиданиях.

Они прошли в дом. Время было обеденное.

– Проходите, гости дорогие, очень рады вашему приезду, – мать засуетилась перед гостыями, захлопотала на кухне. – Раздевайтесь, мойте руки, присаживайтесь к столу. Сейчас я вам супчику налью.

– Приехала просто повидаться, или готова поработать? –

спросил Михаил сестру. – Я с утра успел уже потрудиться.

– Умаялся? Помощь потребовалась? – спросила Люба весело.

– Не откажусь.

– Ну, как Ирина, поможем моему братику? – обратилась Люба к подруге.

– Конечно, – без промедления отозвалась гостья. – Мы, по-моему, для того и ехали сюда, чтобы огород перекопать.

– Отлично, лопаты я для вас приготовлю, – сказал Михаил. – Вы только хорошенько покушайте, чтобы сил было побольше.

– Иди уж, куда шёл, юморист, – добродушно отреагировала Люба.

После обеда они дружной компанией вышли в огород.

Работали с небольшими перерывами до вечера, перекопали всю землю, включая и грядки под мелочь.

Было ещё светло, когда Ирина, взяв фотоаппарат, направилась на реку, чтобы снимать пейзажи золотой осени.

Составить ей компанию вызвался Михаил.

– А ты компанейский парень, – сказала Ирина, когда они, сделав десятка два снимков, остановились под скалой. – Такие, как ты обычно нравятся девушкам.

– А тебе?

– Если они не нахалы и не бабники.

– Можешь быть уверена: я не тот и не другой.

– Мне о тебе рассказывала Люба.

– Хорошее или плохое? – поинтересовался Михаил.

– Сестра не может говорить о брате плохое.

– Резонно. Теперь расскажи мне о себе.

Ирина повернулась к нему лицом, спросила:

– Интересно?

– Очень.

– Рассказывать, в общем-то, и нечего, – раздумчиво произнесла Ирина. – Школа, один курс института, потом лаборатория НИИ, где я работаю машинисткой.

– А почему один курс? Отчислили?

– Нет, сама ушла. Забрала документы и ушла.

– Поняла, что выбрала не ту специальность?

– И опять ты не угадал. Так сложились обстоятельства, – с некоторой печалью в голосе ответила Ирина.

Михаил не стал выпытывать причину ухода из института и предложил прогуляться по берегу.

Когда они возвращались – уже стемнело.

Михаил бесцеремонно взял Ирину под руку, и, почувствовав, как она напряглась, сказал в оправдание:

– Фонарей здесь нет, а дорога с колдобинами – можно запросто споткнуться и упасть.

– А на поцелуй с девушкой у тебя тоже есть обоснование? – спросила Ирина с иронией.

– Нет, это я делаю по зову сердца, – промолвил Михаил и в одно мгновение прильнул своими губами к губам девушки.

– А утверждал, что не нахал, – усмехнулась Ирина, отстра-

няясь от Михаила.

– Я и сейчас не отрекаюсь от своих слов.

– Одна-ако, – протянула Ирина. Что она хотела выразить этим словом – Михаилу было неизвестно. Интересоваться он не стал.

На следующий день они втроём уехали обратно в Пермь и их дороги разошлись на два года.

... Вторая встреча произошла в ресторане «Центральный» в связи каким-то юбилеем института, в котором трудились Люба и Ирина.

– Братик, я приглашаю тебя в ресторан, – сказала Люба по телефону, позвонив ему на вахту в общежитии.

– С чего вдруг такая честь для меня? – удивился Михаил.

– Во-первых, это в знак благодарности за твой щедрый жест, – сказала сестра, – а, во-вторых, у нас слишком мало мужчин. А женщины, как тебе известно, очень любят танцевать.

– Спасибо, сестрёнка, приду обязательно.

Он вспомнил про щедрый жест, о котором шла речь. Сестра попросила в долг денег на поездку в Сочи, а он потом простил ей половину суммы.

Так случилось, что Михаил явился одним из первых, кто был приглашён в ресторан. Он стоял в вестибюле и невольно встречал всех, кто входил.

Сестра пришла без опоздания, за ней появилась Ирина Куроедова. Михаил не сразу признал в ней ту девушку, ко-

торую он отважился поцеловать два года назад.

Ирина словно расцвела. Он не раз убеждался, как женщины умеют преобразить себя до неузнаваемости перед выходом в общество, но здесь дело было не только в искусном макияже, удачно гармонирующем с вечерним нарядом, но и в изменившемся облике и фигуре.

Из той худышки, какой она была при первой встрече, Ирина, как Золушка, неожиданно превратилась в прекрасную молодую женщину с округлившимися формами тела, которое завораживало и пленило его.

– Ничего себе! – вырвалось у него, когда она, выйдя из туалетной комнаты, предстала перед ним в туфлях на высоком каблуке, словно модель на подиуме. – Прямо волшебство какое-то!

Торжество отметили весело. Мужчин, кроме Михаила, было всего двое. Один из них начальник лаборатории в возрасте пятидесяти лет, другой – инженер, чуть помладше своего шефа.

Михаил был нарасхват у подвыпивших дам бальзаковского возраста. Они без стеснения наперебой приглашали его на танец, на давая времени на передышку. Потанцевать с Ириной удалось лишь пару раз.

Выйдя из ресторана, все стали прощаться. Михаил подошёл к Ирине, тихо спросил:

– Вы позволите мне вас проводить?

– Зачем? – удивилась она.

– Чтобы быть уверенным, что с вами не произойдёт ничего криминального.

– Странная забота у вас, молодой человек, – усмехнулась Ирина.

– Почему?

– Ну, как? Два года не вспоминал, не звонил, и вдруг такая озабоченность.

Ему не дали ответить. Две дамы, громко напевая «электричку» подхватили Ирину под руки и увели её от него. Михаил поплёлся следом, его догнала сестра.

– Что, братик, облом? – спросила она весело, беря его под локоть.

– Ты о чём?

– Не отрицай, что не пытался проводить Ирину, я не слепая.

– А что, нельзя? Дама вышла замуж и боится неприятностей?

– Замуж она пока не вышла, но ждать тебя ещё пару лет, конечно же, не будет, – с сарказмом прокомментировала Люба. – Мужчина для женщины либо есть, либо его нет вовсе. Половинчатый вариант отвергается.

– Ясно, – сказал Михаил. – Не для меня цветок.

– Почему же? Если ты хочешь добиться её расположения к себе – докажи, что твои намерения серьёзные. Только хочу предупредить тебя заранее, как брата, чтобы потом не обижался на меня: девичья честь Куредовой уже порушена, она

стала женщиной. Ты, братик, слишком долго присматривался к своему счастью.

– Понятно, – протянул Михаил. – Прекрасная роза, которой я мечтал полюбоваться, уже срезана безжалостными ножницами злого садовника.

– Увы, братик, такова жизнь, – сказала сестра. – Она не замирает на месте.

– К большому сожалению, – унылым голосом промолвил Михаил.

И, всё-таки, ему удалось поговорить с Ириной тем вечером.

Куроедовы жили через дорогу от ресторана, поэтому проходы Ирины до дома оказались по пути для части её сослуживцев.

Мужчины поймали две машины такси, и шесть женщин уехали вместе с ними. Сестра была в их числе. Оставшаяся часть направились к остановке троллейбуса, делая небольшую петлю через двор её дома.

Дойдя до подъезда и став в кружок, женщины заголосили прощальную песню. Михаил решил поддержать их своим мощным баритоном и стал подпевать.

Едва певцы прогорланили первый куплет, как в нескольких сантиметрах от его головы просвистела стеклянная бутылка и вдребезги разбилась об асфальт. Один из осколков вонзился Михаилу в левую руку. Он резко вскинул голову и в последний момент успел засечь, как на четвёртом этаже

захлопнулась створка окна.

– Ах ты мразь! – громко выругался Михаил, глядя на проступившую кровь, и рванулся к двери подъезда, чтобы взбежать наверх и проучить хулигана.

Его остановила Ирина. Она повисла у него на локте и умоляюще произнесла:

– Прошу тебя не делать этого.

– Почему? – спросил Михаил, пытаясь высвободиться.

– Я знаю кто бросил бутылку. Тебе лучше не связываться с этим отморозком.

– Кто он такой, чтобы я его боялся?

– Неделю назад этот человек вышел из тюрьмы, и всю неделю не просыхает. Говорят, у него есть ружье, он может выстрелить в тебя.

К Михаилу подступили другие женщины. Одна из них извлекла из сумочки лоскуток белой ткани и перебинтовала рану. Другие наперебой начали галдеть, умиряя разгорячённого Михаила.

– Ладно, сдаюсь, пусть этот подонок благодарит вас, что остался небитым.

Женщины ещё немного посудачили, а затем, хитро перемигнувшись между собой, попрощались с Куроедовой и направились к остановке.

Михаил и Ирина остались одни.

– Может, пригласишь к себе на чай? – спросил Михаил с усмешкой, даже не рассчитывая на удачу.

– Ты с ума сошёл?! – воскликнула Ирина. – В такой поздний час?

– Я пошутил, а ты поверила. Неужели ты и в правду такая наивная?

– Какая есть! – с вызовом сказала Ирина. – И вообще пора по домам, тебе не кажется?

– Хорошо. Только я уйду отсюда после того, как ты назовёшь дату и время нашей следующей встречи.

– А если не назову?

– Тогда я буду стоять под твоим окном до утра, – заверил Михаил.

Ирина не ожидала такого ультиматума и немного растерялась. Поколебавшись некоторое время, проговорила:

– Я удивляюсь твоей настойчивости. Только вот не пойму, с чего вдруг у тебя пробудился интерес ко мне? Что тебе нужно от меня?

– Видишь ли, Ирина, я сам не могу объяснить, что произошло со мной сегодня. Внутри меня как будто что-то щёлкнуло, когда я увидел тебя, будто вышел из темноты на яркий свет.

– Ага, выключатель-автомат сработал, и наступило озарение, – съязвила Ирина.

– Именно так. Два года назад я смотрел на луковицу цветка и никак не предполагал, что из неё может вырасти прекрасный амариллис, – блеснул Михаил своими познаниями о цветах.

– Одна-ако, – протянула Ирина, напомнив этим загадочным словом его поцелуй при первой встрече. И он вновь не решился спросить, с какой стороны оно характеризует его: с положительной или отрицательной. – А если без аллегорий?

– А если говорить правду – не закружилась тогда у меня голова почему-то, не щёлкнул в голове тумблер. Ты была худышкой, и я воспринял тебя как школьницу, с которой любовь крутить не полагается.

– А сейчас, значит, можно? – усмехнулась Ирина.

– Сейчас ты стала настоящей дамой, прекрасным цветком, которым хочется любоваться бесконечно, – вновь рассыпал красные слова Михаил.

– Не надоело выпендриваться? – строго спросила Ирина. – Не нравятся мне фразёры. Учти на будущее, если хочешь со мной подружиться.

Она назначила свидание, а Михаил больше никогда не прибегал к иносказательным фразам и пустословию. Выразился кратко и просто.

После нескольких месяцев знакомства, он решился сделать ей предложение. Ирина стала очень похожа на Аннушку, которую Михаил так и не смог забыть...

... – Что-то ты, Кацапов, припозднился сегодня, – затараторила контролёр на вахте, пропуская Михаила в общежитие. – Опять, наверно, девки не хотели отпускать? Ох, и долго ты в них ковыряешься, Кацапов! Твои друзья-то давно се-

мьями обзавелись, за ум взялись. Один ты шатун остался.

Эта словоохотливая громкоголосая старуха без тормозов в голове носила кличку «Штирлиц». Она работала на вахте общежития уже много лет, знала все имена и фамилии студентов, была неплохо осведомлена о их биографических данных. Обладая феноменальной памятью, помнила лица их друзей и подруг, которые посещали общежитие. Службу несла настолько бдительно, что никому постороннему ни разу не удавалось пройти мимо неё незамеченным. Студенты не любили её за длинный язык.

– Тебе, баб Клав, не здесь бы сидеть, – сказал Михаил, перебирая письма из ячейки под буквой «м».

– А где? – проявив неподдельный интерес, поинтересовалась зловредная старуха.

– На колхозном базаре. Любой товар уходил бы в лёт. Никто не предлагал поменять место работы?

– Ты, Кацапов, это... зубы-то не скаль, – вскинулась на него «Штирлиц». – А то ведь скажу твоей подружке, как ты по ночам шастаешь с шалавами.

– Это надо было раньше говорить, теперь уже поздно, – с улыбкой проговорил Михаил и, не обращая больше внимания на старуху, направился в свою комнату.

Глава 19

К свадьбе сына Василиса и Александр Кацаповы готовились особенно тщательно. Это было их первое большое и торжественное мероприятие за весь период совместной жизни. Вопреки негласному правилу, согласно которому свадьба младшего из детей должна проходить в последнюю очередь, судьба распорядилась иначе.

Старшая дочь Люба кавалера для себя до сих пор не подыскала и поэтому о своей свадьбе не заикалась. Младшая – Вера, с вредным и неуравновешенным характером вышла замуж во Владивостоке год назад по-тихому – без оповещения и без приглашения. Они с зятем обошлись без свадьбы, скромно зарегистрировав свой брак в ЗАГСе. О своём замужестве Вера сообщила в письме лишь через месяц после бракосочетания. В мужья дочь выбрала моряка дальнего плавания.

Александр Кацапов ничуть не огорчился от того, что дочь не пригласила на свадьбу. Он даже был рад, что не пришлось ехать через всю страну на поезде шесть суток в один конец, и шесть суток обратно.

– Далековато для моего возраста, – рассудил он. – С ума сойти можно в дороге от безделья. Пусть лучше молодые сами к нам приезжают. Отпразднуем задним числом и даже «горько» прокричим.

– Ты, наверно, прав, Саша. Потратили бы зря такие деньжищи – дорога-то, вон, какая дорогая. Лучше уж эту сумму им подарить.

Теперь вот сын объявил о своём намерении жениться.

Александр воспринял известие сына ровно, однако, высказал своё мнение:

– Можно было, сынок, и подождать до окончания учёбы. Но раз уж подвернулась тебе красивая и желанная девка – упускать своё счастье нельзя ни в коем случае. Красивые барышни долго ждать не любят, быстро выскакивают за того, кто позовёт первым. Это только кривые да горбатые способны ждать до бесконечности.

Василиса выслушала мужа, а у самой на душе сделалось беспокойно. Ей не верилось, что Михаил берёт в жёны подругу сестры по зову сердца. Если бы он был в неё влюблён – то признался бы в этом ещё два года назад, сразу после первой встречи с Ириной. Зная характер сына, его напористость и целеустремлённость при достижении цели, Ирина давно была бы его женой, а сама Василиса теперь, возможно, нянчила бы внука или внучку. А тут столько воды утекло, а Михаил ни разу не удосужился пригласить девушку на свидание. Василиса лично выпросила у Любы об этом. Да и сама Люба была сильно удивлена тем, что брат совершенно неожиданно проявил интерес к Ирине. Чем это было вызвано – оставалось загадкой для той и другой. Допытываться у Михаила о причинах они не стали, посчитав это пустой за-

теей.

Выслушав заявление сына, Василиса не знала: радоваться ей или огорчаться? С одной стороны, женитьба сына пойдёт лишь на пользу. Через год с небольшим он окончит институт и отправится по распределению уже семейным человеком. К тому времени у них с Ириной может появиться ребёнок, значит по приезду на новое место у молодого специалиста появится возможность получить отдельное жильё. Это очень важное событие, о котором можно только мечтать. Появится жильё – можно обустраивать своё гнездо, строить планы на будущее. Семейные заботы и хлопоты остепенят Михаила, привыкшего к полной свободе, оградят от тех дурных привычек и соблазнов, которыми грешат все холостяки.

Так произойдёт, если сын женится по любви. А вдруг он сейчас ведёт Иринушку в ЗАГС кому-то назло, из самолюбия, чтобы доказать, что он не белая ворона среди друзей? По словам Михаила, его свадьба будет уже двадцать первой по счёту. У него больше не осталось неженатых друзей. Что, если через год-два из-за такого опрометчивого поступка наступит разочарование, в его семье появятся неурядицы и ссоры? А затем и развод? И вся счастливая жизнь сына, о которой они мечтали с мужем, рухнет в одно мгновение.

Василиса даже поёжилась от такой мысли. Размышляя о возможном развитии печальных событий, она исходила из предчувствия, что её сын продолжает по-прежнему любить ненавистную ей Анну. В этом она смогла убедиться совсем

недавно, когда совершенно случайно увидела её фотографию у него в бумажнике. Для чего, спрашивается, носить портрет девушки, с которой он расстался навсегда? Ответ один: не может забыть.

– Что надумала купить в подарок? – спросил её Александр.

– Люба посоветовала подарить столовый сервиз.

– Чашки, ложки, поварёшки? – дурашливо проговорил он.

– Сам ты – ложки-поварёшки, – осадил мужа Василиса. – Это очень нужная вещь, если тебе не известно. Туда входит большой набор посуды, на все случаи жизни, можно сказать. Не принимать же им гостей с алюминиевыми кружками и мисками? Твой сын – инженер, между прочим, не к лицу ему быть убогим.

– Вам, бабам, лучше знать, что потребуется, – не стал возражать Александр. – Мне-то что? Сервиз – так сервиз. Лишь бы с пользой для жизни. Скажи лучше, когда поедем за покупкой?

– Покупать нам с тобой ничего не нужно, Люба всё сделает сама, – доложила Василиса. – Не повезём же мы фарфор отсюда, когда его можно купить в Перми? Твоя задача – выдать ей денег на подарок.

– И то правильно, – согласился Александр.

Больше он ни о чём не спрашивал до самой поездки, а лишь безропотно исполнял все распоряжения жены. Нака-

нуне отъезда с особым старанием почистил костюм, заранее завязал узел на галстуке, до зеркального блеска надраил кожаные ботинки, приготовил запонки.

И вот день поездки настал.

Они отправились в путь накануне свадьбы, чтобы успеть познакомиться с родителями невесты и обговорить с Любой все детали пугающего их торжественного мероприятия в солидном обществе.

Была пятница, на вокзале скопилось много народу. Кто-то прибыл в город на выходные, кто-то наоборот: уезжал из него.

Выходя из зала ожидания, Василиса машинально повернула голову в сторону и увидела... Аннушку. Та стояла на перроне по левую сторону от дверей и вглядывалась в поток людей.

Василиса невольно встрепенулась от неожиданной встречи и на секунду замерла, не в силах оторвать взгляда от девушки. Какой-то мужчина в спешке натолкнулся на неё, едва не сбив с ног, громко ругнулся и побежал по своим делам, не оглядываясь.

Аннушка обернулась и сразу заметила Василису. Глаза девушки в первый момент радостно вспыхнули, но тотчас угасли. Некоторое время они обе смотрели друг на дружку. Василиса собралась отвести взгляд и свернуть в сторону, туда, куда пошагал Александр, но Аннушка опередила её, шагнув навстречу.

– Здравствуйте, Василиса Марковна, – поприветствовала она бодрым голосом, улыбнувшись одними губами.

– Здравствуй, красавица, – холодно отозвалась Василиса, не назвав девушку по имени, словно была не знакома с ней.

– Собрались съездить в Пермь? Мишу навестить? – доброжелательно спросила Анна.

– Нет, к дочери собрались, – солгала Василиса, рассчитывая, что разговор на этом закончится. Ей вдруг не захотелось обсуждать с ней вопросы, связанные с сыном.

– К Мише вы всё равно заглянете? – спросила Анна, явно не собираясь отпустить Василису, не погасив своего любопытства.

– Это он к нам заглянет, если надумает. Мы с ним виделись совсем недавно.

– Как он там? Что у него новенького?

В этих двух вопросах угадывался совсем другой смысл. Глаза Анны как бы спрашивали: вспоминает обо мне? не женился ещё?

Уловив этот скрытый смысл, Василисе захотелось сообщить ей с вызовом, что Миша жив и здоров, у него есть невеста и завтра у них состоится свадьба, а потому думать о том, что он помнит о тебе, милочка, совсем бессмысленно.

Но она не успела сказать ничего, даже отдаленно напоминающее тот смысл, который зародился в её голове.

Пока она собиралась с мыслями, к Анне подошла полнеющая женщина лет пятидесяти в характерной татарской одежде.

де.

– А вот и моя мама, – обрадованно проговорила Анна. – Мы с ней в Пермь ездили, добираемся с пересадками.

Она взяла мать за руку, та равнодушно взглянула на собеседницу дочери. Ей не было известно, с кем именно разговаривает Аннушка и посчитала нескромным вклиниваться в их разговор.

Василиса же, наоборот, с любопытством посмотрела на женщину и подумала:

«Если бы я два года назад не отвадила Анну от Михаила – она могла бы стать моей сватьей».

Ей стало почему-то неловко от тех мыслей, которые роились до этой минуты в её голове. Перед ней стояла такая же простая сельская баба-труженица, любящая свою дочь не меньше, чем она своего Михаила, только другой национальности. В чём вина этих двух женщин, стоящих сейчас перед ней? В том, что одна из них влюбилась в её сына, а он оказался по другую сторону от Корана и держал в руках Библию?

– Очень приятно, – выдавила из себя Василиса. – Извините, пожалуйста, меня муж заждался, – заторопилась она.

– Конечно, конечно, – быстро согласилась Аннушка. – Передавайте Мише привет. Скажите, что я очень часто его вспоминаю.

– Обязательно передам, – сказала Василиса и зашагала к мужу.

В Перми их встретила Люба, вместе с ней они поехали

знакомиться со сватами.

Дверь открыла Елизавета Павловна, тут же представилась гостям, пригласила в комнату. Там был накрыт стол.

– Присаживайтесь, не стесняйтесь, – пригласила она. – Сейчас хозяина позову, обсудим все вопросы.

Через минуту из боковой комнаты вышел Пётр Семёнович и остановился, пристально всматриваясь в лица гостей. Чувствовалось, что он был навеселе.

– Здравсте, – сказал, наконец, хозяин квартиры с ухмылкой и, не соизволив подойти к Кацапову, чтобы обменяться рукопожатием, уселся в торце стола.

– Это Пётр Семенович, – поспешила представить его чете Кацаповых Елизавета Павловна, пытаясь сгладить конфуз. – Папа нашей невесты.

Пётр Семёнович хмыкнул, затем сделал лёгкий кивок головой, как бы подтверждая слова жены и взялся за бутылку.

– Беленькую предпочитаешь, или красным балуешься? – спросил он Александра.

– Что нальёшь – то и выпью, – сказал Кацапов. – Мне без разницы что пить, главное – чтобы повод был важный и убедительный. Спиртным я не балуюсь по пустякам.

Они выпили по рюмке за знакомство, женщины принялись обсуждать предстоящее мероприятие.

Петра Семёновича, казалось, ничего не интересовало. Он пил и закусывал, уставившись взглядом в стол. Побыв с гостями не более получаса и расправившись с бутылкой до дна,

молча удалился в свою комнату и закрыл за собою дверь.

– Да-а, не повезло мне со сватом, – сказал Александр Кацапов, взглянув на Елизавету Павловну. – Думал друга приобрету, но обманулся, стало быть. Он со всеми такой, или только со мной?

– Вы, Александр Степанович, не обижайтесь на него, ради бога, – попросила Елизавета Павловна. – Не подумайте, что Пётр Семёнович настроен враждебно к вам и поступил так преднамеренно. Он просто нелюдимый человек, не любит и не умеет общаться с людьми.

– Кем он работает?

– Инженером-конструктором на машзаводе.

– Как же он тогда работает? Как его народ терпит?

– К нему все привыкли за два десятка лет. Голова-то у него светлая, много изобретений на его счету.

– М-м, да, странный он человек. К нему приехали сватать дочь, а он – шасть к себе в нору, будто его это вовсе не касается. Всяких людей приходилось встречать на своём пути, но с таким чудом сталкиваюсь впервые.

– Вот такой он человек, ничего с ним не поделаешь, – со вздохом проговорила Елизавета Павловна. – Он и на свадьбу отказался идти, к сожалению.

– И на свадьбе не появится? – удивился Кацапов.

– Сказал, что ему это неинтересно и поэтому там делать нечего.

– Вот так отец-молодец!

Елизавета Павловна предпочла не отвечать на восклицание будущего свата и быстро перевела разговор в другое русло.

– Расскажите немного о себе, пожалуйста, – попросила она. – Нам с Петром Семёновичем ничего о вас неизвестно, а завтра мы становимся сватами. Родственники начнут спрашивать о вас, а мне и сказать нечего.

Василиса переглянулась с мужем, как бы спрашивая у него разрешения, и, пожав плечами, раздумчиво произнесла:

– Ничего интересного. Мы с Александром Степановичем простые работяги. Он безвылазно трудился в сплавной конторе, я работаю уборщицей в лесотехнической школе – стаж для пенсии нужно выслужить, с детьми дома много лет просидела.

– Ирина говорила, будто вы на железной дороге работали? Это правда?

– Правда. Но когда это было? В войну кондуктором была, поезда сопровождала. Потом вот с Сашей сошлись, Люба родилась, пришлось уволиться. Детского садика у нас не было.

– С какого вы года, Александр Степанович? – спросила Елизавета Павловна.

– С девятьсот восьмого, революцию пацаном застал, церковно-приходскую школу окончил у себя в деревне, – усмехнулся Кацапов. – Остальное образование получил от жизни.

– Он участник войны, – с гордостью добавила Василиса.

– У меня тоже нет никакого образования, – с печалью в

голосе сообщила Елизавета Павловна. – Война не позволила. Была в блокадном Ленинграде, слава богу, не умерла с голоду – вовремя вывезли по Ладоге. Потом – Красноярск, где я повстречала молодого и талантливого инженера Петра Куроедова. Поженились, сын родился. Затем вернулись на родину Пети – в Пермь. Тут и Иринка появилась на свет. Сейчас работаю диспетчером на заводе.

О том, что она представительница дворянского рода, а её муж – сын священнослужителя, которого расстреляли большевики, – Елизавета Павловна умолчала. Не обмолвились о превратностях своих судеб и Кацаповы.

На этом и закончилось их первое знакомство. Обговорив некоторые нюансы предстоящей свадьбы, Кацаповы покинули квартиру Куроедовых.

– Как тебе сваты? – спросила Василиса мужа.

– Не ровня мы им, – ответил он. – Они – интеллигенция, мы для них – деревня, сихря синепухая. Разговор с ними никогда не склеится, и общих дел не появится. Видела, как сват хмыкал?

– Ну, со сватом всё понятно – пьяница он, а сватья, как мне показалось, очень даже неплохая женщина. Чуткая, скромная, внимательная и порядочная. По крайней мере, нос кверху не задирала.

– Ладно, поживём – увидим, – сказал Александр Степанович. – Люди все хорошие, если смотреть на них со стороны. Только сердца и души у всех разные...

Глава 20

Свадьба отшумела, для Михаила Кацапова начались будни семейного человека. Привычка проживать в комнате общежития в полном одиночестве настолько глубоко осела в его сознании, что первый месяц он с большим трудом приспособливался к совместному проживанию с Ириной.

Снять на время благоустроенную комнату, к удивлению Михаила, оказалось безнадежным делом. За пару месяцев до свадьбы он обошёл, казалось, полгорода в поисках сдаваемого жилья, но всё безуспешно. Желающих приютить молодожёнов не находилось. Даже в том случае, когда удача вроде бы улыбалась ему, и он с большой надеждой отправлялся по указанному адресу, где сдавалась комната, ему отказывали.

– Почему? – спрашивал Михаил с недоумением.

– Потому что у вас вскорости может появиться ребёнок, а нам не нужны детские крики по ночам и запах пелёнок, – отвечали ему каждый раз почти слово в слово.

– Но мы с женой пока не планируем детей, – пытался развеять опасения хозяев Михаил. – Мне нужно сначала закончить учёбу в институте.

– Не впервой нам слышать такие басни. Поначалу все так говорят, чтобы зацепиться за квадратный метр, а потом вашего брата с дитём на руках и палкой не выгонишь, – отвечали ему хозяева безжалостно и закрывали перед носом дверь.

Жильё он нашёл буквально за несколько дней до свадьбы. Это были шесть квадратных метров в частом доме с печным отоплением на окраине города. Основание печи тоже входило в эти квадратные метры.

С хозяйкой дома – тучной одинокой женщиной шестидесяти пяти лет – сошлись на десяти рублях в месяц за проживание в этой скорлупе.

Михаил был рад и такой халупе, но всё же с содроганием сердца ехал на встречу с Ириной, чтобы сообщить ей о результате поисков.

Ему было привычно топить печь дровами, носить воду из колодца, греть воду на плите, чтобы помыть посуду или постирать бельё, выносить помой на улицу и делать многое другое, что требуется в повседневной жизни в неблагоустроенном жильё. Но как воспримет Ирина известие о проживании без удобств? Что она скажет ему в ответ? Она ведь комнатное растение, которое сразу погибнет, если его вынести на мороз.

Вопреки тревожным ожиданиям, его жена отнеслась с пониманием. Выслушав клятвенные заверения Михаила о том, что все бытовые проблемы её не коснутся, она совершенно спокойно сказала:

– Честно говоря, другого я и не ожидала. Будем жить так, как живет большинство людей нашей страны. К удобствам во дворе привыкну как-нибудь, не беспокойся.

– Спасибо, родная, – растроганным голосом проговорил

Михаил и нежно поцеловал Ирину в щёку. – Ты у меня умница. Но я всё-таки продолжу поиски достойного жилья для нас. Может нам и повезёт ещё, правда?

– Может, и повезёт.

Ирина была послушной женой. Ради неё Михаил был готов свернуть горы. Слушалась ли она прежде родителей так, как его – ему было неизвестно, и он не расспрашивал об этом. Однако, после того, как жестоко обошёлся с ней родной отец в день свадьбы, она стала повиноваться Михаилу беспрекословно, будто старалась искупить свою вину перед ним.

... После свадебного торжества они планировали заехать к отцу, который остался дома, чтобы переодеться в повседневную одежду и отправиться в съёмное гнездышко, где собирались провести первую брачную ночь.

Сделать это было необходимо, поскольку в комнатке бабы Нюры – так звали их хозяйку – не было шкафа для одежды, куда можно было бы поместить свадебное платье невесты и костюм жениха. Из мебели имелись лишь стол, две облупленные табуретки и железная кровать. На входе висела выцветшая от времени полка для головных уборов с четырьмя большими крючками под ней.

Свадьба проходила в кафе, которое Михаил снял заблаговременно. Гости ещё гуляли, когда молодожёны незаметно покинули зал, заказали такси и подкатили к дому. Расплатились с таксистом и поднялись на пятый этаж.

Зная, что отец может оказаться невменяемым, Ирина прихватила с собой ключи от квартиры.

– Открой, – попросила она Михаила, протянув ему ключ.

Михаил вставил его в замок, провернул два оборота, толкнул дверь. Она не открывалась.

– Вот чёрт, закрыл щеколду изнутри, – вполголоса выругалась Ирина и принялась стучать.

Отец будто специально испытывал нервы дочери и долго не подходил к двери. Возможно, спал непробудным сном.

– Постучи ногами, – попросила Ирина. – Я не могу, у меня туфли на высоком каблуке.

Михаил исполнил. За дверями послышались шаги.

– Кого ещё носит по ночам?! – возмущённо спросил Пётр Семёнович.

– Папа, открой пожалуйста, – сказала Ирина. – Мне нужно переодеться.

– Иди туда, откуда пришла, – раздалось в ответ. – С сегодняшнего дня ты для меня чужая, у тебя уже нет места в этой квартире. Пусть муж теперь заботится о тебе.

– Папа, пошутил и хватит, открой дверь.

– Пошла ты на ... хутор бабочек ловить, понятно? – выразился отец отчётливо. – Или употребить другие слова для ясности?

– Пошли отсюда! – стиснув зубы, приказал Михаил и, схватив Ирину за руку, потянул за собою вниз по ступенькам. Внутри него заклокотала кровь, ударяясь в висках.

Сердце бешено колотилось от негодования.

Они вышли на проспект, поймали такси и в свадебной одежде отправились к бабе Нюре.

– Сбежали от пьяных гостей или тамада достал? – спросил таксист с сочувствием.

– Устали от веселья, – ответил Михаил.

О происшедшем они не сказали никому. Лишь Елизавета Павловна, вернувшись домой и не обнаружив свадебного платья дочери, догадалась обо всём. На следующий день она до вечера ходила со слезами на глазах, не выпуская из рук носового платка.

– Что ты постоянно плачешь, сватья? – спросила её Василиса. – Радоваться надо за молодых, такая красивая пара сложилась!

– А я и радуюсь, – ответила Елизавета Павловна. – Не могу сдержать счастливых слёз.

... Через три месяца Ирина сообщила Михаилу, что беременна. До него не сразу дошёл смысл сказанного женой. Он смотрел на неё, вытаращив глаза от изумления. И только когда пришло окончательное осознание того, что он станет отцом, он на радостях подхватил Ирину на руки и закружил по комнате.

– Иринушка, это правда, да? – ликовал он, заглядывая жене в глаза. – Неужели ты будешь матерью, а я отцом нашего малыша?

– Правда, Миша, – подтвердила она, счастливо улыбаясь.

Для неё самой беременность стала полной неожиданностью. После аборта, который она сделала под давлением Елизаветы Павловны четыре года назад, у неё не было никакой уверенности в том, что она сможет когда-нибудь стать матерью.

Врач, который занимался ею, предупредил о вероятности бесплодия, если она решит избавиться от ребёнка.

Ирина долго размышляла над его словами, но всё-таки пошла на этот безумный шаг. У неё просто не было выбора. В тот момент все обстоятельства складывались против неё.

Человек, которым она увлеклась по глупости, приняв его знаки внимания за любовь, и от которого забеременела, был старше её на пятнадцать лет, имел семью, работал доцентом на кафедре и был очень влиятельным человеком в институте. Он потребовал избавиться от ребёнка сразу, едва Ирина сообщила ему об этом и порвал с ней всякие отношения.

После долгих и мучительных страданий она призналась во всём матери. Елизавета Павловна, в свою очередь, не удержалась, поделилась печальным известием с мужем. Она не ожидала, что в доме разразится большой семейный скандал.

Пётр Семёнович несколько дней метал молнии и рвал в клочья небеса. Заглотив вечером бутылку любимого вина, он кричал, что отрекается от блудной дочери. Изрыгая в пространство многоэтажный мат, обещал выгнать дочь из дому и оставить без копейки в кармане. Уйти от родителей и продолжать учёбу в институте с ребёнком на руках, жить у ко-

го-то квартиранткой на одну стипендию было бы убийственным решением для Ирины. Под давлением матери она отправилась к врачу с твёрдым намерением избавиться от ребёнка.

Всё это осталось в прошлом, на горизонте вновь выглянуло яркое солнце. Какая-то неведомая сила распорядилась предоставить Ирине шанс стать матерью.

– Интересно, кого нам пошлёт судьба? – спросил Михаил. – Мальчика или девочку?

– Кого бы она не послала – это будет наш ребёнок, и мы должны любить его сильнее всего на свете.

– Конечно, – подтвердил Михаил и ещё раз поцеловал жену, прежде чем поставить её на пол.

О том, что у Ирины до него был мужчина, Михаил узнал от неё самой ещё до свадьбы. Но вот о том, что она была беременной, он не знал. Ирина не решилась признаться в содеянном, боясь потерять Михаила. Он ей понравился своей основательностью, честностью и уверенностью в себе. О любви она больше не задумывалась. После того кошмара, который выпал на её долю, ей почему-то стало казаться, что полюбить по-настоящему она уже просто не способна. Оставалось довериться интуиции, которая подсказывала ей, что на этот раз с выбором мужчины она поступает правильно.

Интуиция не подвела Ирину. Михаил оказался прекрасным мужем. Он заботился о ней постоянно, выполняя все домашние дела, а когда она забеременела – переложил на свои

плечи и большую часть женского труда.

Судьба подарила им девочку.

Хлопот в их маленьком гнёздышке прибавилось. Михаил вынужден был по нескольку раз в день ходить с вёдрами на колонку за водой, которая находилась в трёхстах метрах от дома. Воды хронически не хватало, а после её использования нужно было выносить помои. Пелёнки-распашонки стирали по очереди на стиральной доске в железном корыте. На плите, испуская клубочки пара, постоянно грелась вода в двух кастрюлях на случай «аварийных» дел.

Свободной площади в комнате не осталось. От дверей к столу и кровати проходили боком, потому что посреди не стояла детская коляска, в которой спала дочь. На стенах со всех сторон висели тазики, ванна для купания дочери, различные ковши, кастрюли, кастрюльки, кружки и другая необходимая утварь.

К великому удивлению Михаила жена не ворчала и ни разу не пожаловалась ему на неустроенный быт. Ирина молча переносила все невзгоды, свалившиеся на неё. Со временем, возможно, устав от такой жизни, она начала бы роптать, но наступила весна. Михаил, собрав все нехитрые пожитки, отвёз её с дочерью к своим родителям. Сам в спешном порядке приступил к дипломному проектированию.

Вскоре после отъезда жены Михаил ознакомился с предложенными местами работы по распределению. В первой половине ознакомительного листа значились проектные или

исследовательские институты многих регионов СССР, за ними шли заводы и строительные предприятия, расположенные в Перми или в городах области. Список замыкали строительно-монтажные управления дальних регионов страны.

В графе «местожительство» было напечатано слово «общежитие», против наименований пермских предприятий стоял прочерк. Это означало, что предпочтение отдаётся специалистам, не требующих жилья. Большая часть студентов из его группы проживала в Перми, они имели возможность делать свой выбор. Кацапов был иногородним.

На престижные места Михаил не претендовал, поскольку его средний бал по основным дисциплинам был где-то около четырёх, в то время как половина однокурсников имела или круглую пятёрку, или близко к ней. Группа считалась одной из самых сильных в институте.

Михаил вполне мог быть в числе отличников, если бы основательно готовился к экзаменам и сдавал их вместе со всей группой. Однако, в связи с ежегодным отъездом на заработки летнюю сессию он сдавал досрочно и в спешке. У него не было времени на подготовку, он шёл на экзамен с теми знаниями, которые успел получить в течение семестра. Так поступали все его друзья, с которыми он отправлялся на заработки. Пятёрки им были не нужны, главной задачей ставилось окончание семестра без хвостов на осень. В итоге полученные четверки и даже тройки составляли более двадцати пяти процентов – выше критерия на право получения крас-

ного диплома.

Михаил знал, что престижные места в Перми были нередко именными. Их заявляли высокопоставленные родители для своих «одарённых» детей. Даже если бы он вдруг оказался в числе отличников и захотел остаться в Перми, у него всё равно не было никаких шансов.

Пробежавшись взглядом по листу несколько раз, Михаил остановился на последней строчке. Там был пропечатан строительно-монтажный трест в республике Коми, предлагалась должность мастера. В графе о месте жительства бросилась в глаза запись: «Вагончик по месту работы. Перемещение вагончика вдоль трассы газопровода через каждые семьдесят километров. Для семейных предоставляется комната в п. Хвойный.»

Какой площади комната и в каком доме – каменном, деревянном, с центральным отоплением или же с печным? – разъяснений не было. Но это было то жильё, которое требовалось его семье. Оно будет бесплатным и по праву станет принадлежать его семье.

«Не в сарай же поселят? – рассудил Михаил. – Хуже нашего жилья, какое мы снимаем сейчас, в ведении треста не может быть, однозначно. Это не частная лавочка, здесь существуют нормы жилплощади на одного человека. Зато зарплата почти в два раза выше, чем у инженеров НИИ. Это сейчас самое главное».

Не раздумывая, он дал своё согласие. Советоваться с Ири-

ной не стал. В тот момент ему и в голову не могло прийти, что ждёт его впереди...

... Диплом Михаил защитил на «отлично», но эта оценка уже никак не могла повлиять на цвет заветной книжицы.

В этот день он зашёл к Куроедовым, доложил теще об успешной защите диплома. Елизавета Павловна, засуетившись, срочно накрыла на стол, затем достала из потаённого места в шифоньере бутылку коньяка.

– Вот, отхватила случайно. Какая-то «Плиска», – прищурившись, прочитала она на этикетке. – Специально для тебя припрятала.

С Елизаветой Павловной с некоторых пор у Михаила сложились дружеские отношения. И это не было притворством тёщи, которая по неизвестным причинам вдруг захотела угодить зятю. Никакой показухи с её сторон не просматривалось. Вероятно, через несколько месяцев общения с Михаилом и со слов Ирины она поняла, что у дочери появилось крепкое и надёжное мужское плечо, которого ей самой так не доставало в жизни.

– Хороший коньяк, болгарский, – одобрил Михаил. – Пользуется большим спросом.

– Хм-м, коньяк! – радостно воскликнул Пётр Семенович, выходя из своей прокуренной комнаты. – Откуда он у тебя?

– Оттуда, – пробурчала Елизавета Павловна, явно не обрадовавшись появлению мужа. – Есть, да не про вашу честь. Губы-то не раскатывай. Это я для Михаила припасла, он се-

годня диплом защитил.

Пётр Семёнович внимательно посмотрел на гостя, затем неожиданно шагнул к нему, протягивая руку, и произнёс непривычно обыденным голосом, будто разговаривал с зятем ежедневно:

– Здравствуй, Михаил.

– Здравствуйте, Петр Семёнович.

Тесть на удивление был трезв.

– Лиза говорит, ты диплом защитил?

– Защитил.

– С какой оценкой?

– Отлично.

– Молодец.

– Мне очень приятно, что я хоть чем-то смог вас порадовать, – с усмешкой произнёс Михаил.

Елизавета Павловна, застыв на месте и раскрыв рот от удивления, неотрывно глядела на мужа. Ей было невдомёк, с чего вдруг её вечно недовольный муж так непринуждённо заговорил с зятем.

Пётр Семёнович, присев на диван рядом с Михаилом, как ни в чём не бывало, продолжил расспросы.

– И куда тебя турнули? – спросил он.

– Почему турнули?

– Ну, когда я, например, закончил институт – меня не спрашивали, куда я хотел бы поехать. Взяли и турнули, куда посчитали нужным.

– Я сам выбрал место распределения, – уточнил Михаил.

– И куда?

– В республику Коми, на строительство газопровода.

– Куда? – переспросила Елизавета Павловна. В её глазах мелькнул ужас.

– Я выбрал для себя профессию строителя. Значит, буду строить, а не протирать штаны в проектном институте, – уверенно заявил Михаил.

– Но... там же нет ни одного большого города?! – со страхом заметила Елизавета Павловна. – Где вы собираетесь жить?

– Не бойтесь, Елизавета Павловна, в шалаше жить не придётся. Есть посёлок с центральным отоплением, и в путёвке молодого специалиста зафиксировано предоставление благоустроенного жилья, – пояснил Михаил, приукрасив на ходу будущее проживание на севере. Сейчас ему вдруг подумалось, что всё так и произойдёт, как он обрисовал.

Весь вечер Пётр Семёнович без умолку расспрашивал Михаила обо всём, что его интересовало, будто старался наверстать упущенное.

В конце, когда Кацапов поблагодарил за ужин и собрался уходить, тесть схватил его руку, потряс её несколько раз, сказал:

– Удачи тебе, Михаил. Я верю, что у вас с Ириной всё получится.

– И я верю, – ответил Михаил. – Иначе бы не решился

отправиться к полярному кругу.

– Когда тебе нужно прибыть к месту работы? – спросила Елизавета Павловна в дверях.

– Первого октября я должен приступить к исполнению обязанностей мастера.

– А до этого времени? Отдыхать в Чусовом?

– Нет, Елизавета Павловна, отдохнуть не получится. Я должен отправиться на всё лето на военные сборы офицеров-ракетчиков под Киев, после которых мне присвоят звание «лейтенант», – ответил Михаил.

Он не стал говорить о том, что ему удалось договориться с начальником военной кафедры об освобождении его от сборов, как человека, уже принявшего однажды воинскую присягу, отслужившего положенный срок срочной воинской службы и успевшего за это время понюхать порох войны.

По ходатайству начальника военной кафедры его зачислили в состав строительной бригады, которой предстояло возвести в лесном массиве за Камой технологическую башню для учебной ракеты оперативно-тактического назначения.

Глава 21

Во второй половине сентября Ирина Кацапова принялась потихоньку упаковывать вещи в дорогу. В последний свой приезд – две недели назад, – Михаил определил дату отъезда на двадцать третье число. Все свои дела в Перми обещал завершить на два дня раньше.

– Недели нам будет вполне достаточно на переезд и устройство на новом месте, – сказал он тоном, не терпящим возражения, и отправился на железнодорожный вокзал за билетами. Теперь билеты хранились у неё в чемодане вместе с остальными документами.

Пять месяцев она с дочерью прожила у родителей Михаила. За это время муж подготовил диплом, защитил его на «отлично», после чего был зачислен в бригаду по возведению здания для военной кафедры института.

Строительство велось за Камой, Михаил трудился взамен положенных сборов для выпускников военной кафедры. Один раз в месяц начальство отпускало его на три выходных дня для свидания с женой. На вопрос, почему он не поехал на сборы, а остался работать без выходных, Михаил пояснил с улыбкой на лице:

– Я своё отслужил с лихвой, Иринушка, клятву на верность Родине дал. Пусть теперь те, кто этого счастья не испытал, хоть какое-то время потопают в кирзовых сапогах, да

поклонятся перед народом быть храбрыми и честными воинами.

Василиса Марковна выделила невестке по приезду бывшую комнату сына, с первого дня принялась помогать ей во всём. Уж ей-то было доподлинно известно, сколько хлопот доставляет грудной ребёнок в неблагоустроенном доме – она подняла в нём на ноги троих своих детей.

Ирина первое время отказывалась от помощи и пыталась протестовать, но свекровь была непреклонной.

– Если ты будешь делать всё сама – у тебя, дорогая, не останется времени даже на прогулки, – сказала она убедительным голосом. – Ребёнку нужен свежий воздух, а не кислые запахи кухни.

Ирина уже не возражала, когда Василиса Марковна перехватывала у неё часть работ. Если она была занята стиркой пелёнок, а её дочь, проснувшись, начинала плакать, свекровь, услышав плач, без промедления спешила в дом, брала девочку на руки и выходила в палисадник.

После стирки Василиса Марковна, не задавая лишних вопросов, складывала бельё в корзины и на коромысле несла на речку полоскать. Это уже прочно вошло в её обязанности.

Даже Александр Степанович периодически вносил свою посильную лепту, вышагивая по огороду с внучкой на руках и напевая ей какие-то песенки.

Однажды, прогуливаясь по улице с коляской, Ирина повстречалась с Надеждой Аристарховой.

– Ты жена Миши Кацапова? – спросила та в упор, бесцеремонно разглядывая её с ног до головы.

– Жена, – ответила Ирина. – А что?

– Да так, ничего. Давно мечтала поглядеть на избранницу, которой он грезил многие годы и рисовал в своём воображении.

– У тебя есть какие-то претензии ко мне? – усмехнувшись, спросила Ирина.

– Какие могут быть претензии к человеку, которого впервые вижу?

– А, ты, как я понимаю, хотела быть на моём месте?

– Хотела, врать не буду, – призналась Надя. – Только вот Миша не видел меня рядом с собой. Не чувствовал духовной связи между нами, как он однажды выразился.

– У тебя ко мне всё? – с откровенным вызовом задала вопрос Ирина.

– Послушай, как тебя там...

– Ирина.

– Послушай, Ирина, – грустно улыбнулась Надежда. – Не смотри ты на меня, как на свою соперницу. Ничего у нас с твоим Мишей не было, да и быть не могло, если бы я даже попыталась его соблазнить. Не такой он человек, чтобы клюнуть на простую приманку. Тем более – обмануть невинную девушку преднамеренно.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила Ирина, заглядывая в глаза Надежды.

– Хочу предложить свою дружбу. Ты ведь здесь совсем одна, и я представляю, как тебе скучно. Мы можем вместе гулять по вечерам.

– Я здесь не одна, у меня есть дочка Анечка, – с нежностью произнесла Ирина, наклонившись к коляске. – И добрый дедушка Саша есть, и чудесная бабушка Василиса. И нет никакого одиночества. Правда, доченька?

Анечка, словно понимая слова матери, улыбнулась в ответ беззубым ртом и произнесла непереводимое «гу-у».

– Себя-то не надо обманывать, – сказала Надежда. – Я вон с матерью живу и то чувствую себя некомфортно. Не каждый вопрос с ней можно обсудить. Иногда возникают такие вещи, которые обсуждать можно только с человеком равного возраста. Да и средневековые поучения иногда выводят из себя. Она ведь не понимает, что время сейчас другое, и прежние принципы в отношениях между людьми не вписываются в современную жизнь.

Ирина подумала, что Надежда, пожалуй, права. С некоторых пор она и сама стала ощущать в себе внутренний дискомфорт, выслушивая порой не совсем корректные высказывания свекрови, которые вызывали в ней несогласие, а иногда и просто неприязнь. Но она пока мирилась с этим, объясняя такой нюанс извечной проблемой отношений свекрови и невестки. После каждого нелестного высказывания Ирина утешала себя тем, что здесь она ненадолго, и следует немного потерпеть. Совсем скоро они с Мишей уедут и всё

забудется. Уж у них-то между собой никогда не будет разногласий.

Глядя на вопросительное выражение лица соседки, Ирина неожиданно согласилась:

– Хорошо, давай попробуем подружиться. Может быть, у нас действительно найдутся общие темы для разговоров.

– Тогда, до вечера? – расплылась в улыбке довольная Надежда.

– До вечера, – сказала Ирина.

С того дня они стали встречаться по вечерам. Ирина укладывала дочь в коляску, выходила на улицу, и они вместе с новоявленной подругой отправлялись на прогулку к реке.

Жить стало на самом деле веселее. Надежда оказалась разговорчивой и добродушной девушкой. От неё Ирина услышала много забавных историй, связанных с Михаилом, о которых ей не было известно. Призналась Надежда и о прежних чувствах к Михаилу, о дружеских встречах с ним, и тут же заверила, что уже давно не строит себе иллюзий о взаимности и всерьёз задумывается о замужестве. Кандидатура мужа у неё имеется.

Однажды после одной из таких прогулок Ирина задумалась: с Михаилом она состоит в браке полтора года, а он ей про свою жизнь в посёлке не рассказывал, и знает она о своём муже лишь малую толику той информации, которой располагает соседка. Почему? В силу краткого срока совместной жизни? Нет, исключено. Они прожили целый год вме-

сте – ели, пили, вели хозяйство, развлекались, вместе спали. Разве мало этого срока, чтобы познать друг друга близко? Может быть, он стеснялся своей бедности и крестьянского труда? Малограмотности родителей? Про службу на флоте рассказывал, про институтских друзей и жизнь в общежитии. А о детстве – молчок. И о Надежде ни разу не обмолвился. Правда, о некоторых эпизодах из жизни брата рассказала ей сестра Люба. Но это лишь мизерная часть его жизни в посёлке, в котором прошли годы детства и юности. А ей теперь, как замужней женщине, хотелось знать всё о своём муже – и хорошее и плохое, и даже о заветных мечтах.

«Вот поедem в поезде – там я его и расспрошу обо всём. Всё равно в дороге нечем будет заняться», – решила она и больше к этому вопросу не возвращалась.

Пять месяцев, которые Ирина прожила у Кацаповых, пролетели быстро. Хотя все дни были похожи друг на друга своим однообразием, однако тягучими и изнурительными они ей не казались, поскольку дочь-егоза не оставляла ей времени для печали.

Иногда выдавались свободные минуты, когда она, присев в палисаднике на скамеечку, могла позволить себе немного помечтать. Ей нравилось смотреть на небо, следить за движением облаков. Но посидеть в одиночестве удавалось редко.

Обычно, завидев невестку свободной от дел, Василиса присаживалась рядом и обязательно заводила какой-нибудь

разговор.

К удивлению Ирины, её свекровь оказалась очень словоохотливой. Она могла бесконечно рассказывать о голодном детстве и тяжёлой молодости, о брате Иване, который погиб на войне, о том, как они с ним во время голода скитались по району в поисках куска хлеба.

Закончив излагать одну историю, она тут же приступала к другой, рассказывая уже о своей учёбе в техникуме и сестре Фросе, которая не хотела учиться, затем с иронией вспоминала о лесоповале, где ей пришлось потрудиться в начале войны, а в конце у неё шли воспоминания о работе на железнодорожной станции.

Первое время Ирина слушала свекровь очень внимательно, но затем, когда истории стали повторяться, выслушивать одно и то же стало неинтересно, и она плавно переводила разговор в другое русло. Ей всегда это удавалось.

Однажды свекровь неожиданно спросила:

– Кто из вас выбрал имя дочери?

– Мы вместе выбирали, – пожал плечами, ответила Ирина. – Миша зачитал в словаре все женские имена, мы их обсудили и остановились на имени Анна. А что? Вам не нравится имя внучки?

– Нет, имя хорошее, чисто русское. Это я так, ничего, – неопределённо ответила Василиса. – Интересно мне стало.

Голос свекрови вдруг сделался глуховатым и показался Ирине несколько странным, но она не придавала этому значе-

ния. Из наблюдений за своей матерью у неё давно сложилось мнение, что у пожилых людей бывают всякие неожиданные причуды, а настроение может измениться в любую минуту.

Иногда к ним подсаживался Александр Степанович. В отличие от жены, он не рассказывал о своей жизни, его больше интересовало будущее.

– Сколько годков вам нужно отработать на севере, чтобы вернуться назад? – задал он свой первый вопрос.

– Три, – ответила Ирина. – Только зачем возвращаться, если нам выделяют хорошую благоустроенную квартиру?

– Хм-м, жильё можно обменять.

– Вряд ли найдётся равноценный обмен, – рассуждала Ирина. – Желающих сменить тёплый край на север, как мне кажется, – редкое явление, а терять необдуманно квадратные метры, соглашаясь на меньшую площадь, совсем нецелесообразно. Восполнить потом жилую площадь будет просто нереально. К тому же Миша, как мне представляется, за три года успеет сделать значительную карьеру и станет начальником. Он же технически грамотный специалист и целеустремлённый. А, возвратившись в Пермь, придётся начинать всё с нуля.

Кацапов-старший выслушивал внимательно замысловатые слова городской невестки, долго молчал, а потом принимался за своё.

– Э-э, много ты знаешь! – возражал он. – С опытом работы на севере мужика с руками оторвут в нашем городе. В

местной газете вон то и дело печатают объявления: требуется на строительство мастер, а то и прораб. Правда про жильё ничего не указывается.

– А я вам что говорю? – ухватилась за последние слова свёкра Ирина. – Без жилья можно, конечно, устроиться, но на должность мастера или инженера. А где жить? Мы с Мишей планировали завести ещё одного ребёнка. Ему очень хочется мальчика.

– Дети – это хорошо, – соглашался Кацапов старший. – Но и здесь можно найти выход.

– Какой?

– Взять земельный участок и построить свой дом. Я ведь ещё не совсем старь, могу пока топором тюкать. Помогу твоему мужу. Свой-то я в одиночку воздвиг.

Василиса, слушавшая молча диалог мужа с невесткой, вдруг встряла в разговор.

– Что ты такое говоришь, Саша? Подумал бы хорошенько своей головой! – проговорила она недовольно. – Кто ж это в наше время станет связываться со строительством своего дома? Сейчас все хотят жить в благоустроенной квартире с горячей водой и ванной, без всяких забот и хлопот, не задумываясь о дровах. Чтобы не полоскать бельё зимой в студёной полынье голыми руками, и что немаловажное – иметь тёплый туалет.

У Александра Степановича больше не нашлось веских аргументов для возражений. Он встал и с недовольным лицом

удалился во двор.

Потом был ещё один разговор с родителями, уже накануне отъезда, в присутствии Михаила.

Ирина вывешивала пелёнки, которые на речке прополоскал Михаил. После приезда он сразу и безоговорочно освободил мать от тех дел, которые она добровольно возложила на себя в его отсутствие.

Корзина с пелёнками и распашонками стояла на скамейке, Михаил сидел рядом, подавал жене.

Подошёл отец с лопатой – он с утра работал в огороде, что-то перекапывал, – приставил её к изгороди и присел рядом на табурет передохнуть. Тут же появилась Василиса.

– Это что же, всё ваше приданное уместилось в три чемодана? – спросила она, обращаясь к сыну и невестке одновременно.

– Чем ты удивлена? Увидела, что барахла набралось очень мало? – усмехнулся Михаил.

– Ну, да. Вам ведь предстоит обжиться с нуля, простые вещи потребуются с первых дней, да и потом пригодятся. Когда ещё вы станете на ноги на новом месте?

– Мамань, ты не беспокойся за нас. Нужные вещи мы начнём приобретать по мере необходимости, – пояснил Михаил, передавая Ирине очередную пелёнку. – Не везти же отсюда кастрюли и чашки с кружками. Верно я рассуждаю, жёнушка?

– Ты, как всегда, прав Миша, – вынув прищепку изо рта,

поддержала Ирина мужа. – Нам же подъёмные выдадут, на них и купим самое необходимое.

– Как всё просто у вас, – с сокрушением высказалась Василиса. – То мы купим, это купим. Зачем деньги зря тратить, спрашивается, когда некоторые вещи можно прихватить из дома? У вас что, деньги лишние, и куры их не клюют?

– Лишних денег не бывает ни у кого и никогда, и у нас они не лишние, но имеются в необходимом количестве, – Михаил посмотрел на мать и озорно подмигнул ей. – На первое время хватит. И потом, я, зря что ли, всё лето мастерил скорлупу для ракеты? Полковник лично оценил моё усердие и щедро отблагодарил за работу. Двухмесячная зарплата каменщика лежит у меня во внутреннем кармане. Да и на сберкнижке ещё кое-что осталось от бывшей роскоши. Так что, маманя, не переживай, всё у нас будет по уму.

– И мама моя кое-что собрала для нас, – сообщила Ирина. – Вышлет, как только мы сообщим ей наш адрес.

– Часть вещей у Любы оставили, тоже обещала отправить, – добавил Михаил. – А пока наше счастье разложено по трём чемоданам. По чемодану счастья на каждого члена семьи.

– Надо же! Счастье в чемоданах! – рассмеялся отец. – Чудно' сказал.

– Почему чудно'? – спросил Михаил.

– Потому что счастье вещами не меряется.

– А чем?

– Радостью души, – не задумываясь, очень коротко ответил отец.

– По-твоему, человек может быть счастлив, даже если он гол как сокол?

– Абсолютно верно. Когда он радуется жизни и душа его поёт – совершенно неважно, какими вещами он обладает. Отшельник, вон, один живёт в глухомани, а чувствует себя счастливым человеком.

– Не могу судить, насколько счастлив отшельник, – возразил Михаил. – На мой взгляд, неимущий человек не радуется жизни, потому что его душа постоянно кричит от несправедливости, но никак не поёт.

– Не будем спорить, сынок, – улыбнулся отец. – Чтобы понять истинный смысл счастья, нужно дожить до старости и ответить на вопрос: для чего жил на этом свете, чего добился? Когда мысленно можно будет пробежаться по дороге прожитой жизни и оценить со стороны каждый свой шаг, вспомнить моменты, когда душа особенно ликовала, и сравнить их между собой.

– Значит, мне рано ещё рассуждать о счастье? – рассмеялся Михаил. – Молоко не высохло на губах?

– Рассуждать можно, а вот давать оценку – рано. Сначала нужно поставить перед собой цель и достигнуть её вершины. И уж потом судить, принесла ли она тебе радость. Счастье – не вещь, его нельзя потрогать или услышать, не ощутить на вкус и не увидеть глазами. Счастье – это твое внутреннее

состояние, удовлетворение той жизнью, которую ты проживал, карабкаясь к вершине.

– Да, батя, замысловатое у тебя понятие о счастье. Мои критерии проще. По мне счастье – это когда человеку хорошо. Когда у него есть всё: свой угол, отменное здоровье, любовь близких, достаток в семье, любимая работа, отсутствие врагов. Нет горестей и печалей, – высказал своё мнение Михаил.

– То, что ты перечислил – это обычное благополучие, – возразил отец. – Можно прожить всю жизнь в благополучии и не испытать настоящего счастья.

– Разве такое возможно?

– Сплошь и рядом. Далеко ходить не надо – наш сосед Генка тому пример. На первый взгляд, всё у него есть. Дом-хоромину выстроил, есть жена, двое детей, все здоровы, у самого морда красная от водки, техники всякой полный двор, деньги лопатой гребёт, можно сказать.

– И что?

– А то, что счастья от своего благополучия он не испытывает. С женой дерутся, дети по скользкой дорожке пошли, на лице постоянная злоба, никогда не улыбнётся, руки не пожмёт.

– Про таких говорят: с жиру бесится, – вставил Михаил.

– Вот-вот, бесится, а не радуется. А нет радости от жизни – счастье обходит стороной.

– Что-то ты шибко разговорился, – решила вклиниться

Василиса, устав слушать, как ей показалось, пустую болтовню мужа. – Пошёл бы лучше баней занялся. Дети-то уезжают завтра, помыть их нужно перед дорогой. Не в темноте же потом шараться.

– Вот так-то, сынок, – подвёл итог дискуссии отец. – Настоящее счастье поймать – что перо из крыла жар-птицы вынуть. Не каждому это дано.

Он тяжело поднялся с табурета и, не взглянув на жену, поковылял к бане.

Михаилу хотелось догнать его и спросить тихим голосом, чтобы никто не слышал:

– А ты сам-то, батя, был ли счастлив по-настоящему, так мудрёно излагая сыну про мерило счастья?

Но, взглянув на сгорбившуюся вдруг спину отца, сделал для себя неожиданный вывод: счастье бывает у всех людей без исключения.

Было оно и у отца, и у матери. Только счастье это было особенное, выстраданное в лишениях и муках, и было оно ничтожно малым и незаметным. И статус ему присвоила сама судьба – бедняцкое счастье.

Мать с Ириной ушли в дом посмотреть кукую-то ткань, предложенную для пошива одежды Анечке, а Михаил отправился на гору, чтобы попрощаться с родным краем.

Через четверть часа он уже стоял на вершине горы и смотрел вдаль, где хмурилась темнохвойная тайга, а перед ней играли всеми красками осени простирающиеся луга с че-

рёмушником и ивняком вдоль извивающейся, словно змея, ленты реки.

Глядя на открывшуюся перед ним панораму, он принялся искать взглядом знакомые до боли места.

Вон там, на вершине горы справа большим белым пятном выделялся карьер «Белый камень» с устремившейся в небо конической насыпью известняка. Каждый день там велись взрывные работы. Это происходило обычно в конце рабочего дня. Сначала раздавалась сирена, оглашая всю округу противным устрашающим воем, затем, после небольшой паузы следовали один за другим мощные взрывы, от которых дрожали стёкла в оконных рамах.

Влево от карьера среди лесного массива виднелся край вертолётной площадки.

Михаил вспомнил тот день, когда вертолёт впервые пролетел над их посёлком. Люди повыскакивали из домов на улицу, потревоженные грозным рокотом невиданной ранее машины. Задрав головы вверх, все смотрели на вертолёт, как на явление чуда. Михаил и сейчас помнил, как трепыхалось его детское сердечко от неописуемого зрелища и восторга.

Потом, когда вертолёт скрылся среди деревьев, приземлившись на таинственной поляне в нескольких километрах от посёлка, он поклялся себе, что обязательно наведается туда и рассмотрит железную стрекозу с близкого расстояния.

Помнил Михаил и то, как уже через неделю, уговорив Димку Арефьева, перебравшись с ним вплавь через две реки

с надувной камерой от грузовика, карабкаясь на вершину горы, они скрытно пробирались к краю поляны, чтобы узреть вблизи чудо-машину с крутящимися сверху лопастями, как жернова в мясорубке, а потом долго высиживали в кустах, дожидаясь её взлёта. В тот момент он чувствовал себя непревзойдённым охотником из сказки, выследившим жар-птицу. Это была завораживающая картина.

Далее просматривался железнодорожный мост через Вильву. По нему они шумной подростковой ватагой перебирались на левый берег, и по склону горы пять километров шагали к Такманаихе – летнему пионерскому лагерю. Там всегда можно было встретить знакомых пацанов. Они шли вдоль забора и, отыскав в нём дыру, проникали на территорию, чтобы пообщаться с «узниками». Затем, обогнув столб «Европа – Азия», отправлялись в обратный путь.

Таким был один из маршрутов их грибной охоты. Домой возвращались в сумерках с полными корзинами грибов.

Мишка всего один раз был «узником» в лагере, когда окончил первый класс, но не выдержал строгого режима и сбежал оттуда, за неделю до окончания срока.

Явившись домой, он увидел разгневанное лицо матери. Не страшась взбучки за свой поступок, смело выпалил:

– Будешь бить – бей, но в лагерь я не вернусь. Не нравится мне в нём.

– Это почему же? – опешив, спросила мать. – Там кормят гораздо лучше, чем дома. У нас ведь здесь пустые щи с ка-

пустой, картошка, хлеб да молоко. Никакого разнообразия. Мясо только зимой, когда отец телёночка заколет. А в лагере – и котлеты тебе, и колбаса, и даже фрукты дают. Ешь, отдыхай и поправляйся.

– Не нравится и всё, – твёрдо стоял на своём Мишка. – Лучше быть голодным, но свободным.

– Как тебе не стыдно! – разозлилась мать – Нам, как бедной семье выделили бесплатную путёвку, а ты сбежал, подвёл отца. Как ему после всего, что ты сотворил, смотреть теперь в глаза начальнику? Ты понимаешь это или нет?

Мать схватила со стены ремень отца, о который он каждое утро правил лезвие бритвы, и устрашающе двинулась на сына.

– Я понимаю, что поступил плохо, но жить, как в тюрьме, не хочу, – ответил Мишка, прикрывая на всякий случай лицо рукой.

– Как это... в тюрьме? Что ты такое несёшь? – поднявшаяся рука матери с ремнём замерла в воздухе и медленно опустилась.

– Да, как в тюрьме! – повторил он с упорством. – Вставать – по расписанию, кушать – по расписанию, спать днём я не хочу – но меня заставляют, вечером, когда ещё светло и можно гулять – объявляют дурацкий отбой, загоняют в палату и запирают на ключ. В туалет пришлось однажды через форточку вылезать – ведро забыли поставить на ночь. Всё по расписанию и никакой свободы. Тюрьма самая настоящая, и

воспитательница – чистая зверюга, ведёт себя, как немецкий полицай. Шагу не даёт ступить свободно, вечно ходит по пятам и вынюхивает что-то, будто я преступник какой-то. Вот я и сбежал.

Василиса не стала больше ничего выслушивать, а выпорола его отцовским ремнём и на этом всё закончилось. Правда, потом она ушла во двор и там тихонько плакала. Он посмотрел за ней через щёлку в двери.

В лагерь он больше не ездил.

Вспомнив этот случай из детства, Михаил грустно улыбнулся и перевёл взгляд ещё левее.

Впереди до самого горизонта простирались заливные луга, принадлежавшие колхозу «Большевик». На этих лугах отец, подрядившись однажды на сенокос исполу с колхозом, впервые посадил его верхом на лошадь и поручил возить на волокушах копны сена к месту стогования. Самостоятельно управлять лошадью – заветная мечта любого подростка. Детскому восторгу в те незабываемые дни не было предела!

Перед самым горизонтом смутно различимым пятном обозначались бараки Гортопа. Там велась заготовка дров на зиму для казённых зданий с печным отоплением.

Где-то неподалёку от них простиралось большое болото, на котором отец заготавливал мох и берёзовые прутья для мётел. Чтобы одному не было скучно, отец часто брал его с собой.

Ему нравилось сдирать пышные шапки мха с высоких бо-

лотных кочек. Кочки потом становились лысыми и серыми, и каждая из них была похожа на лысую голову лесника-пьяницы, который за две бутылки водки отводил им делянку под покос. Такое сравнение витало тогда в его несмышлёной голове.

Луга с обеих сторон были зажаты реками. С правой стороны оконечность лугов лизала Вильва, с левой стороны их подмывали воды Усьвы и забрасывали бревнами во время паводка.

Сколько раз он с отцом сплавлялся по Усьве на плотах с сеном! Не сосчитать! Забирался на самый верх и лежал там на душистой копне, как на перине, любуясь красотами края. А сколько раз на шестах поднимались они на лодке вверх по реке? Тоже не сосчитать. А разве можно забыть молевой сплав, когда шестиметровые брёвна полуметровой толщины, гонимые стремительным течением реки, бешено неслись мимо, наскакивая друг на друга, лезли вверх, становясь на попа, а потом с глухим стоном падали назад. Завораживающее зрелище!

В каждый сезон случались заторы, их растаскивали тракторами и катерами, освобождённые брёвна двигались плотным потоком, перекрывая русло реки от берега до берега.

Среди пацанов считалось настоящим геройством перебежать на противоположную сторону реки по зыбкому настилу, рискуя в любой момент соскользнуть в воду и быть раздавленным брёвнами. И он был одним из немногих сорван-

цов, которые отваживались проделывать такой рискованный бросок.

На гористом правом берегу вддали виднелось старое кладбище, за ним – выпуклая поляна, где когда-то стоял монастырь. В этом месте река замедляла движение, трёхметровый шест отца не доставал дна.

Когда плот проходил здесь в вечерних сумерках, ему, малолетнему пацану становилось жутко, он старался не смотреть в сторону кладбища, чтобы не видеть могильных крестов, маячивших на краю горы.

Детское воображение рисовало жуткую картину. Ему всегда мерещилось, будто один из них, самый крайний, раскачивается, норовя в любой момент упасть и скатиться в реку аккурат перед их плотом, а потом будет плыть рядышком, устрашающе покачиваясь на речной волне.

После плёса был перекат под названием Телячий брод. Здесь водился хитрый хариус, добыть которого на удочку считалось огромной удачей, поскольку пацанам он не шел в руки. Они обычно довольствовались пескарями.

Наконец, его взгляд остановился на болоте перед последним изгибом Усьвы на подходе к посёлку.

В последние годы правления Хрущёва болото осушили, выкопав по периметру глубокие каналы, затем вспахали тяжёлым трактором на широких гусеницах и посадили кукурузу.

Это мероприятие стало посмешищем над человеком, ко-

торый распорядился посадить кукурузу на гиблом месте. Простые люди не знали его фамилии и называли по-простонародному чудаком на букву «м». Проходя мимо и глядя на мучающиеся побеги кукурузы среди вывороченных и не разбитых пластов земли, они плевались в сторону воображаемого глупца и отвешивали в его адрес многоэтажную брань.

Кукуруза народилась чахоточная, початки выдались размером с мизинец, зелёную массу можно было использовать лишь на силос. Однако и здесь природа сделала вызов партийному угоднику.

Дождливое лето, будто в отместку, промочило бывшее болото так обильно, что и скудную зелень убрать не удалось – уборочный трактор увяз на первых метрах. Его вытащили, а кукуруза ушла под снег. Понёс ли наказание распорядитель – было неизвестно.

Сейчас на этом месте вновь возродилось болото, росли новые кочки, покрывшись густой осокой. Отец прошлой осенью собрал там корзину опят.

Михаил смотрел на эту чудесную панораму с памятными местами и не мог оторвать глаз от такого великолепия.

Здесь прошли его детские годы, здесь зародилась юность. Отсюда он уходил во взрослую жизнь. Всё, что сейчас предстало перед его взором – это и есть малая родина. И вот уже завтра ему предстояло покинуть её надолго. Возможно – навсегда.

Прощай река с изумрудной водой и галечными берегами!

Прощай фиолетовая тайга!

Михаилу вдруг очень захотелось, чтобы его новое место-жительство хоть чуточку напоминало поселок Лисьи Гнёзда и прекрасную природу вокруг него. Первый раз в жизни он почувствовал грусть расставания и тревожно бьющееся в груди сердце...

Эпилог

Судьба и счастье! Неисчислимое количество раз слышит человек эти два слова и сам их произносит на протяжении всей своей жизни, однако, уходя в иной мир, ему так и не удаётся раскрыть сакральный смысл этих двух понятий.

Не раскрыл его и Михаил Александрович Кацапов в возрасте шестидесяти пяти лет пребывания на грешной земле. Не смог, хотя много раз размышлял на тему предназначения человека в этом сложном и непознанном мире.

В последние годы ему часто вспоминаются слова отца о счастье. Тогда, после окончания института, перед отправкой в Коми, отец сказал, что счастье измеряется радостью души. По его мнению, понять истинный смысл счастья можно лишь в конце жизненного пути, когда человек обретёт в себе житейскую мудрость, заглянув в личную копилку свершённых дел. Когда мысленно можно пробежаться по тернистой и извилистой дороге прожитой жизни и со стороны оценить каждый свой шаг, вспомнить те искромётные моменты, когда душа особенно ликовала. Только тогда можно дать оценку: была ли твоя жизнь яркой и счастливой, или же все ушедшие годы были серыми и унылыми?

Сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, у него появилось уйма времени, чтобы в атмосфере дачной тишины и покоя поразмышлять о прожитых днях.

Работая или отдыхая, он невольно стал задумываться о судьбе и счастье, о том, какие критерии заключены в оценке этих двух понятий. Почему, например, принято говорить, что судьба бывает счастливой и несчастливой? Если есть судьба счастливая и несчастливая, то на каком отрезке жизни находится нулевая точка отсчёта счастливых дней? От момента появления на свет, или же позже, когда к человеку приходит разум, и он способен самостоятельно влиять на свою судьбу? Как следует называть судьбу в том случае, если стрелка неведомого измерителя остановится посередине шкалы? Счастливой наполовину?

Где, собственно, то мерило, тот эталон, с которым можно сопоставлять размер этого счастья? Какими величинами оно измеряется? Благополучием и радостью? Безмятежными цветными снами без кошмаров? Любовью к родственникам, которых ты любишь всей душой и не представляешь своей жизни без них? Или захватывающей работой, без которой не мыслимо прожить и дня?

А может быть, и не существует счастья, как такового? Может, это просто выдумки древних мудрецов, поскольку счастье невозможно ни взвесить и не измерить, а есть лишь его суррогат – деньги, которые изобрело человечество, на которые можно приобрести всё, что будет сладостно для тела и души?

Но если оно, это счастье, всё-таки, существует, то как определить разницу между настоящим счастьем и тем, ил-

люзорным, что приобретено за деньги?

Много подобных вопросов возникало в голове, когда он размышлял над своим личным счастьем, не в состоянии определить, каким оно было для него, Михаила Кацапова? В полном ли объёме он его испытал или же получил лишь часть того, что предписывалось свыше? Что если предположить, будто в душу каждого человека при рождении закладывается одинаковая порция счастья, а уже потом, в силу определённых обстоятельств, она уменьшается, или даже исчезает до нуля? В таком случае, всё ли он правильно сделал для того, чтобы достичь максимума? Правильно ли понимал смысл своего предназначения в дарованной ему жизни?

Так думал Михаил в часы своих непростых размышлений о судьбе и счастье, сравнивал по крупницам горькую спартанскую жизнь родителей со своим подслащённым бытием.

Рассуждать о счастье может каждый человек, не погружаясь в его глубинный смысл, и такие рассуждения могут разительно отличаться друг от друга, потому что будут иметь поверхностный характер. И это объяснимо, поскольку не каждому дано испытать из чаши жизни столько горечи, чтобы потом, получив даже ничтожную частицу настоящего счастья, наслаждаться его божественными мгновениями так, как не может испытать этого тот, кого миновали невзгоды и страдания.

Есть категория людей, у которых счастья выпало столько, что они купаются в нём до конца своих дней, не замечая его

и не зная истинной цены этому счастью.

У другой категории счастье проглядывает в суете жизни лишь на короткие промежутки времени, как солнышко в ненастный день, но эти сладостные мгновения оставляют в памяти такой яркий отпечаток, что даже через несколько десятилетий эти впечатляющие эпизоды встают перед глазами до мельчайших подробностей.

Михаил Александрович Кацапов относил себя ко второй категории. Ему не довелось купаться в облаках любви и счастья, как и его родителям. Большая часть жизни прошла в испытаниях и невзгодах. Видимо, ему на роду было написано пройти той чёрной стезёй, по которой прошагали его предки.

Размышляя о прожитой жизни, он сделал для себя неожиданный вывод: какой бы счастливой жизнь не казалась – истинное счастье, его яркость и глубину человек может испытать лишь на малой родине. Только в родных местах можно ощутить божественное счастье, которое длится какое-то мгновенье, но является ослепительной вспышкой в истосковавшейся душе и отражается в глазах необычайным блеском.

Вот за этим трогательным божественным счастьем и отправился Михаил Кацапов – шестидесятипятилетний пенсионер с Южного Урала. Потянуло его на малую родину, манили и звали к себе родные места, приходя во снах. Измучившись окончательно терзаниями души, он решился на вояж.

Кацапов отправился в путь с восходом солнца. В эти ранние часы дорога была еще свободной, и он мог позволить себе поглядывать по сторонам, любуясь картинами летней поры.

Стояла вторая половина июня, природа имела яркие насыщенные краски. С одной стороны дороги простиралась низина с кустарниками и камышами, с другой тянулся лес, состоящий из корабельных сосен.

«Совсем скоро я увижу любимые ели и пихты, – подумал Михаил Александрович. – Сколько же лет я не видел их?»

В тех краях, где он сейчас проживал, росли одни берёзы, изредка среди них попадались небольшие островки сосен. Родные сердцу ели и пихты виделись ему лишь во снах.

Мотор японского внедорожника тихо урчал, создавая умиротворённое состояние для воспоминаний.

Он принялся мысленно раскручивать ленту ушедших событий...

... Прошло без малого сорок лет, как он покинул Пермский край и уехал в республику Коми.

Сначала работал мастером на строительстве газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, затем прорабом, а когда газопровод был сдан в эксплуатацию – Михаил работал уже главным инженером строительного-монтажного управления.

Всё это время жить приходилось в вагончике по месту работы. Зимой лютый мороз под сорок, весной – раскисшие болота, распутица и бездорожье. Для обеспечения подъездных путей к местам работы приходилось выкладывать километровые лежнёвки.

Вырытые траншеи тут же заполнялись водой, стенки намокали и обрушались, монтаж труб осложнялся.

Трубоукладчик, встав на край котлована и взяв нагрузку, нередко сползал в траншею вместе с трубой, опрокидываясь гусеницами вверх. В болотной жиже тонули тягачи с трубами, переворачивались экскаваторы, вспыхивали огнём при разогреве двигателя машины.

Это лишь часть курьёзных картин, которые довольно часто представляли перед глазами производителя работ. Такое явление не считалось вопиющим случаем, и скорее относилось к разряду печальных ситуаций.

И так – пять лет каторжной работы. Иногда ему казалось, что он переместился во времени и попал в годы первых пятилеток – настолько был похож его труд на тот, который довелось видеть в документальных фильмах или читать в книгах.

Работали от темна до темна, а с наступлением ночи брели обессиленные к вагончику и падали на матрас, снимая с себя лишь верхнюю одежду и обувь. Выматывающие силы дни ничем не отличались один от другого и тянулись беспросветным потоком. Все мысли были связаны с выполнением

плана.

Ирина с дочерью проживала в небольшом посёлке. Михаил видел их лишь по выходным, возвращаясь с трассы уставшим и невымытым.

По приезду им выделили однокомнатную квартиру в двухэтажном деревянном доме с централизованным отоплением от котельной. К дому были подведены водопровод и канализация. Имелась ванна, но горячую воду приходилось получать в дровяной колонке, пропуская через неё водопроводную.

Это было лучше, чем у тёти Нюры в Перми, но хуже, чем в обычной благоустроенной квартире.

Иринегодились навыки топки печи.

Дрова Михаил заготавливал с запасом на пару недель, когда приезжал на выходные, и складывал в сарае на улице.

К счастью, имелся и один детский комбинат, куда они без проблем пристроили Анечку.

Нашлась работа и самой Ирине – её взяли машинисткой в поселковый совет.

Казалось бы, условия проживания сложились вполне сносными, не каждой молодой паре выпадает всё и сразу. Но кажущееся благополучие продолжалось недолго.

Через полгода дочь заболела менингитом. Это было страшное потрясение для обоих. Они очень переживали, зная о возможных осложнениях и последствиях.

В тот момент им крупно повезло. В соседней квартире

проживал врач. Ночью, когда Анечка надрывно закричала от нестерпимой боли и затем потеряла сознание, Михаил, не раздумывая, разбудил соседа и попросил осмотреть дочь.

И опять, по счастливой случайности, врач оказался детским инфекционистом. Он быстро и безошибочно поставил диагноз, подтвержденный позже взятием спинальной пункции, и без промедления приступил к лечению – ввёл внутривенно необходимые антибиотики.

Утром их дочь уже лежала в отдельной палате вместе с Ириной.

В поселковой больнице не было инфекционного стационара, и, по-хорошему, дочь подлежало переправить в Ухту, однако на практике добраться до центра в кратчайшие сроки было проблематично. Врач посоветовал не рисковать и с согласия Михаила оставил Анечку в поселковой больнице.

Борис – так звали врача – заверил Ирину в благополучном исходе, и взял на себя ответственность вылечить Анечку персонально.

Он оказался врачом-профессионалом и сдержал своё слово. Благодаря его грамотным действиям, болезнь дочери прошла без осложнений.

Потом Анечка стала часто болеть уже простудными заболеваниями, детский врач порекомендовал вывести её из садика. Ирине пришлось уволиться с работы и сидеть с дочкой дома.

На лето она уехала к родителям в Пермь. Михаил остался

один и в квартире не появлялся. Жил на трассе.

Осенью жена возвратилась назад, а спустя полтора месяца с радостью сообщила, что беременна.

От Михаила не ускользнули происшедшие изменения в поведении жены. Она стала капризной, разборчивой и требовательной, чего ранее за ней не наблюдалось. По всей вероятности, сказались какие-то поучительные уроки, преподнесённые ей Елизаветой Павловной.

Когда на последней трубе газопровода был сварен «красный стык» – в детской кроватке уже ворочался и хлопал глазёнками сын. Имя ему дали в честь деда – Александр.

Газопровод был сдан в 1983 году. Строители в этом регионе больше не требовались. За несколько месяцев до сдачи встал вопрос: что дальше? Переезжать за сотни километров на строительство других объектов или искать новое место работы в системе Министерства газовой промышленности?

Ирина настояла на втором варианте. Переубедить её остаться на севере было невозможно. Михаил предпринял все усилия, чтобы удовлетворить требования взбунтовавшейся жены.

Впервые за время совместной жизни между ними произошли разногласия.

Через полгода они переехали на Южный Урал.

Михаилу доверили возглавить вновь образованный трест по эксплуатации газового хозяйства в городе Каргапольске. Появившиеся друзья в обновлённом министерстве помогли

получить трёхкомнатную благоустроенную квартиру в новом жилом доме.

Вновь обретённый покой продолжался всего несколько лет.

Жизнь Михаила Кацапова, будто по чьей-то воле пульсировала двумя составляющими – горестными событиями и относительным благополучием.

В 1987 году на январском пленуме ЦК КПСС была официально объявлена перестройка в обществе, как новое направление развития государства, которая затем обернулась полнейшим хаосом в стране.

Одно за другим останавливались предприятия, острые проблемы появились и в газовом секторе. Трест, который возглавлял Кацапов, залихорадило. Из-за отсутствия источника финансирования начались задержки с выплатой заработной платы, возникли большие проблемы с материальным обеспечением производства.

Кацапов сутками пропадал на работе, мотаясь по региону, и возвращался домой очень поздно, иногда даже за полночь.

Воспитанием детей занималась Ирина. Дети окрепли, она устроилась на работу секретарём директора абразивного завода. К удивлению Михаила, жена не роптала на семейные трудности и это радовало его.

Он вспомнил, как во время одного очень жаркого совещания, в кабинет вошла секретарь. Кацапов позволял ей это, когда приходили срочные телефонограммы, требующие

немедленного принятия мер. На этот раз вместо журнала у неё в руках был серый листочек.

– Оставь, – сердито бросил он, рассчитывая прочитать сообщение после бурных дебатов.

– Михаил Александрович, это для вас лично, – шепнула секретарь. В глазах её был испуг.

Кацапов пробежался глазами по тексту и обомлел. Мать сообщала, что умер отец.

В этот же день он поехал на похороны. Настенный календарь показывал 27 ноября 1990 года.

Совсем недавно отцу исполнилось восемьдесят два года, и он отправлял ему поздравительную телеграмму.

Почему-то вдруг вспомнилось, что именно в этот день двадцать один год назад отец провожал его на флот. Мороз стоял под тридцать градусов, и он, с форсом сдвинув шапку на затылок, умудрился подморозить себе одно ухо.

Родной город встретил Михаила Кацапова совсем недружелюбно. Чувствовалось, положение в нём было ещё хуже, чем в Каргопольске.

Автобус в поселок пришлось ждать почти два часа. Стужа безжалостно пробиралась сквозь одежду, и Кацапов, как не подпрыгивал всё это время, как не скакал, всё равно продрог настолько сильно, что у него зуб на зуб не попадал.

– Бензином заправляют по урезанному лимиту, которо-

го хватает только на полдня, – оправдываясь, сообщила кондуктор автобуса. – Вот и пришлось сократить рейсы.

– Совсем швах с финансами? – участливо спросил Кацапов.

– Совсем, – тяжело вздохнула пожилая женщина. – Четыре месяца зарплату не получали, питаемся одной картошкой.

Мать встретила его без слёз, но состояние её было подавленным.

– Слава богу, сынок, что ты приехал быстро, – сказала она. – Вся надежда только на тебя. Помощи допроситься не удалось ни от кого. Вокруг либо малые дети, либо дряхлые старики. Все мужики подались туда, где ещё деньги платят. А от баб толку никакого, кроме сочувствия и слёз. Пореветь я могу и без них.

И она рассказала, с какими трудностями столкнулась.

Сестра Вера не приедет – не сможет. После смерти мужа она осталась одна с двумя малолетними дочерьми без копейки денег. Машиностроительный завод, на котором она работала, остановился, людей отправили в бессрочный неоплачиваемый отпуск. Сестра бедствовала.

На помощь старшей сестры рассчитывать тоже не приходилось. На её попечении находился малолетний сын, которого она завела уже в тридцать семь лет, так и найдя для себя достойного спутника жизни. По её словам, сынишку удалось пристроить к кому-то из знакомых только на пару дней. Следовательно, появится она в посёлке лишь накануне похорон.

Старший брат отца, Сергей, был дряхлым стариком, просить его о помощи не имело смысла. Его взрослые сыновья – двоюродные братья Михаила – никогда не общались со своим дядькой по требованию отца. Они сослались на чрезмерную занятость и появятся, вероятно, только на погребение.

Михаил окончательно понял, что организацией похорон придётся заниматься в одиночку.

Перед отъездом друзья сообщили, что в связи с отсутствием денег у населения все отношения в сфере услуг теперь строятся исключительно с помощью «жидкой валюты» – спиртного. В обороте использовался любой вид – спирт, водка и креплёное вино, которые были недоступны в открытой продаже и приобретались только по талонам. Выкупить можно было по одной бутылке на душу населения в месяц. В ходу был и самогон.

Михаил прислушался к дельному совету друзей: привёз с собой спирт и водку.

На следующий день ранним утром он отправился на кладбище, чтобы получить место под могилку.

По словам матери, сторож жил в казённом доме на краю кладбища. По словам очевидцев, застать его можно было лишь ранним утром, когда он ещё спал. Вернее, не застать, а умудриться перехватить его трезвым, иначе потом он будет уже невменяемым.

Направляясь к сторожу, он и не предполагал, с чем ему предстоит столкнуться.

Старый деревянный дом стоял на краю кладбища, дверь подсвечивалась маленькой лампочкой Ильича в пятнадцать ватт. Окна были тёмными.

«Успел, – с удовлетворением подумал Михаил. – Буду первым посетителем. Главное – застолбить место, а уж потом решать остальные дела».

Он вошёл в дом, нашарил на стене выключатель. Включив свет, был ошарашен представшей перед ним картиной.

Весь пол был заставлен пустыми бутылками, разнообразными банками из-под консервов и засохшими кусками хлеба на столе. На старом изодранном диване в телогрейке и в валенках на спине лежал человек. По нему бегали крысы. Со стороны казалось, что человек был мёртв и омерзительные животные собираются устроить пир, отыскивая самое лакомое место.

По узкой полоске пола между бутылками Михаил пробрался к дивану, согнал наглых крыс веником. Постояв над недвижимым телом сторожа секунд десять, принялся приводить его в чувство.

Долгое время тот мычал, вяло отмахивался рукой, и пытался перевернуться на бок. После двух сильных оплеух открыл, наконец, глаза и стал озираться по сторонам мутным взглядом. Увидев перед собой человека в дублёнке, спросил:

– Ты кто?

– Конь в пальто, – с улыбкой ответил Кацапов.

– Чего тебе надо?

– Догадайся с одного раза и будешь вознаграждён, – Михаил приоткрыл дипломат, извлёк бутылку «Пшеничной», поводил ею перед лицом сторожа.

Ему не впервой было иметь дело с человеком, находящемся в запое. На севере довелось сталкиваться с разными категориями пьющих людей. Встречались фанатичные партийцы-правдорубы, принимавшие на грудь втихаря по ночам, и борзые уголовники после нескольких ходок на зону, которые, не таясь, разливали водку в обеденный перерыв прямо у него на глазах, были сбежавшие от сварливых жён добросовестные работяги, для которых нормой считалась бутылка вина на ужин. Но встречались и запойные мужики, которые выключались из жизни по определённому «графику». И со всеми ему приходилось находить общий язык, никто из них не был уволен за пьянку по его инициативе.

Кацапов изучил методы приведения в чувство поражённых алкоголем мужиков.

– Встать сможешь? – усмехнулся он.

Вместо ответа сторож, вибрируя всем телом, приподнялся и сел на диване.

Михаил откупорил бутылку, затем взял со стола стакан, налил чуть больше половины и протянул бедняге. Трясущими руками тот обхватил стакан, медленно выщедил.

– Это для запуска твоего мотора, – сказал Михаил. – Сделаем дело – она вся будет твоей.

Бутылка снова перекочевала в дипломат.

Через пять минут, очнувшийся сторож пошел показывать место. Снегу навалило по грудь. С трудом прошагав с десятков метров, запыхавшийся хозяин кладбища остановился.

– Не могу, – признался он. – Иди сам. Дойдешь до крайнего дерева – отмерь десять шагов влево и копай. Я, пожалуй, вернусь и дождусь тебя в доме. Сердце выпрыгивает из груди.

Сторож отдал лопату и медленно поплёлся к дому. Михаил стал пробиваться сквозь снег к указанному дереву, затем очистил от сугроба небольшой квадрат земли, проверил грунт. Земля оказалась песчаной, податливой.

«Хоть тут повезло, – с удовлетворением отметил про себя Михаил. – Не придётся искать компрессор с отбойным молотком».

Он вернулся в дом, сделал запись в журнале, отдал бутылку сторожу и зашагал с крутой горы в город. Нужно было найти экскаватор.

Домой он вернулся к ужину.

– Я тебя уже потеряла, – обеспокоенным голосом произнесла мать. – Ну, как? Удалось что-то порешать?

– Не что-то, а всё. Водка и спирт решили все вопросы. Могилку выкопал, гроб, памятник и оградку приобрёл, осталось дело за машиной.

– Ну, слава богу. А насчёт машины я договорилась. Директор лесотехнической школы сказал, что поможет. Завтра с утра он будет ждать тебя в гараже.

– Вот, видишь, как мы с тобой хорошо справились, – сказал Михаил, обняв мать. – Сейчас я поужинаю и схожу в тайгу. Нужно ещё наломать пихтовых веток, чтобы устилать дорогу на кладбище. А ты пока составь список, кто придёт на похороны. Завтра пойду на Углежжение, закажу в столовой поминальный ужин.

На следующий день он привёз тело отца домой. Из морга выносил его на своих руках. Сотрудников для такого случая в этом скорбном учреждении не нашлось, а те молодые курсанты, которых выделил директор школы в помощь вместе с машиной боялись покойников. Когда он положил отца в гроб и закрыл крышкой – пацаны немного осмелели, подхватили гроб с каталки, поставили в кузов старого «студебеккера».

Прощаться с отцом пришло много незнакомых ему людей. Михаил даже не догадывался, что у отца может быть столько знакомых. Ранее никто из них не появлялся у них в доме. Почему – объяснить он не мог. Простился с отцом и его бывший однополчанин Тимофей Фёдорович Узков. О нём очень часто вспоминал отец при жизни, неоднократно рассказывая историю про самурая-смертника, который расстрелял на берегу Халхин-Гола безоружных красноармейцев. Именно Узков добился восстановления справедливости для отца. Спустя несколько десятилетий на парадном костюме отца появился орден Красной Звезды за тот далёкий жаркий бой в монгольской степи.

Тимофей Фёдорович прошёл всю войну, был четырежды

ранен, и вернулся из Германии полным кавалером орденов Славы. В городе являлся бессменным председателем Совета ветеранов.

Похороны прошли тихо и скромно. Никто из присутствующих не произносил прощальных слов. Вернувшись с кладбища, все направились на поминальный ужин, а затем разошлись по домам.

Мать, сестра Люба и Михаил остались втроём. До поздней ночи они просидели за столом, вспоминая всё, что было связано с отцом.

– Что ты решила для себя, мама? – спросил Михаил, зная, как трудно будет ей оставаться одной в доме.

– Отец наказывал продать дом и уехать к Любе воспитывать Ванечку, – сообщила мать. – Только он говорил, чтобы я сделала это не раньше, чем через полгода.

– И ты что?

– Доживу до весны, посажу в огороде, а там займусь продажей дома. Осенью перееду к Любе.

– Ты согласна? – спросил он сестру.

– Я хоть сейчас приму её у себя, – ответила Люба.

Через день он уехал к себе в Каргопольск.

Мать прожила в посёлке до конца лета. Продав дом, положила деньги на хранение в сберегательную кассу и переехала жить к старшей дочери в Пермь.

Она и предположить не могла, что совсем скоро её большое состояние от продажи дома по милости правительства

сторит дотла...

Екатеринбург остался позади. Его Кацапов объехал стороной. Трасса снова опустела. Он внимательно смотрел по сторонам, но долгожданных елей и пихт не обнаружил.

Мысли Михаила Александровича вновь вернулись в 90-е годы. Этот период жизни для него оказался самым чёрным.

Денежная реформа, деноминация рубля, дефолт, финансовый кризис, кадровая чехарда в правительстве – все эти явления породили хаос и беспредел в обществе. Приходя на работу, он, как руководитель, не знал, каких сюрпризов можно ожидать в течение рабочего дня и чем вообще закончится день.

Чтобы удержать предприятие на плаву, ему приходилось идти на всяческие ухищрения. Народ роптал, начались митинги и забастовки.

Задержка по зарплате достигла четырёх месяцев. Нужно было срочно искать выход. И он нашёл его. Создал магазин при тресте. Товары туда поступали от должников за газ по зачётной схеме. В обиходе появилось ещё одно незнакомое слово – бартер. Главное, в магазине появились основные продукты питания и бытовая техника, которые работники приобретали в счёт погашения долгов по зарплате.

Но в этой повседневной рабочей суете Михаил не заметил значительных перемен, которые произошли с его женой Ириной. Она часто задерживалась на работе, стала неожиданно посещать культурные мероприятия, чего раньше за ней не наблюдалось, возвращалась домой возбуждённой и счастливой.

Можно было только порадоваться за жену. В такие трудные времена не каждому мужику удавалось сохранять силу духа, а тут – хрупкая женщина, которая не унывает и держится бодрячком.

Причина необычных перемен вскрылась через полгода. Один из близких друзей однажды подошёл к нему и, смущаясь, сказал:

– Ты бы, Миша, присмотрел как-нибудь за своей женой.

– А что такое? – удивился Кацапов.

– Ну, куда ходит, например, с кем общается? Почему задерживается на работе?

– Бандиты подкатывают? – спросил он, подумав, что новоявленные борзые бизнесмены намереваются воздействовать на его через жену. – Придётся набить морды и выбить из безмозглых голов дурные мысли.

– Нет, бандиты пока обходят нас стороной.

– Тогда что же?

– Думается мне, дружище, что твоя Ирина, попросту говоря, спуталась с одним мужичком.

– Да ну? – рассмеялся Михаил, не поверив предположе-

ниям друга. – И с кем же?

– Я не знаю его фамилии, но скорее всего они вместе работают. Раньше они ездили в столовую вчетвером, а с некоторых пор порхают только вдвоём. Говорю это, потому что сам обедаю в этой столовой и вижу, что происходит вокруг.

– И что из этого? Может быть, те двое перешли на домашнее питание – зарплат сейчас не выдают, «живые» деньги кончились. Может, выбрали другую столовую. Мало ли что?

– Дай бог, чтобы я оказался не прав, – вздохнул друг, заглядывая ему в глаза. – Но ты, Александрыч, всё же, загляни как-нибудь в столовую, оцени обстановку сам. Ирина не моя жена – твоя. Ты быстрее поймёшь, что это у неё: дружба или шальная страсть.

На следующий день перед обеденным перерывом Михаил сел за руль личного «Жигуля» и подъехал к проходной абразивного завода. Чтобы не светиться, остановился неподалёку за деревьями и стал наблюдать за стареньким «Москвичом» зелёного цвета, о котором упомянул друг. Такая легковушка на стоянке была в единственном экземпляре.

Вскоре из проходной стали выходить люди. Их ждал небольшой автобус. Забрав пассажиров, он уехал. И только спустя несколько минут из проходной вышли двое – плечистый молодой мужчина и ... его супруга. Они смеялись, Ирина восхищёнными глазами заглядывала в лицо молодого спутника, не замечая, как показалось Михаилу, ничего во-

круг себя.

Мужчина открыл перед Ириной дверцу машины, она устроилась на переднем сидении. Перед тем, как тронуться, счастливая парочка слилась в объятии, скрепив близость длительным поцелуем.

Михаил смотрел на них и не верил своим глазам. Его сердце гулко отозвалось в висках и бешено заколотилось. Первым желанием было выйти из машины, подскочить к «Москвичу», рвануть дверцу, схватить мужчину за шиворот и бросить лицом на землю. Но что-то подсказывало, что этого делать не следует.

Он дождался, когда зелёная легковушка тронулась, двинулся следом на некотором расстоянии.

В столовую он заглянул минут через десять. Проходить в зал не стал, посмотрел со стороны.

Ирина с молодым человеком сидели за столиком вдвоём и о чём-то оживлённо говорили. Их лица сияли.

Михаил почувствовал, как внутри его закипает неудержимый гнев. Он сжал кулаки и готов был ринуться в зал, чтобы расправиться с любовником жены.

«И чего я добьюсь? – подумал он в последний момент. – Уничтожу соперника и силой заставлю жену любить себя?»

Он резко повернулся и бегом выскочил из столовой. Сел в машину и заставил себя успокоиться. Ждать влюблённую пару не стал. Видеть жену с любовником было уже выше его сил. Он знал, что не выдержит очередной пытки и покалечит

человека.

Его «Жигуль» яростно взревел, взвизгнув колёсами, сорвался с места и помчался прочь.

В этот день Михаил впервые за много лет вернулся с работы почти вовремя. Дома был один сын.

– Где Аня? – спросил Михаил.

– К подруге ушла.

– А ты чем занимаешься?

– Лепкой. Смотри какого медведя вылепил, – сын с гордостью показал пластилиновую фигурку зверя. – Нравится?

– Отличная работа, – похвалил Михаил.

Фигурка медведя действительно получилась удачной. Были выдержаны все пропорции.

– Можно я пойду погуляю?

– Сходи, сынок, погуляй. Как говорится, кончил дело – гуляй смело. Мама не приходила?

– Звонила, что задержится на час. Сказала нужно срочно что-то напечатать.

Когда сын ушёл, Михаил позвонил жене на работу. Телефон не отвечал. Посмотрев на часы, он прикинул, что часовая задержка жены истекает.

«Где час – там и два. Влюблённые часов не наблюдают», – подумал он и криво усмехнулся. Его неожиданно посетила совсем шальная мысль: вместо громкого выплёскивания ненависти организовать праздничный ужин.

«Зачем устраивать семейный скандал? Разборки, дозна-

ния, ругань, предъявление претензий – это не метод для настоящего мужчины. Мы же интеллигентные люди, бляха муха!» – вспомнил он слова одного из его подчинённых на севере. Это был неунывающий одессит Жора. Он с иронией поведал однажды, как объяснялся с женой, которую застукал с любовником.

«Вот и я поступлю, как интеллигент, – снова усмехнулся он, решив прогуляться в магазин за шампанским.

Направляясь в «комок», как принято стало называть коммерческие киоски, Михаил и не предполагал, что станет свидетелем сцены расставания Ирины с «коллегой по работе».

В ближайшем киоске шампанского не оказалось, и ему пришлось сделать небольшой крюк вокруг дома.

Купив советскую «шипучку», несколько шоколадок «Марс» и «Сникерс» для детей и коробку конфет для запланированного разговора с женой, он пошёл назад короткой дорогой по «народной» тропке через пустырь. Проходя мимо автомобильной стоянки, заметил знакомый уже ему зелёный «Москвич». В кабине виднелись два знакомых лица.

«Хорошее место выбрали, – подметил Михаил с усмешкой. – Знает жёнушка, где остановиться. Здесь я никогда не хожу и не ставлю свою машину. Наверно, каждый день они расстаются на этом месте».

Размышляя совершенно спокойно, он поймал себя на том, что больше не испытывает к жене ни гнева, ни желания потребовать объяснений, которые вспыхнули у него днём. В го-

лове не мелькнула мыслишка о коварном плане мести. За полдня к нему пришло осознание безвозвратности тех отношений, которые были между ними ещё утром. Стало ясно, что ничего уже нельзя изменить – хрупкая ваза семейного счастья сегодня выпала у него из рук и разбилась на глазах. Можно горевать, но зачем же кипеть понапрасну?

Михаил отвёл взгляд от стоянки и прошёл мимо.

За то время, пока жена прощалась с возлюбленным, он успел накрыть на стол, включил телевизор и сидел в ожидании.

Наконец, в прихожей хлопнула дверь, раздался весёлый голос Ирины:

– Есть кто дома? Аня, Саша?

– Миша сегодня дома, – ответил Михаил, появившись в дверях комнаты.

– Ты?! – удивилась Ирина. – Каким ветром тебя занесло так рано? Что-то случилось?

– Разве мне запрещается приходить с работы вовремя?

– Нет, конечно, – смутилась Ирина. – Но всё это как-то необычно.

– Необычно, когда муж приходит домой вовремя, а жена находится неизвестно где, – пристально глядя в лицо Ирины, язвительно заметил Михаил.

– Тут ты прав, как всегда, – сказала Ирина и виновато опустила глаза. – Начальник попросил выполнить срочную работу – не могла же я ему отказать.

– Ну, да, я совсем запамятовал, что ты у нас безотказный человек. Зато хорошо помню, что моя жена раньше не умела обманывать. Или это замечательное качество осталось у нас в прошлом? – произнёс Михаил, обратив внимание, как слегка дрогнули плечи жены.

– Поговорить захотелось?

– Ты права, захотелось поговорить с тобой. По этому случаю я даже накрыл на стол. Иди, приводи себя в порядок и милости прошу к столу. Тебя ждёт бокал шампанского и очень вкусные бутерброды.

У Ирины от удивления приоткрылся рот, она ничего не понимала.

– Так что же за событие у нас такое, о котором я не знаю ни сном, ни духом? – улыбаясь, спросила Ирина, возвратившись из ванной и присаживаясь к столу.

Михаил открыл шампанское, разлил в бокалы. Затем очень внимательно посмотрел на жену и произнёс спокойным голосом:

– За нашу новую жизнь! – и в один приём выпил содержимое бокала.

– За что? – переспросила Ирина.

– За нашу новую жизнь, – повторил Михаил, поддевая вилкой кусочек колбасы. – Я всё знаю, дорогая, и поэтому тебе не стоит отпираться.

– Что ты знаешь? – спросила Ирина и голос её дрогнул. Она догадалась, о чём узнал муж, но не могла до конца по-

верить, что верёвочка их супружеских отношений, крепкая на вид, так неожиданно оборвалась. Лицо её начало стремительно наливаться багрянцем.

– Наверно, я во всём виноват, отдавая всего себя работе, забыв о семье, – высказался Михаил раздумчиво. – Не водил тебя в театр, не ходил с тобой и детьми в кино, не выезжал всей семьёй на природу, не жарил вам шашлыков. Даже в отпуске бегал через день на работу. Думал, наличие денег обеспечит благополучие, мир и покой. Видимо, я ошибался, раз получился такой печальный расклад. Но всё это ничуть не умаляет твою вину, Иринushка. Я никогда не смогу простить тебе предательства.

– Ты даже не хочешь меня выслушать? Тебе не интересно, кто он, и почему так произошло? – дрожащим голосом проговорила жена, цепляясь за откровенное признание, как за соломинку. Ей, очевидно, казалось, что её исповедь может смягчить вердикт мужа по факту её виновности. Не дожидаясь ответа, она принялась рассказывать, как полгода назад к ним на работу поступил новый мастер, как с первых же дней он понравился ей своим чутким отношением к людям, способностью понимать чужие проблемы, готового всегда прийти на помощь, не требуя ничего взамен. Как спустя всего месяц она по уши влюбилась в него и, как несмышлёная девчонка, потеряла над собой контроль, не в состоянии пробыть без этого человека и дня.

– Что дальше, Миша? – в слезах спросила Ирина, выгово-

рившись. – Что мне теперь делать?

– Это вопрос не ко мне, милая, – рассерженно ответил Михаил. – Спроси своего возлюбленного, что он намерен теперь делать. Жениться на тебе или отречься. Не верю, чтобы мужчина, любя женщину, не строил для себя никаких планов. Ну, а если он отвергнет твою любовь, не позовёт с собой в даль светлую – тебе, очевидно, остаётся поступить, как Анна Каренина. Ты должна была хорошо подумать о будущем, прежде чем запрыгнуть в чужую постель.

Последние слова заставили вздрогнуть Ирину, они словно обожгли её, заставив осознать, что вся её жизнь с этого момента рухнет навсегда. Не будет больше поцелуя мужа при уходе на работу, не будет его ласковых слов по вечерам, не будет больше ничего, что было прежде. Она собственными руками поломала свою жизнь и жизнь детям.

Ирина разрыдалась, уронив голову на стол. Рядом стоял нетронутый бокал с шампанским, который предстояло выпить за новую жизнь.

Несколько дней в доме царил предгрозовое затишье, а затем начались кошмары.

Сначала к нему в кабинет заявился любовник жены. Звали его Игорем. Это имя никогда не нравилось Михаилу, оно было для него созвучным со словом «угорь» – прыщ по-народному. Когда посетитель назвал своё имя, в голове Кацапова мелькнуло: «Очередной прыщ на моём пути, который следует выдавить вместе с кровью». Так уж случалось по-

чему-то, но мужчины с этим именем всегда доставляли ему массу хлопот и неприятностей.

Игорь был моложе его на двенадцать лет – за несколько дней Михаил получил о нём подробную информацию – и выглядел весьма привлекательным мужчиной – рослый, статный, с лобастой кучерявой головой и ярко-голубыми глазами.

– Я виноват перед тобой, Михаил, – выпалил он без всяких предисловий. – Вот, явился к тебе сам, чтобы ты набил мне морду.

– Прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас, – с вызовом сказал любовник жены. – Побьёшь мне морду, и мы будем квиты.

– Ты думаешь, кулаками можно всё исправить? – усмехнулся Михаил.

– Не знаю, – пожал плечами Игорь. – Но я соблазнил твою жену и должен за это ответить.

Михаил встал с кресла, подошёл к непрошенному гостю вплотную, впился в него взглядом и сказал:

– Нет, салага, бить я тебя не стану. Это слишком мягкое наказание для тебя. Синяки сойдут, и ты обо всём забудешь, а мою прежнюю жизнь уже не вернуть.

– Что ты предлагаешь?

– Я просто тебя убью и закопаю. А лучше утоплю в озере, но сначала дам тебе помучиться. В общем, у меня есть время, чтобы выбрать самый болезненный способ твоей смерти.

– Ну, знаешь... – лицо Игоря побледнело.

– А что ты хочешь? Соблазнил мою жену, разбил жизнь на «до» и «после» и хочешь отделаться какими-то тумачами? А где же мужское самолюбие? В былые времена за женщину дрались на дуэли. Но ты не достоин такой чести, потому что я не услышал от тебя слов о страстной любви к Ирине. Ты её не любишь и воспользовался её слабостью. Почему ты не предложил ей выйти замуж за тебя? Кишка тонка на серьёзный поступок?

На лбу Игоря выступил пот. Он совсем не ожидал такого поворота событий.

– Так я ... – промямлил он и замолчал, не зная, что ответить.

– Не любишь, да? Стало быть, затуманил голову женщине, попользовался ею, а затем прыгнул в шлюпку и отчалил от берега? Так что ли?

Игорь громко сопел и продолжал молчать.

– Вон отсюда! – громко произнёс Михаил и вернулся в кресло.

Опустив голову, незадачливый любовник поплёлся к выходу.

На следующий день утром ему позвонила жена Игоря и предложила встретиться. Поколебавшись, Михаил всё же согласился. Место встречи выбрала она.

Вечером они встретились за городом. Женщина была одна. По всей вероятности, она прибыла сюда на такси, рассчи-

тывая на то, что обратно они уедут вместе.

«Самоуверенная особа, однако», – отметил Михаил, выходя из машины, и направился к женщине.

– Полина, – представилась она. – Жена Игоря.

– Слушаю вас, – сухо произнёс Михаил, не называя своего имени.

– Вы, как мне сказали, деловой человек, поэтому постараюсь быть краткой, – женщина бесцеремонно принялась разглядывать его с ног до головы.

– Что же вы замолчали? – выдержав сверлящий взгляд женщины, спросил Михаил.

– У меня к вам будет очень деликатное предложение, – глаза Полины вдруг заблестели нескрываемой одержимостью, лицо от волнения загорелось румянцем. – Я очень хочу отомстить Игорю.

– Хотите сделать это с моей помощью? – усмехнулся Михаил. – Тогда, мадам, вынужден вас разочаровать: я не буду вашим сообщником. Мне не нужны ни скандалы, ни сплетни, ни унижительные разборки в милиции.

– Вы не смейтесь, я не предлагаю вам его побить, – быстро заговорила Полина, опасаясь, что Михаил не захочет выслушать её предложение, над которым она билась все эти дни, развернётся и уйдёт. И тогда весь её план рухнет, муж не испытает тех страданий, которым он подверг её, преданную ему жену. – У меня есть план, как наказать обоих голубков.

Михаил молчал, и Полине показалось, что он согласился

с её намерением. Она обрадовалась и зачастила взахлёб:

– Мы накажем их обоих. Пусть знают, как это тяжело переносить измену, пусть прочувствуют на своей шкуре эту нестерпимую боль унижения. Я предлагаю вам себя в отместку, идёте в вашу машину, я готова отдаться вам прямо сейчас! Мы должны это сделать!

Последние слова были произнесены с такой решимостью, что Михаилу почудилось, будто женщина начнёт раздеваться перед ним немедленно, доказывая свою готовность отдаться незнакомому мужчине в отместку мужу-обидчику.

Широко раскрытыми глазами Михаил смотрел на Полину, и только тут обратил внимание, насколько она хороша. И одежду она подобрала на встречу такую, которая плотно обтягивала всю её прекрасную фигуру. На какой-то миг ему показалось, что перед ним стоит героиня фильма «Кавказская пленница» Наталья Варлей. После выхода этого фильма Михаил много раз ходил в кинотеатр, чтобы полюбоваться этой прекрасной артисткой. И вот сейчас она явилась к нему в образе Полины. Было невероятное сходство личностей.

Он даже тряхнул слегка головой, чтобы отбросить навязание.

– Вы согласны? – вывел его из оцепенения голос Полины. – Что же вы молчите? Соглашайтесь. Я доставлю вам такое наслаждение, о котором вы не могли и мечтать.

Всё происходило так быстро и неожиданно, что Михаил впервые по-настоящему растерялся. Общение с женщинами

на интимную тему осталось в далёкой молодости. После брака с Ириной он не позволил себе ни одной интрижки, хотя встречалось немало женщин, которые открыто вешались на него, провоцируя на измену жене.

В считанные секунды Полина бросилась ему на грудь, обвила шею горячими руками, принялась страстно целовать.

Сознание Михаила помутилось, он почувствовал, что теряет над собой контроль, готов был подхватить женщину на руки и отнести в машину.

И всё же в последний момент нашёл в себе силу, расцепил объятия и оттолкнул Полину.

– Не надо этого делать, – прохрипел он, тяжело дыша. – Садись в машину, я отвезу тебя в город.

Полина полоснула его испепеляющим взглядом, затем устроилась на заднем сиденье. До города оба они не произнесли ни слова. Выходя из машины, она выпалила со злостью:

– Дурак ты, Кацапов. Теперь мне понятно, почему твоя жена разлюбила тебя.

– Почему? – вырвалось у него, но Полина прошла мимо, отвернув голову, и не ответила на жгучий вопрос.

После встречи с женой Игоря события стали развиваться более трагично. Пока он был на работе, на домашний телефон стали поступать звонки отвратительного характера. Ирина тоже была на работе, дети оставались одни. Когда звонил телефон, трубку брала дочь. Ей исполнилось шестна-

дцать лет. Звонила женщина. Не удосуживаясь представить-ся, она сходу начинала оскорблять Ирину, называя распутной бабой, проституткой, используя при этом нецензурные слова.

– Как вам не стыдно такое говорить? Моя мама совсем не такая! – пыталась вразумить незнакомую женщину дочь, но своими ответами лишь больше распаляла нахалку. Так повторялось по несколько раз в день. Анна пожаловалась матери, на следующий день Ирина отпросилась на работе.

Всё повторилось строго по расписанию. Женщина звонила в одно и то же время. Только когда она слышала в трубке голос Ирины, её буквально прорывало. В адрес Ирины неслись угрозы, одна страшнее другой. Жена бросала трубку, но звонки тут же возобновлялись. Пришлось отключить телефон.

Михаил, возвратившись с работы, обратил внимание на вынутую из розетки вилку с телефонным шнуром, спросил:

– Что это значит?

Дочь посмотрела на мать и ушла в свою комнату.

– Ты можешь объяснить, что у нас происходит? – строгим голосом спросил Михаил жену.

Ирина с зарёванными глазами рассказала ему обо всём.

Михаил, не раздумывая, подключил телефон, который вскоре зазвонил. На другом конце провода словно дежурили, с нетерпением дожидаясь восстановления связи.

Как только стало понятно, что звонит та самая террорист-

ка, которая угрожала жене, он закрыл дверь в прихожей и начал разговаривать с ней таким циничным жаргоном, которому мог позавидовать уголовник с большим тюремным стажем. Опыт, приобретённый на севере, неожиданно пригодился.

Когда иссяк воровской лексикон, Михаил от угроз перешёл на нормальное общение. Голос сделался ровным, выражения взвешенными. Создавалось впечатление, будто трубку взял другой человек.

– Вы всё поняли, гражданка? – спросил он вежливо. – Имейте в виду: все ваши предыдущие звонки зафиксированы на записывающем устройстве. Это основание для возбуждения уголовного дела. Лет несколько побыть на зоне я вам обещаю. Пробыть ваш адрес и фамилию не составит для меня особого труда. Мои связи позволяют это сделать.

– Я всё поняла, – слышался в трубке испуганный голос присмирившей женщины. Михаил положил трубку.

Больше звонков не поступало.

Ирина продолжала молчать и слонялась по квартире, как неприкаянная. Так прошло ещё несколько дней. Михаил не торопил жену с принятием решения, внутренне подготавливая себя к неизбежному разводу.

В тот трагичный день он вернулся с работы раньше обычного. Поводом для этого стал звонок от Игоря. Тот сообщил, что два дня назад на него напали несколько парней, избили до потери сознания и отвезли в пустующий дом в деревне.

Там, связанный по рукам и ногам он провёл эти дни без пищи и воды, пока его случайно не обнаружил сосед.

Игорь сообщил также, что похищение организовала сестра Полины, которая собирается похитить и Ирину, чтобы привезти её в этот же дом, связать их вместе и оставить на мучения.

Михаил знал, что Ирина находилась в это время дома одна. Дети с утра были в школе. Это самое подходящее время для похищения. Он бросил все дела и поспешил на помощь.

Запыхавшись, он позвонил в квартиру. К двери никто не подходил. Заподозрив неладное, он быстро достал ключи и открыл дверь.

– Ирина, ты дома? – крикнул он, ворвавшись в квартиру. Комнаты оказались пусты, жены не было нигде.

«Неужели эти сволочи успели выманить её на улицу?» – с тревогой подумал он, обратив внимание на отсутствие халата и домашних тапочек жены.

Он направился в ванну, чтобы окончательно убедиться в отсутствии жены в доме.

Дверь ванной комнаты оказалась запертой изнутри, через щёлку виднелся свет.

– Ирина, выйди на минутку, мне надо кое-что тебе сказать, громко произнёс Михаил, дергая за ручку двери. Внутри стояла полная тишина, Ирина не отзывалась.

– Окрой, не будь ребёнком!

И тут его осенило. Он вспомнил свои слова об Анне Ка-

рениной. Михаил рванул дверь на себя, вырвав с потрохами хрупкий замочек. Ирина с петлей на шее стояла на коленях. Бельевая верёвка, привязанная к полотенцесушителю, натянулась под тяжестью обмякшего тела жены...

– Что же ты натворила, глупая, – прошептал Михаил, извлекая голову жены из петли.

Он вовремя ворвался в ванную комнату. Ему удалось привести в чувство Ирину. Положив её на диван, склонился над ней.

Сделав усилие над собой, Ирина тихо спросила:

– Затем ты это сделал?

– Чтобы вернуть тебя детям, – попытался улыбнуться Михаил. – Они не должны остаться сиротами.

– Меня заклеямили позором перед ними, – мученически проговорила Ирина. – Мне не смыть этого клейма. Путь в даль светлую для меня закрыт – приглашения туда не состоялось. Я вспомнила твои слова про Анну Каренину, потому что потеряла смысл жизни...

– Не говори так, – строго сказал Михаил. – Интерес к жизни потерять нельзя. Надо жить вопреки любым вызовам судьбы. Жить, каких бы гадостей она не преподнесла человеку. Поняла?

– Я не смогу...

– Сможешь, – заверил он. – Всё уже позади. Больше тебя никто не посмеет обидеть. Я тебе обещаю. Про то, что сегодня произошло, дети не должны знать. Всё образуется. Ты

мне веришь?

Ирина не ответила, а лишь очень внимательно посмотрела на него и закрыла глаза. Михаил постоял над ней некоторое время, затем вышел из комнаты и затворил за собой дверь. Вызывать врача он не стал – опасался огласки, которая могла повлиять на психику детей.

С разводом решил повременить, а через некоторое время пришлось выбросить эту мысль из головы, поскольку жизнь дала ему очередную затрещину...

Наконец, впереди показался еловый лес. Его нельзя было сравнить с темнохвойной тайгой, которая опоясывала посёлки Лисьи Гнёзда. Там она простиралась на многие десятки километров, а здесь был всего лишь небольшой лесной массив. Но и эти низкорослые ели и пихты, подступившие к небольшой безымянной речушке, уже радовали глаз.

Михаил Кацапов ехал без остановок уже больше трехсот километров. Он решил остановиться и сделать привал. Нужно было отдохнуть и подкрепиться.

Перед мостом через речку был съезд с автотрассы, который, по всей вероятности, вёл к понравившемуся лесному островку.

Кацапов сбросил скорость, свернул с дороги и спустил-

ся к реке. Проехав по берегу с полкилометра, остановился у крайних деревьев, заглушил двигатель и вышел из машины.

Вокруг стояла мёртвая тишина, сквозь которую пробивался едва уловимый ухом тихий шёпот речки. Это была прекрасная мелодия, созданная самой природой. У неё не было ни начала, ни конца. Отрадная музыка лилась здесь от ранней весны и до поздней осени, пока эта неприметная речка не прикрывалась ледяным панцирем.

Михаил Александрович вытянул руки в стороны, потянулся, затем положил ладони на затылок, оглянулся вокруг.

– Лепота-а! – произнёс он негромко, любуясь красивой панорамой.

Он достал из багажника мелко поколотых дровишек, развёл небольшой костёр для антуража, расстелил рядом коврик. Затем принёс из машины приготовленные заранее бутерброды и термос с чаем.

«Как правильно я сделал, решившись на эту поездку», – с удовлетворением подумал Кацапов, заглянув в безоблачное небо. Оно слепило яркой синевой, напомнив ему те далёкие дни детства, когда он, сидя на горячем прибрежном песке, запрокинув голову, замороженным взглядом смотрел в небесную бездну. Смотрел и мечтал о будущем. Как давно это было! И как хорошо, что появилась возможность вновь испытать трепет души от встречи с родными местами!

О поездке на малую родину он мечтал много лет. Думал, что с выходом на заслуженный отдых наконец-то появится

долгожданная свобода, и он незамедлительно отправится в посёлок с удивительным названием Лисьи Гнёзда!

Но не тут-то было. Человек предполагает, а Бог располагает. Видать, не до конца ещё он, раб божий Михаил, испил горечь из своей чаши жизни, чтобы низошла на него небесная благодать.

После страшной драмы, когда Михаил вернул жену к жизни, в их семье закончилось благополучие навсегда. Пожалев жену и детей, он не ушёл из семьи и делал всё возможное, чтобы никто из родных или знакомых не догадался о разломе их семейных отношений. Более того, со стороны могло показаться, что он стал уделять жене и детям даже больше внимания, чем раньше. По выходным они всей семьёй стали выезжать на природу – за грибами, на рыбалку, просто отдохнуть на озере с шашлыками.

Сын был счастлив, а вот дочь такие поездки раздражали. Ей было шестнадцать лет, и она понимала, что семейная идиллия вовсе не настоящая, а показушная, фальшивая. Если бы отец и мать любили друг друга по-настоящему, они бы не стеснялись целоваться при ней, как делали это прежде, и не стали бы спать порознь в разных комнатах, объясняя это надуманными причинами.

Аннушка из послушного и порядочного подростка через полгода, связавшись с дурной компанией, превратилась в циничную девицу, дерзила на каждом шагу. Никакие меры воспитательного характера на неё не действовали. Однажды,

учинив очередной скандал с матерью, она ушла из дома к своему другу, который жил с престарелым дедом, сбежав от приёмных родителей. Молодые люди нашли друг друга.

Когда дочь призналась, что беременна – ей не было ещё восемнадцати лет. Михаил срочно познакомился с приёмными родителями будущего зятя и, как только молодые достигли совершеннолетия, сыграли для них свадьбу.

В то время ему казалось, что с появлением ребёнка дочь остепенится. Однако его ожидания не сбылись. Молодой зять, как оказалось, не был готов к раннему отцовству. Он часто зависал по сложившейся привычке на дружеских вечеринках, домой возвращался поздно и навеселе. Никакой помощи от него не было.

Результат не заставил себя долго ждать. Через год они с Аннушкой расстались, приёмные родители зятя потребовали от неё освобождения жилплощади. Возвращаться домой дочь категорически отказалась, переселилась с годовалой дочуркой у подруги.

Михаил проявил массу усилий, чтобы добиться для Аннушки отдельного жилья. Его начальник – близкий друг – после сумасшедших натисков подчинённого всё же пошёл ему навстречу, и вскоре дочь заехала в новую однокомнатную квартиру в доме для малосемейных.

Радость продолжалась недолго. Дочь снова примкнула к дурной компании и стала пропадать в ночных клубах, оставляя маленькую Кристину одну в четырёх стенах.

Через некоторое время у Аннушки появился ухажёр и она во второй раз вышла замуж. Степан – так звали нового зятя – оказался хорошим мужем. Ирина и Михаил облегчённо выдохнули.

Но и эта передышка продолжалась недолго. Степенный и покладистый Степан не позволял жене вольностей, пытался держать её в ежовых рукавицах.

Привыкнув к разгульной жизни, Анна в конечном итоге рассталась и со вторым мужем. Она стала менять мужчин, как перчатки. Кристине исполнилось пять лет, все приходящие дяди мелькали у неё перед глазами, и она каждый раз при встрече с бабушкой называла новые имена. У Ирины темнело в глазах, начало скакать давление.

К этому времени старшей сестре Любе стало тесно втроем в однокомнатной квартире. Её сын подрос, у него появились друзья и подруги, с вечерних прогулок он приходил поздно, когда Василиса Марковна уже лежала в постели. Парню хотелось посидеть за компьютером, поиграть, или же просто посмотреть поздние передачи по телевизору. Властная бабушка в приказном порядке требовала от него неукоснительного повиновения и загоняла в постель, поскольку он мешал ей спать. Между ней и дочерью стали происходить частые размолвки, грозя перерасти в крупный скандал.

После разговоров с Любой Михаил перевёз мать к себе, купив ей однокомнатную квартиру на одной лестничной площадке за стенкой.

Кристина стала под присмотром. И, к великому удивлению, у Аннушки в это время случился просвет в голове – она поступила в местный филиал областного университета. Выбрала профессию финансиста.

Жизнь, как взволнованная поверхность воды в озере, отогнав волны к берегу, наконец, успокоилась и заблестала под лучами солнца.

Однако, солнцу свойственно сиять на небе непостоянно. В любой момент ветер нагонит тучу, и она закроет светило.

Вот и для Кацаповых благодный свет с небес лился непродолжительно, хмурая туча принесла ненастье в их дом.

Дочь Аннушка внезапно тяжело заболела. Она таяла на глазах, превращаясь в былинку.

И опять Михаил бросился спасать дочь. Через друзей нашёл толкового врача, который поставил Аннушку на ноги, а после излечения отправил её с Ириной и внучкой Кристиной в южный санаторий.

Знать бы ему заранее, чем обернётся эта поездка – нашёл бы другой вариант оздоровления.

На курорте дочь повстречала чеченца по имени Цхогал. Он восстанавливал здоровье после травмы позвоночника на борцовском ковре. С этого низкорослого кавказца и начались очередные беды.

Цхогал очень быстро завоевал доверие Аннушки почти-тельно-вежливыми манерами поведения. Она поверила в искренность этой хитрой лисы. Через пару месяцев чеченец

приехал на Южный Урал и поселился у возлюбленной. Через девять месяцев Аннушка родила от него дочь и приняла мусульманство. Они прожили с Цхогалом ровно пять лет – пока тот учился в университете на платной основе. Платил за учёбу Михаил Кацапов.

Как только учеба была завершена, чеченец без раздумий отправился обратно на Кавказ. Следом за ним, продав квартиру, уехала и Аннушка с обеими дочерьми.

Перед тем, как покинуть Каргапольск, она пришла к родителям и неожиданно заявила:

– С этого дня, Михаил Александрович и Ирина Петровна, я отрекаюсь от вас. Вы больше не являетесь моими родителями, а, следовательно, дедушкой и бабушкой моим детям.

– Что ты такое говоришь, доченька?! – испуганно вскрикнула Ирина.

– Ты пошутила? – спросил Михаил Александрович, не поверив словам дочери.

– Нет, я не шучу.

– Тогда скажи нам, какая муха тебя укусила на этот раз?

– Вы оба лжецы, и я решила вычеркнуть вас из своей жизни, – неожиданно оглушила дочь.

– В чём состоит наша ложь? – дрожа от возмущения, заинтересовалась Ирина.

– А то ты будто не знаешь?

– Не знаю.

– В том, что твой Михаил Александрович не является мо-

им отцом.

– Это уже серьёзное обвинение, – медленно проговорил Кацапов, и вопросительно посмотрел на Ирину. – Для этого нужны достоверные факты. У тебя они имеются?

– Конечно, факт подтверждается моей группой крови, – с вызовом бросила дочь ему в лицо. У тебя – третья, у Ирины Петровны – вторая, а у меня – первая. Такого не может быть.

Михаил Александрович громко рассмеялся в ответ.

– Глупая ты девочка, – сказал он, просмеявшись. – Именно в таком сочетании родительской крови у ребёнка не может быть предсказуемого результата. Кстати, у твоего брата – четвёртая группа, по-твоему, у него тоже другой отец?

– Меня ваш сын больше не интересует, – сказала дочь. – И не нужно изыскивать других фактов о родстве.

– Мы можем пройти тест на ДНК, в конце концов, – попытался вразумить Анну Кацапов. – И поставим точку в твоих сомнениях раз и навсегда.

– Вы можете делать всё, что хотите. Меня ваша жизнь больше не интересует, а вам я запрещаю вмешиваться в мою. Понятно?

Самое скверное в этой истории было то, что при разговоре присутствовала Василиса Марковна. Она сидела на стуле бледная, разинув рот от невиданной дерзости своей внучки, и в разговор не встревала. Выслушав последние слова, она не выдержала и выплеснула ушат гнева:

– Как ты посмела такое говорить о родителях?! Они дали

тебе жизнь, образование, обеспечили жильём, терпели все твои выходки! Как тебя называть после таких слов?! Ты просто стерва! Мерзавка неблагодарная! Чудовище! Вот ты кто! Ой, Матерь Божья, как ты могла допустить такой срам?! Как жить-то после всего этого?

Михаил смотрел на дочь и поражался её хладнокровию. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Будто в ушах у неё был вмонтирован фильтр, который избирательно пропускал в голову информацию. Она словно и не слышала гневных слов бабушки.

«Это дело рук чеченца, – мелькнула догадка у него. – Это он внушал ей на протяжении пяти лет свою идеологию, вещал про главенствующую роль мусульманства среди других религий. Это он вбил ей в голову дикую мысль отречения от родителей».

– Это Цхогал внушил тебе всю эту чушь? – спросил он. – Он зомбирова́л тебя для такого разговора? Как ты смогла пойти у него на поводу? Ты же всегда отличалась своей независимостью, имела собственное мнение, боролась за справедливость! Когда ты успела потерять эти качества, дочь моя? Скажи нам, что это неудачная шутка, и мы воспримем этот инцидент, как глупое недоразумение. Ну же!

– Не смей больше называть меня своей дочерью, – потребовала Анна. – У меня другой отец, и я обязательно его найду.

Она развернулась и ушла.

А через месяц им с Ириной стало известно, что дочь продала квартиру, выписалась и уехала в неизвестном направлении. Больше всего удивил тот факт, что перед отъездом она развелась с Цхоганом, поменяла свои имя и фамилию на чеченские, тоже самое совершила и со старшей дочерью. Все эти события произошли в тайне от них.

После отъезда Анны у Василисы Марковны случился первый гипертонический криз, за ним последовал второй, третий...

К тому времени Михаил ушёл на заслуженный отдых и несколько лет держался рядом с матерью, опасаясь оставить одну.

А потом её сразил инсульт, она лишилась подвижности, речи и разума. Все заботы по уходу за больной матерью легли на его плечи. Ирина держалась в стороне, помогая ему лишь в крайних случаях, когда оказание помощи требовало дополнительных рук. Он её не осуждал, приняв такое отношение к свекрови, как должное, поскольку сам когда-то не смог поехать на похороны её родителей.

Через полгода Василисы Марковны не стало. За две недели до смерти, когда мать перестала принимать пищу, а затем и воду, приехала сестра Вера с Дальнего Востока.

Михаил до последней секунды находился рядом с матерью, держал её за руку и прикладывал ухо к груди. Глаза давно сделались стеклянными, а её изношенное сердце никак не хотело сдаваться. Оно медленно сжималось и из последних

сил проталкивало по венам кровь.

Михаил отчетливо слышал все предсмертные клокочущие и булькающие звуки в груди и не мог свыкнуться с тем, что он слышит последние признаки жизни родной матери. Ещё миг – и она отправится в вечность.

Лицо матери стало бледнеть со лба, затем побелел и заострился нос, она сделала последний вдох и затихла...

Михаил вздрогнул, из глаз выкатились слёзы.

– Нашей мамы не стало, – тихо проговорил он, зайдя в кухню, где находилась сестра. Последние дни та постоянно плакала, коря себя за то, что что не смогла приехать раньше, когда мать была с ясным рассудком. Ей хотелось о многом её расспросить, но она не успела. Заходить в комнату, где тяжело умирала мать, у неё не хватало сил.

Услышав скорбное известие, сестра громко разрыдалась.

Похоронили Василису Марковну вдали от мужа, на чужом для неё кладбище. Была вторая половина марта, по-весеннему светило яркое солнце.

После сорокового дня у Михаила созрело решение съездить на малую родину. Она звала его, грезилась во снах. Перед глазами простиралась тайга, он слышал её музыку, явно ощущал пряные запахи хвои...

И вот сбылась его многолетняя мечта. Через несколько часов он прибудет на малую родину. Вечером обязательно взойдёт на косогор и полюбуется закатом. Увидит, как солнце, скатываясь за горизонт, окрасит тайгу в золотисто-ра-

дужный цвет. Пойдёт на то место, на котором стоял почти четыре десятка лет назад, отправляясь в новую жизнь. Вспомнит, какие задачи ставил в тот час перед собой и насколько амбициозными они были.

И только потом приступит к исполнению намеченного плана. Возведёт красивый памятник из гранита на могиле отца, такой же, какой он воздвиг на могиле матери, поблуждает по тайге, проведёт несколько ночей на берегу реки, поразмышляет о промчавшейся жизни. Только в такой обстановке можно попытаться найти ответ на мучавшие его вопросы: правильно ли он шагал по жизни, не поступаясь совестью во имя справедливости, был ли счастлив по-настоящему на чужбине, где нет прошлого, а есть лишь настоящее? Для него это было очень важно.

И лишь после выполнения основных пунктов своего плана, можно будет попытаться отыскать одноклассников и однокурсников, которые ещё здравствуют на этом свете и не покинули родной край в отличии от него.

И ещё он обязательно съездит в Горнозаводск. На похоронах матери сестра Люба обмолвилась, что несколько лет назад, навещая могилку отца, на вокзале случайно повстречала Аннушку Мухамединову с взрослым сыном, которого она называла Мишей. Он хорошо помнит, как при упоминании дорогого ему имени в груди у него в один миг вспыхнул жар, а сердце забилося учащённо. Прошло столько лет, а оно до сих пор тревожилось и болело.

В ту памятную ночь расставания в башкирской деревне они не смогли заснуть до утра. Лежали спиной друг к другу и всё говорили, говорили, будто боялись упустить при разговоре самые важные слова, которых не могли подобрать. И потом, когда забрезжил рассвет, Аннушка вдруг повернулась к нему и неожиданно обняла. Он чувствовал, как дрожало и горело её тело, передавая этот жар ему...

Внутреннее чутьё подсказывало ему, что Аннушка будет рада встрече с ним. Он почему-то верил в яркую вспышку на фоне своего скудного бедняцкого счастья...

Михаил затушил костерок, свернул коврик и направился к машине. Он вдруг заторопился, словно испугался опоздать в родной посёлок, где его ожидало много радостных событий и встреч...